

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ДЕКАБРЬ
2003**

**КИСЛЕВ
5764**

№ 12(140)

СПОСОБНОСТИ, «ПРОСТЫЕ» И «ОСОБЫЕ»

Среди людей, что приходят со мной пообщаться, слишком многие недовольны жизнью. Спросишь у них порой: «Как дела?» А они в ответ принимаются вздыхать и плакаться: жить тяжело, забот и хлопот выше головы. И прочее в том же роде. Видно, это какое-то общее человеческое свойство – жаловаться. Послушав, я задаю еще один вопрос: «А хотели бы вы поменяться судьбой с таким-то (называю общего знакомого)?» Иногда ответ звучит незамедлительно: «Да ни в коем случае!» Иногда, после размышления: «Знаете, пожалуй, что нет». Выходит, человек хоть и клянет собственное существование, но на месте другого оказаться не согласен: у другого-то и напастей и бед еще поболее будет. А коли так – думать о жизни надо иначе. Еврейская нравственная традиция требует от каждого, чтобы, вспомнив о ближнем, мы прежде всего спросили себя самого: «Чем я могу ему помочь?» Потому что горестям и бедам на земле несть числа.

Особенно важно не забывать об этой традиции, когда речь заходит об инвалидах; уж у этих-то людей положение воистину тяжелое, и оно на виду. В давние времена, в эпоху примитивной медицины, средства возвращения искалеченного человека к жизни среди людей сводились к костылю и деревянной ноге. Больше ничего в руках у эскулапов и не было. Многие инвалиды вынуждены были сидеть по домам, и вопрос об их участии в жизни общества даже не возникал. Сейчас положение иное. На первый взгляд, в результате развития медицины инвалидам стало легче передвигаться, легче что-то делать, трудиться. Но, как сие ни парадоксально, проблем стало не меньше, а больше.

Я уж не толкую о таких элементарных вещах, как, например, пандусы для езды в инвалидной коляске или приспособления для подъема той же коляски в автобус или трамвай. Не стоит заводить разговор и о системе трудоустройства инвалидов: ведь не только работодатели, но и общество в целом отнюдь не готово сегодня в должной мере обеспечить больным людям равные возможности в трудовой сфере. Однако моральные тяготы, душевная боль – они-то для искалеченного, беспомощного человека, пожалуй, пострашнее материальной и бытовой неустроенности. Сплошь и рядом пережившие тяжелые телесные травмы люди живут с отчетливым ощущением, что физически здоровое большинство инстинктивно отторгает их от себя. И тут нет преувеличения. При этом многие сводят к минимуму контакты с инвалидами вовсе не от душевной черствости. Напротив, тут дело в деликатности – просто люди часто не знают, как себя вести, чтобы, не дай Б-г, не обидеть инвалида. Лучше уж просто держаться от него подальше.

Что же получается? Даже из лучших побуждений мы способны иной раз дать калеке, изувеченному существу повод ощутить свою оторванность от мира, свою неполноценность.

В этой связи вспомнилось мне кое-что, услышанное в уже довольно давние времена. Два человека, два инвалида войны Судного дня, поведали о своей встрече с Любавичским Ребе. Дело происходило лет примерно 30 назад. Осенью 1973 года арабские армии напали на Израиль. Напали в святой для евреев день, в Йом Кипур. В первые же сутки войны израильтяне понесли большие потери, а сотни молодых людей были тяжело ранены. Они навсегда остались калеками – без рук, без ног, ослепшие, глухие... После войны министерство обороны отправило группу инвалидов войны в США, чтобы те встретились с американскими евреями и рассказали о положении в Израиле.

Запланирована была и встреча с Ребе. Утром делегация отправилась в синагогу. Ребе приветствовал каждого гостя, для каждого нашел какие-то особые слова... Один солдат, сидевший в инвалидном кресле, потом рассказывал: «Поразительной была улыбка, которой он меня приветствовал. Я такой никогда не видел. Улыбка сквозь слезы! Я впервые почувствовал, что человек, говорящий со мной, не просто сочувствует – нет, он разделяет мое горе». Другого солдата потрясло, что Ребе, пожав руку, пристально поглядел ему в глаза и произнес только одно слово: «Спасибо». «Тут я понял, что я не жалкий калека – я сражавшийся воин, я защитил свой народ, и потому достоин не только сострадания, но и благодарности»..

Потом Ребе обратился ко всем присутствующим. «“Инвалидность”, – сказал он, – слово неточное. Его первоначальное значение, чтоб вы знали, – “неспособность”, “несостоятельность”. А человек с телесными повреждениями вовсе не лишен способностей! Сколько известно случаев, когда люди, обделенные в чем-то одним, добивались выдающихся результатов в другом! У каждого своя миссия в этом мире, и Г-сподь каждого наделяет всем, что тому нужно для выполнения именно этой миссии. Соответственно, физическое увечье компенсируется человеку духовной силой. У вас есть потенциал, которого лишены многие физически здоровые люди, – продолжил Ребе. – Вы не “лица с ограниченными способностями”, как подчас общество именует инвалидов, вы – “люди с особыми способностями”».

Разумеется, слова Ребе имеют отношение не только к инвалидам израильских войн, но и к тем, кто был тяжело ранен, защищая Россию. Да и ко всем другим инвалидам – детства, труда... Это не лишённые способностей! Это «особые» люди! Тот факт, что они продолжают жить, вернулись в общество, к труду, говорит о духовной мощи этих людей. Каждый ли из нас может похвастаться тем же самым?

Главная мудрость Ребе проявилась в том, что он говорил и вел себя с инвалидами так, чтобы они не стеснялись его, не робели из-за своей «инакости». Инвалид должен ощутить, что мы его ценим и уважаем уже хотя бы за то, что он живет, мужественно преодолевая гораздо большие трудности, нежели можно себе представить.

Ну и, разумеется, мы должны, насколько это в наших силах, облегчить инвалиду его беду. Хоть на миг. Кто-то уступит калеке место в троллейбусе, кто-то поможет въехать по крутым ступенькам. Кто-то предложит интересную работу... И каждый окажет моральную поддержку, чтобы этот человек чувствовал себя необходимым и в общине, и в обществе.

Дружба с инвалидом – серьезный урок и для каждого из нас. Урок, радость и испытание. Б-г дал нам возможность выполнить важную мицву – стать полезными другому человеку, помочь ему в очень нелегкой ситуации. И – может быть, самое главное! – дать ему почувствовать, что его болезнь и увечье не отделяют его от окружающих, а, наоборот, делают ближе к людям, среди которых он так непросто живет.

Главный раввин России Берл Лазар

За буквой Закона

Двойной стандарт

Суди о каждом с лучшей стороны.

Поучения отцов, 1:6

На уровне житейского понимания это означает следующее. Обнаружив некую отрицательную черту у ближнего или же видя, что он совершает какой-то неблагоприятный поступок, не говори в сердце своем: «он виновен».

Недаром еще одно из речений предостерегает:

Не суди ближнего, пока не побывал на его месте.

Поучения отцов, 2:5

Это, безусловно, мудрое и справедливое предостережение. Но ведь нам никогда и не удастся «побывать на месте другого»!

И правда, ну разве можем мы с уверенностью сказать, как и в какой мере натура человека, его происхождение и воспитание или те обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться, предопределили в конечном итоге не только склад его характера, но и его поведение?

Ну хорошо, из всего этого, предположим, следует сделать вполне обоснованный вывод – почему не стоит винить ближнего.

Но ведь заповедь-то говорит не совсем об этом! Вдумаемся: эта заповедь призывает нас «судить о каждом с лучшей стороны».

То есть заповедь настаивает на том, что даже в недостатках ближнего мы должны пытаться увидеть отражение его достоинств.

Но вот и еще вопрос: как же можно счесть достоинством проступки, например? Или: следует ли причислять к разряду достоинств несправедливые деяния?

Daāi ūā ī dē āiō ī āōēō daqēē-e'ō

Пояснить этот кажущийся парадокс может другое высказывание – из Талмуда:

«Чем больше превосходит человек ближнего своего, тем больше склонность его ко греху».

Сукко, 52a

В этой формуле заложен один из ключей к пониманию важнейшего положения Торы, утверждающей, что в своих действиях человек наделен «свободой выбора».

Однако зададимся вопросом: насколько можно приблизиться к истине, если говорить, что выбор каждого – свободен, что он совершен не под давлением обстоятельств?

И тем более не сразу удастся понять: как можно осуществить «свободу выбора», если жизнь ставит всех в изначально неравные условия?

Действительно: имеем ли мы право приравнять моральный выбор человека, который вырос в окружении любящих домочадцев, в стабильности и достатке, получил превосходное образование, – к выбору того, кто знал одни лишения, рос среди чужих, в полной мере испил горькую чашу бездомного, бедности, неприкаянности и отчаяния?

Разве мы вправе равно судить того, кто уже от рождения был одарен тонким умом и отзывчивым сердцем, и того, кто обделен этими качествами? Разве их выбор одинаково «свободен»? И действительно ли они оба несут равную ответственность за совершаемые ими поступки?

Но, однако, ответ на эти вопросы – «да».

Конечно же, нет двух одинаковых людей. Каждому дана его неповторимая жизнь, бросающая свой вызов, и чреватая именно этими испытаниями, присущими именно этому человеку. Да, каждому даны именно такие – а не какие-то другие! – способности и возможности.

Но при всем том, свободный выбор означает, что Творец, создав каждого человека с присущими именно ему обстоятельствами его жизни, также наделил его и всем необходимым, чтобы достойно встретить предстоящий моральный выбор. Вспомним еще раз и вдумаемся в то, что сказано в приведенном выше талмудическом трактате:

***«x'ai afe'usa i da'at n'ra'et ÷ a'e'ia'e a'ee'e'ia'at n'ra'at, o'at afe'usa
i a'e'e'i' i n'ra'at e'i a'da'ab».***

Nóe'et, 52a

Если исходить из этого положения, то получается, что чем щедрее наделен человек талантами и способностями, тем большие искушения ему предстоят?! Значит, зло и порок, ищущие уловить его, – иные, нежели те, с которыми сталкивается обыкновенный, «средний человек».

Точно так же больше препятствий на жизненном пути, больше испытаний выпадает безусловно тому, кто щедрее наделен и большей твердостью, и недюжинными способностями преодолевать трудности.

Поэтому, если ближний совершил столь страшное преступление, что для вас невозможна сама мысль о чем-то подобном, если он осаждаем демонами столь ужасными, что вы не в силах даже и помыслить о существовании столь черного зла, знайте, что этот несчастный наделен потенциальной способностью творить добро, вам неведомой. Ибо она во много раз превышает ваш уровень.

Поймите – если он поддался силам, чье могущество превышает все, с чем доводилось сталкиваться вам, значит, он обладал внутренними ресурсами, которые необычайно богаты. По всей видимости, беда его лишь в том, что он не использовал этот дар в полной мере и не позаботился о раскрытии этого дара вовремя.

Говоря иными словами, следует думать не о том, что представляет собой тот или иной человек, а о том, кем бы он мог быть. А посему – и концентрировать внимание следует вовсе не на том, как способности человека обернулись во зло, но на том, каков был его изначальный потенциал для устремления к добру.

Аәі пә әі і га әтәр: әі еә

Мы должны о каждом из нас судить с лучшей стороны. Именно – о каждом, но только исключая самого себя.

Ибо все вышесказанное «работает» применительно к другому человеку, но, оказывается разрушительным, едва мы применим это к себе.

Действительно, представьте себе хоть на мгновение человека, заявляющего:

– Совершенно верно, я прожил жизнь кое-как, но только подумайте, на что я способен! Оцените и мой ум, и утонченность моих чувств, и мои выдающиеся таланты! Это все пребывает внутри меня. Право же, что до того, что я не позаботился о реализации всего моего богатства! Но мое истинное «я» – таково. А уж насколько мне удалось его осуществить и явить миру, – это и вовсе значения не имеет.

Что ж, если мы беремся судить о жизни человека и о его достижениях, то тогда непременно следует помнить, что мы должны применять некий «двойной стандарт».

А именно: помышляя о ближнем, мы обязаны исходить не столько из реальностей, составляющих его жизнь, сколько из заложенных в этом человеке возможностей.

Тогда как собственную ценность нам нужно мерить нашими реальными достижениями. И при этом, однако, следует неукоснительно помнить, что заложенный в нас потенциал – «вещь в себе» и никак не проявлен вовне.

...Рассказывал рабби Йосеф-Ицхок, сын рабби Шолома-Дов-Бера Шнеерсона (1860-1920), пятого Любавичского Ребе:

«Как-то, когда мне было четыре года, я спросил отца:

– Почему Б-г дал человеку два глаза? Почему не один – ведь у нас всего один рот и всего один нос?!

Отец ответил на это:

— Бывает так, что человек должен смотреть правым глазом: с сочувствием и симпатией. А бывает так, что – левым: недоброжелательно и сурово. На ближнего мы должны смотреть правым глазом, а на себя – левым».

Воистину так.

Дурной друг, святой недоброжелатель

Γεὸς ἐστὶν Ἀδελφεὺ ἄγιός ἐστις:

Ἀδελφεὺ μὴ ἵσθαι ἐκείνου ἵνα ἴσθαι μὴ ἴσθαι, ἵνα ἴσθαι ἐκείνου ἵσθαι ἵνα ἴσθαι ἐκείνου ἵσθαι.

Ἰσοῦς ἐστὶν ἵσθαι 1:7

На первый взгляд, это наставление Нитая из Арбеля говорит о вещи элементарно простой, если и вовсе уж не банальной.

Это ведь так естественно – дать добрый совет: «Держись в стороне от дурных людей». Но на самом деле, в словах этих содержится весьма глубокий смысл.

Стоит присмотреться пристальнее к этому высказыванию, и тогда оно вовсе не покажется нам ни таким уж простым, ни тем более – банальным.

Подумаем, как ответить на следующие вопросы.

В чем разница между «плохим соседом» – и «дурным человеком»?

И почему от одного надо держаться подальше, тогда как с другим достаточно просто не общаться?

«Плохой сосед» – это тот, чья близость для вас неблагоприятна. Но вовсе не обязательно, что этот сосед – дурной человек. Даже, возможно, он праведен, и его образ жизни вполне хорош. Но, желанен такой образ жизни только ему, а не вам.

Вот и следует ответ: если жизнь, которую ведет этот сосед, не несет вам блага, но, наоборот, оборачивается во зло, тогда вы постарайтесь держаться от этого соседа подальше.

С другой стороны, «дурной человек» – вовсе не обязательно плохой сосед, если он не имеет на вас никакого влияния. И потому вам вовсе не надо «держаться от него подальше». Скорее, наоборот: расположите его к себе и затем помогите ему стать лучше. Но только сами при этом постарайтесь соблюсти единственное условие! – тесно не общайтесь с ним, а уж тем более не берите с него пример, чтобы не уподобиться ему.

Иначе говоря: зло в ближнем – вовсе не повод вконец отшатнуться от такого человека. Вот только при общении с ним держитесь подальше от того, что – как вы сами ощущаете, – способно обернуться злом для вас.

Ну а то, что ближний – «дурной человек», наоборот, предоставляет лишь повод для вас самих лично принять в этом человеке доброжелательное участие.

А это означает одно: вам же еще и предоставляется возможность использовать поистине счастливый шанс – позаботиться о том добром, что заложено в вас самих.

Ḥēdūōūē ī īōēā

Āēēāē āāīdēō:

Āōāū ḥāāē ō:āī ēēīā Āāōīā, ēpāē ī ēd ē āīāēāāēīy ī ēdā, ēpāē ēpāāē ē īdēāēēāē ēō ē Ōīdā

Ī īō:āī ēy īōōīā 1:12

Ōīdā āāēō īāī :

Ēpāē āēēāī āā ḥāīāā, ēāē ḥāī īā ḥāīy.

Āāēēōī, 19:18

Однако человеческому сердцу нелегко сразу вместить эти слова. Особенно бывает трудно любить ближнего, как себя самого, когда этот ближний и морально, и духовно нас ниже.

Насколько искренне способны мы признать ближнего равней себе, когда и его характер, и его поступки совершенно недвусмысленно свидетельствуют о явной развращенности этого человека?

С кругом этих вопросов связана и более частная проблема, на протяжении столетий вызывающая множество споров: как должен относиться еврей к еврею, сбившемуся с пути Торы?

Начнем с того, что уже в первой главе талмудического трактата «Поучения отцов» великий мудрец Гилел наставляет нас:

Люби людей и приближай их к Торе.

Слово бриос – «люди», которое использовано здесь, – один из многих терминов, употребляемых в иврите для обозначения понятия «человек». Так вот, в приведенном высказывании употреблен именно этот термин, и он подразумевает «человека» в самом низком, почти биологическом смысле – как одно из специфических созданий Б-га.

Тем самым, уже явственно подразумевается, что Гилел говорит нам: любите и этих созданий, любите и тех, чье достоинство лишь в том, что они созданы Б-гом. Любите – и своей любовью постарайтесь привести их к Торе, к ее этике и идеалам.

С виду может показаться, будто бы этот подход Гилела порождает куда больше проблем и недоумений, чем их разрешает.

Что, например, означает: «любить создания Б-га и приближать их к Торе»? Какого рода эта любовь? Она такая, когда ничего не требуют от того, кого любят, но принимают его, «терпят» его таким, каков он есть?

Или это – иная любовь, в которой соприсутствует высокий мотив самоотвержения любящего, вызывающий глубочайшее, искреннее уважение?

Идет ли речь о том, чтобы «любить ближнего, как себя самого», или речь о том, чтобы «любить ближнего и этой любовью сделать его подобным себе»?

Öäñäññëë ííäöîä

Комментируя приведенные высказывания Гилела, основатель учения и движения хасидизма Хабад рабби Шнеур-Залман из Ляд, в 32-й главе своего трактата «Тания» писал:

«Даже людей, далеких от Торы Всевышнего и от служения Ему... нужно привлекать крепкими узами любви, и все это в надежде, что удастся приблизить их к Торе и служению Всевышнему. И даже если нет [тот, кто так поступает], не теряет своего вознаграждения за исполнение заповеди о любви к ближним».

Заметим, что эти слова рабби Шнеура-Залмана нуждаются в пояснении.

На первый взгляд может показаться, будто бы он смешивает оба понятия «любви», о которых говорилось выше. В конце приведенной нами цитаты рабби явно настаивает на том, что сама необходимость любить ближнего не зависит от того, оказал ли любящий на ближнего влияние, обернувшееся тому во благо. Более того: даже если попытки подтолкнуть ближнего к добру и обернулись ничем, то и тогда заповедь была все равно исполнена.

С другой стороны, рабби Шнеур-Залман пишет о том, что ближних «нужно привлекать крепкими узами любви... в надежде, что удастся приблизить их к Торе и служению Всевышнему»!

Ëîä ññ-ëò àòü ääðäü ?

Следовало бы отметить некоторую двойственность, возникающую в речениях наших мудрецов в тех случаях, например, когда они говорят о самой природе отношений одного еврея к другому.

Подобная двойственность проявляется и в описании нашими мудрецами понятия «еврейство».

Ääñëñò äüí ííñöü è äííëñäí èë òíä, èäëíäü íòííòäí èý ääðäý ñÄ-äí.

Öäë, íäí ðëí ää, ä Öäëí öüä ñëàçüí í:

«Ääðäë, ääë ä äñë è íí íòñò öí èëñý è ñääðë è äää, íñò ääòñý ääðäü ».

Ñäí ääðëí, 44ä

Исходя из подобных высказываний еврей может – храни от этого Б-г! – нарушить Тору, но это не повлияет на данные ему от рождения узы, что существуют между ним и Всемогущим.

Ï è ääðë Ääëë èñ ðäää (1:4) ääí ðëò í äí :

***«Öí ðä í ðääë äñò äí äëä ñò äí ðäí èð í èðä.. í í íññü í ä Ëçðäëë ä ñçí äí èë Ä-äñ
í ðääë äñò äí äëä äñü ó.»***

И однако множество стихов и речений Торы со всей определенностью подразумевают, что еврей связан с Б-гом через Тору и только через нее.

Так, например, в развитие этой темы в фундаментальном кабалистическом трактате Зогар (ч. III, 73а) говорится:

«Есть три сущности, связанные друг с другом: Б-г, Тора и Исроэл... Исроэл связан с Торой, а Тора – с Б-гом».

Противоречия здесь кажущиеся – их вовсе нет. Истинно и то, и другое. Еврей есть еврей, кем бы он ни был, что бы он ни совершил. Узы, соединяющие со Всемогушим, даны каждому еврею как неотъемлемый дар.

Это для каждого еврея воистину – величайший и драгоценнейший дар. И дар этот вечный и непреходящий – независимо от того, насколько связь осознается евреем и находит ли она свое выражение в его поступках и поведении.

Однако реализация этой связи, а именно – как и насколько физическое бытие и быт еврея отражают и материализуют в этом мире его сущностное «я», – реализация эта возможна лишь на путях земной жизни в согласии с Торой.

Даже и более того неразрывна и непреодолима эта связь. Ибо, поскольку жизнь в согласии с Торой и есть выражение того, чем является, по самой своей сути, еврей, – он просто не может до бесконечности уклоняться от соответствующего образа жизни. А следовательно, рано или поздно, но его истинное «я» непременно заявит о себе.

И хотя бы лишь поэтому любовь к ближнему за то, что он есть, и любовь, ищущая повода стать импульсом, который приведет ближнего к Торе, – это два рода, два воплощения одной и той же любви.

И обе эти ипостаси любви – едины и нераздельны.

Ááñéí ì ìðì èññ ìñò ù ñ ÷ ááñò áéý

Ì áðá-è ò ááì è ááòì ááì ñý áù á ðáç

Ááúñ ñááè ó-áí èéíá Ááðíá.. èðáè èðááè è ìðéáéèæáé èð è Òíðá

Сказано Гилелом именно так: приближай их к Торе – а не наоборот. То есть лично ты по отношению к ближнему своему не оставайся равнодушным. Протяни руку ближнему и помоги ему сделать шаг вверх, достичь жизни, наполненной внутренним смыслом. Поставь его на путь к жизни, направляемой Торой.

И не думай, будто ты окажешь услугу ближнему, если низведешь Тору до его уровня.

Не думай, будто бы Тора окажется привлекательнее для тех, кто далек от нее, если ты попытаешься выхолостить ее, чтобы Тора соответствовала очередной моде. Выйдет из всего этого с точностью наоборот: половинчатая версия вечной истины только оттолкнет тех, кто взыскует постижения цели и смысла жизни.

С другой стороны, Гилел подчеркивает, что сперва следует «любить людей». И еще он подчеркивает: лишь постольку, поскольку существует эта любовь, можно рассчитывать, что удастся «приблизить их к Торе».

Ибо если твое стремление просветить и изменить человека к лучшему предшествует тому, что ты принял этого человека, каким он есть, – тогда это стремление обречено.

Любовь Аарона к ближним своим была продиктована вовсе не его стремлением как-то лично на них повлиять.

Совсем наоборот!

Именно потому, что Аарон любил ближних, не предъявляя никаких условий, – он и был готов сделать все возможное, чтобы ближние его получили то, в чем нуждались, – и физически, и духовно.

Çà i ðäääëài è ôèçèèè

Àíëè í á ý çà ñááÿ, ò î èò î çà í áíÿ? È áíëè ÿ ò í ëüëí çà ñááÿ, ò î ÷ò î ÿ ò àèíá?

Í íó: áí èÿ í ò öí á 1:14

Талмуд утверждает, что Ковчег с парой Святых Скрижалей, на которых начертаны были Десять Заповедей, хранящийся в Бейс а-Микдаш – в Святом Храме в Иерусалиме, обладал совершенно необычными физическими параметрами.

В Торе сказано о размерах Ковчега:

«...ää ñí íëíáèí íé èíèòÿ äèèí íþ, í íëòíðà èíèòÿ øèðèí íþ è í íëòíðà èíèòÿ áííí ò íþ».

Øí íéñ 25:10

И при этом, согласно Талмуду, Ковчег вообще не занимал никакого физического пространства внутри Святого Храма: чудесным образом

«Í ðí í áðí í á í íéàçíááèè í áíòí, çàí ÿ ò í á Èíá: áíí í ».

Òàèí óá Èíí á, 21á

Итак, на что же указывает это чудо?

Отвечая на такой необычайно сложный вопрос, всякий человек, стремящийся стать лучше, сталкивается с дилеммой.

Должен ли он лично стремиться к тому, чтобы преодолеть свою природу и вырваться за положенные ею пределы?

Или же следует самому «работать» с тем, что дано ему от природы, стремясь максимально выявить именно то, что он и представляет собою изначально?

По всей видимости, оба эти подхода представляются вполне правомерными. И оба они имеют как свои преимущества, так и недостатки.

Так, в частности, первым подходом – «преодоленческим» – предполагается следующее. Человек, в своем стремлении достичь совершенства должен дотянуться до того, что больше, чем он сам. Он призван некоторым образом «выплеснуться» за пределы, положенные его индивидуальностью, которая сама – определенное ограничение.

Однако же «возвышенный», так называемый духовный «опыт» зачастую и остается чисто внешним по отношению к личной реальности того, кто его пережил. И нередко опыт этот ускользает от того, чтобы реализоваться в нечто определенно осязаемое в повседневной жизни человека.

Можно констатировать: вечная «физика Ковчега» служит нам уроком. А именно: два названных подхода должны – и вполне могут! – осуществляться совместно.

Ковчегу, как видим, присуща трансцендентность по отношению к нашему пространству. И при этом Ковчег сохраняет все свои физические качества, в частности, он обладает реальными физическими размерами.

Точно так же происходит и с людьми. Ибо каких бы высот ни достиг человек, только его достижения всегда могут – и должны быть! – абсолютно неотъемлемой, неотторжимой частью его «здешнего» человеческого «я».

Потому-то и жизнь в согласии с Торой, олицетворяемой Ковчегом, хранящим Десять Заповедей, позволяет любому человеку прикоснуться к тому, что лежит за пределами ограничений его физического и социального бытия.

В то же время всем этим кругом мироощущения определенно подразумевается, что человек, живя в полном согласии с наставлениями Торы, сделает эту высшую реальность своей реальностью.

И лишь таким образом очеловеченная она и станет неотъемлемой частью его «я» – его характера и поступков, наполняющих жизнь день за днем.

11:59:59

И если не теперь, то когда?

Поучения отцов, 1:14

Талмуд утверждает:

«Наш мир – праздничное застолье – ...насыщайтесь и ешьте, насыщайтесь и пейте».

Эрувин, 54а

Исходя из этих установлений люди – те, что пришли на этот пир в самом его начале, – приступают к процессу еды и питья скрупулезно и методично.

Сначала они дегустируют закуски – притом делают это в меру, только для того, чтобы разжечь аппетит.

Потом наступает черед горячих блюд и напитков. Блюда и напитки следуют друг за другом в определенном порядке, по восходящей. Делается так исключительно для того, чтобы последовательность смены кушаний приносила максимум гастрономического удовлетворения вкушающим их.

Но, вот вопрос: а как же быть тем, кто явился на этот праздник к концу? Как быть тем, кто пришел всего за несколько минут до его завершения? Пришел чуть раньше, чем пробьет полночь, когда все со стола будет убрано, мебель – расставлена по углам, а двери окажутся запертыми?

Что же поделаешь, если в полночь ресторан закрывается...

Для опоздавших попытка следовать неписаным правилам обеденного этикета обернется известно чем. Ну да, понятно – когда за ними закроются двери и они окажутся на улице, в желудках у них будет по-прежнему пусто.

И вот мы говорим им: «Просто насыщайтесь!» Насыщайтесь: мясом, салатом, супом, вином и рыбой! И, насыщаясь, уже вовсе не заботьтесь о правильном порядке блюд и обо всем прочем, что не является наиважнейшим.

Все понятно: вам следует со всей отчетливостью все оставшееся время помнить, что вы бежите наперегонки с часовой, минутной, секундной стрелками. А потому: насыщайтесь – и ешьте, насыщайтесь – и пейте...

Те поколения, что пришли к столу раньше нас, живущих ныне, – те достаточно строго придерживались извечной последовательности вкушения тех духовных блюд, которые стоят в «меню» Торы. И именно поэтому их праздник жизни шел размеренно и чинно.

В предшествующих поколениях никто не решался пригубить вино эзотерического учения, касающегося сокрытых тайн творения, прежде чем он не наполнит желудок «мясом и картошкой» Талмуда и еврейского законодательства – Алохи.

Никто в те прежние времена не был настолько самонадеянным, чтобы полагать, будто ему удастся «высветлить» свою природу и тем самым изменить собственное «я» прежде, нежели он добьется некоего совершенства в своих внешних проявлениях.

Однако этого добиться не удастся, прежде чем каждый его поступок, каждая мысль и каждое слово не будут осуществляться в полнейшем согласии с требованиями Торы. Действительно, все это, было роскошью, выпавшей на долю уже ушедших поколений...

Сегодня же мы стремительно приближаемся к концу истории к тому необычайному дню, когда Мошиах возгласит начало новой эры нашего Освобождения, – эры Б-жественности и совершенства.

Но тем самым Мошиах, наконец, сорвет с наших глаз завесу, и тогда станет уже совершенно явственно, что мы делали и чего мы достигли. Но вместе с тем окажется объясненным то, что и наши проступки, и наши обретения равно проистекали от несовершенства нашего состояния.

Поэтому – насыщайтесь! Насыщайтесь еще одной заповедью, изучайте и постигайте иной лик Торы, сокрытый в ее глубинах. Оставьте всяческие суетные заботы о надлежащей последовательности подобного насыщения – просто стремитесь приблизиться к пределу его. Стремитесь к этому неустанно – теперь, сейчас.

נֹחַ וְיִיטֵאֵיֵי

Шимон [сын Гамлиэла] говорил:

**Я рос среди мудрецов все дни мои и понял, что нет ничего лучше для плоти, чем
молчание...**

Поучения отцов, 1:17

Талмуд идет еще дальше, утверждая:

**«Что есть цель человека в этом мире? Стать молчащим,
как немой».**

Хулин, 89а

Конечно же, каждый из нас может представить множество ситуаций, в которых предпочтительнее хранить молчание.

Но разве в этом – величайшая добродетель? И разве в этом заключается цель жизни?

По сути, этот мир есть высказывание – Б-жественное высказывание.

«Сказал Всесильный: “Да будет свет” и стал свет... И сказал Всесильный: “Да будет пространство...” И сказал Всесильный: “Да стекается вода...” И сказал Всесильный: “Да явится суша”».

Брейшис, 1:3-9

Тора свидетельствует непреложно – так возник к бытию наш мир во всем его многообразии и во всей его сложности.

Мыслители, сторонники учения хасидизма, утверждают, что эти Б-жественные высказывания – не только причина материализации мира, сотворенного его Создателем. Именно эти высказывания Б-га, Творца Всемогущего, были и продолжают быть самой «плотью» мира.

То, что все мы воспринимаем как физический свет, на самом деле – Б-жественная артикуляция Его желания, чтобы был свет.

Трава есть не что иное, как наше физическое восприятие Б-жественных слов:

«Да произрастит земля зелень...»

Брейшис, 1:11

И так далее.

Понятно, конечно, что все высказанное «устаами» Б-га – вовсе не обычный «голос» в том физическом смысле, который вкладывают в это понятие люди. Тора лишь использует термины, вызывающие к нашему опыту. Причем, в Торе использованы эти термины только для того, чтобы – через них! – мы познали нечто о связи, соединяющей наше существование с Б-гом.

И, когда Тора говорит о «словах» Бга, творящих мир, именно тогда она стремится поведать о сущем. О том сущем, которое, с одной стороны, отделено от истока своего существования, а с другой – полностью от него зависит. Мало того: сущее вообще таково, что, кроме этой зависимости, никакой иной реальностью не обладает.

Метафора, связанная с «речью», позволяет все это передать нам, людям – созданиям Всемогущего Творца.

Известно: произнесенное, едва оно произнесено, в тот же момент само начинает существовать – совершенно автономно, вне говорящего.

Мысль, выношенная человеком и существовавшая только в его сознании, едва лишь она облечена в слова, перестает быть его достоянием и начинает существовать сама по себе.

Но при этом сами слова, речь, как она есть, существуют лишь до той поры, пока человек не перестает говорить. Передать, что же представляло собою сказанное, когда оно уже отзвучало, можно лишь одним способом – поведав о намерениях того же говорившего.

Осознав это, попробуем взглянуть на наш мир как он есть.

С одной стороны, Б-г пожелал, чтобы мир – был. И именно это желание Создателя вызвало к бытию ту реальность, которая (с точки зрения этой реальности) отделена от Него.

С другой стороны, существование этого мира всецело обусловлено Б-гом. Ибо понятно, что наш мир обладает лишь той реальностью, которую Б-г постоянно создает и поддерживает как сущее.

А сталкиваемся ли мы с чем-то подобным в сфере нашего сугубо земного, материального опыта?

Конечно же, это похоже на соотношение речи и говорящего. Пожалуй, именно это – самая точная аналогия, которую может предложить наш опыт. Действительно: мир есть высказывание Б-га.

Однако необходимо помнить, что существует одно – и притом важнейшее! – исключение. А именно: все, что сказано выше, применимо ко всему сущему в мире, кроме одного – кроме души человека.

Когда Тора говорит о сотворении тех или иных сущностей, мы понимаем: все они вызваны к бытию речением Б-га.

Но этого не сказано о душе.

Зогар (ч. II, 119а; Ор Тора рабби Дов-Бера из Межерича, 2с) и Тания (гл. 2) поясняют, что душа есть не слово Б-га, а – мысль Б-га.

Теперь, поразмыслив над всем этим, мы придем к выводу, что душа – творение Б-га, которое не «отделилось» от всепроницающей реальности Б-га.

Душа – сотворенная Создателем сущность, которая не только ощущает свою абсолютную зависимость от источника (что, по большому счету, свойственно всему творению), но и не воспринимает себя как сущность вне Б-га.

Итак, пребывающая одна в многословном мире, душа человека погружена в молчание.

И жизненная миссия души человека – наполнить этим молчанием окружающий ее мир.

Ááðááî á îéðáæáí èè èáì íÿ

Èîîáó, Èáááà è òáðî-îéóáî

Не учение главное, а деятельность.

Поучения отцов, 1:17

Сказано в Талмуде:

«Рабби Тарфон и прочие мудрецы сошлись в Лоде, и был им задан вопрос:

– Что важнее – учение или деяния?

Рабби Тарфон сказал:

– Деяния важнее.

Рабби Акива сказал:

– Учение важнее.

И всеми вынесено было решение:

“Учение важнее, ибо учение подводит к деяниям”».

Кидушин, 40б

Заметим, однако, – в заключительной формуле акцент делается все же именно на деяниях. Может показаться, будто бы деяния – важнее. Ведь это – главная составляющая той миссии, которая возложена в этой жизни на каждого из нас. И если первенство отдано учению, то лишь потому, что всем нам следует сначала научиться, что именно делать и каким образом.

И, тем не менее, все же – вопросы остаются. Рабби Тарфон сказал одно, а рабби Акива – иное. Неужели, по самой сути своей, сказанное ими – это действительно одно и то же?

И если все собрание мудрецов пришло к единому заключению о том, будто бы деяния важнее учения, то почему же все-таки итоговая формула начинается утверждением:

«Учение важнее»?

Разве в таком случае не правомернее было бы сказать:

«Деяния важнее, ибо учение подводит к деяниям»?

Ḍāḡāèòéá è îòéāç îò ññý

Учение подразумевает развитие и совершенствование нашего «я». Тогда как деяние связано с подчинением личностного «я» – так называемой «самости» – задаче, стоящей перед человеком.

Поэтому-то и вопрос, поставленный перед собранием мудрецов, может быть сформулирован иначе:

– К чему должен стремиться человек, чтобы достичь высшего идеала, – к самосовершенствованию или к отказу от собственного «я»?

И правда: чего ради создан был человек? Для того ли, чтобы совершенствоваться, или для того, чтобы служить Создателю?

Тора свидетельствует со всей непреложностью, что человек создан для служения Творцу. При этом человек обязан сначала научиться правильному действию. Ну а для того, чтобы служить, человек должен еще и созреть для служения.

Ибо мало сказать: человек был сотворен, чтобы служить Всемогущему, нет! Прежде всего следует в полной мере осознать и уяснить одно – всё окружающее человека существует лишь во имя этого служения.

А тогда – уж если человеку даны разум, сердце, воля, способность к наслаждению! – безусловно, тогда и служение отлично от механического служения робота.

Для того, чтобы действительно служить Создателю, человек должен дорасти до понимания этого высокого, ответственнейшего призвания. Человек, кроме того,

еще и должен приобрести опыт, и возжелать столь высокой миссии, которая возложена на него в этой жизни, и обрести в этом радость.

Все вышесказанное объясняет то самое утверждение:

«Учение важнее, ибо учение подводит к деяниям».

Истина жизни в том и состоит, что человек существует только во имя служения Творцу. Это – высочайшая цель и основание всего сущего.

Но вспомним хасидскую формулу: «основание погребено в земле». Следовательно, свойство основания в том, что оно скрыто, неразлично взглядом. Видимое нам жизнестроительство связано с накоплением знаний, самоусовершенствованием, саморазвитием. Словом, – со всем тем, что насыщает и развивает человеческое «я», а не отрицает его, отбрасывая в сторону, как ветошь.

Жизненный путь мы воспринимаем как поприще для реализации амбиций, способностей, талантов. Да, наше человеческое, сущностное призвание – реализовать себя в деяниях. То есть – отбросить «я» во имя действия.

И однако же мы полагаем, что есть иная составляющая жизни, которая «важнее». Это – стремление к совершенству. На начальной стадии духовного развития именно оно играет главенствующую роль. Именно это стремление и подчиняет себе наши жизни...

Но что можно сказать о тех, кто в конце концов достиг совершенства? Определенно одно: совершенный человек все видит иначе. Для него важнейшим становится именно «деяние», это означает поистине самоотверженное служение Всемогущему.

Действительно так, ибо «я» человека и все данные ему способности задействованы в этом служении. В самом деле: он служит Творцу разумом и сердцем, но при этом сами мысли и чувства отступают на второй план.

И правда: совершенного человека ведь волнует вовсе не один опыт, которого он удостоился, и отнюдь уж не те высоты понимания, которых он достиг. Для него важна лишь реализация конечной цели творения. Воистину – вся его жизнь поэтому-то и проходит под знаком действия.

Вдумаемся – именно об этом и говорил рабби Тарфон! Совершенный человек забывает о собственном «я», всецело подчиняясь служению, то есть – действию.

Итак, эти два «сценария» человеческого существования свидетельствуют не только о различии между совершенствованием и совершенным человеком, но и описывают две стадии в развитии человечества и всего творения.

К нашему нынешнему, пока еще несовершенному состоянию в полной мере приложимы слова рабби Акивы: «Учение важнее». Правда, мы знаем о том, что учение вовсе не есть самоцель, как знаем и о том, что оно призвано стать подступом к деянию. Однако именно личное совершенствование покуда остается сердцевиной нашей жизни.

Все переменится с наступлением эры Мошиаха. Зло и невежество навсегда останутся в прошлом, а все благое и совершенное, что есть в нас, сможет проявиться сполна. И вот тогда-то первенство и будет отдано деянию.

Это вовсе не означает, что человек в те грядущие времена уподобится бездушно действующему автомату. Нет, наоборот, наше понимание и восприятие Б-жественной реальности будут намного глубже, чем сейчас. Но при этом мы перестанем относиться к нашему интеллектуальному и эмоциональному опыту как к «достижению». Все существование наше будет одним служением Б-гу, всего лишь еще одним способом осознать Его волю.

И наконец исполнится истина, изре-

ченная в словах рабби Тарфона, утверждавшего, что «деяния важнее».

Здесь находит свое выражение и тот факт, что рабби Акива принадлежал к дому Гилела – воззрениям этой школы следуем мы сегодня. Рабби Тарфон же принадлежал к дому Шама, к той школе осмысления Торы, последователи которой сконцентрированы на грядущей эре Мошиаха.

Ī áðàç áĭì à

Таким образом, получаем вывод о том, что выполнение человеком своей миссии в этой жизни распадается на две фазы. Одну из них можно уподобить деревянной постройке, а вторую – постройке каменной.

Á Ōì ðá ñéàçáí ĭ:

«Ī ĭñò ðĭŷò Ī ĭ á ñŷò è è è ù á è B ááó ĭ á è ò à ò ŷ ñðá è ĭ è ò».

Ōì ĭ é ĭ 25:8

Последователи учения хасидизма считают, что именно в этих словах выражена цель, заданная Б-гом творению. По их глубокому убеждению, Б-г для того и сотворил мир, ибо, следуя формуле Мидраша Танхума:

«Ī ĭ áĭçæ á è è ĭ á è ò á è è á ĭ è æ ĭ è ò (ò ĭ á ĭ ò ŷ ò è ç è ÷ á ĭ è è ò) ĭ è ð á ò».

Ī ĭ ñ é, 16

В этом же ключе истолкован данный круг важнейших мировоззренческих проблем и в книге Тания (гл. 36).

Это обитание Б-га в нижних – физических – мирах достигается на индивидуальном уровне лишь тогда, когда человек неукоснительно исполняет заповеди Торы, тем самым заставляя различные элементы физического мира соучаствовать в служении Всемогущему.

Так, к примеру, монета служит исполнению мицвы благотворительности, пшеница становится мацой для исполнения мицвы празднования Пейсаха, шкура животного превращается в тфилин и так далее.

Более того, когда человек посвящает всю свою жизнь праведному исполнению заповедей, то все, что поддерживает его жизнь: еда, которую он ест, одежда, которую он носит, и прочее, – все это при его посредстве соучаствует в реализации конечной цели творения.

И, тем самым физическая реальность и становится «обителью» Б-га. Физический мир перестает быть «нижним». Впрочем, и само это слово указывает на его отдаленность от Творца, когда кажущаяся автономность и плотность всего сущего «утаивает» Б-жественную истину. Так и исполняется цель человеческого существования, – когда этот наш «нижний» мир становится «домом» Б-га, служит Его воле и выражает Его всеобъемлющую реальность.

Вместе с тем, подобно тому, как исполнение человеком своей жизненной задачи разделяется на два этапа, так и коллективный опыт человечества также можно разделить на две фазы. И олицетворением этих фаз будут Шатер Собраний и Иерусалимский Храм.

Напомним: первым из них был Шатер Собраний, Мишкан, – временное переносное святилище, которое евреи возили с собой, под водительством Моше странствуя по Синайской пустыне. Позже, когда Исроэл осел и укоренился на заповеданной ему Святой земле, тогда на горе в Иерусалиме был выстроен постоянный Храм – Бейс а-Микдаш.

Различия были заложено уже в самой конструкции двух этих святилищ. Шатер Собраний стоял на земле, которая служила ему полом. На землю опирались тяжелые серебряные балки-основания, в которые вставлялись секции, образующие стены. Стены были сделаны из кедрового дерева и покрыты золотом. Крышей служило трехслойное покрытие: ковры из шерсти, накрытые звериными шкурами.

В свою очередь, Храм позже был выстроен из глины и камней от мраморных полов до черепичной крыши. Эта конструкция включала в себя и дерево. Но мы обратим особое внимание на одно немаловажное обстоятельство: деревянные опорные балки, которые, были скрыты под слоем цемента и кирпича. Более того, Храм и строился специально вот таким образом – чтобы ни единого фрагмента дерева не было видно.

И еще одна особенность: Шатер Собраний был сделан как из неодушевленных элементов, минералов и веществ (земля, серебро и т.д.), так и из элементов растительного и животного происхождения. Пол и основание «принадлежали» минеральному миру, а стены и крыша – растительному и животному. Храм же был построен из материалов неорганического происхождения, а дерево играло исключительно второстепенную роль и было скрыто под слоем камня.

Итак, трактует Мидраш Танхума (Пкудей, 3), в том «малом мире», которым является человек, неодушевленный элемент – наша способность к самоотрицанию. В наших дневных молитвах, в конце Амиды, мы со всей искренностью возглашаем: «Да будет душа моя прахом перед всеми». И именно в этих словах

прежде всего выражается наша способность к поклонению, служению и действию.

Растительная и животная жизнь в человеке «представлена» способностью к росту и развитию, а значит – нашей эмоциональной и интеллектуальной жизнью.

Следовательно, в Шатре Собраний, который является олицетворением начальной стадии нашей жизненной миссии, все элементы оказываются доступными взору. При этом основной акцент делается на «высших» способностях человека. Собственно, основанием всему нашему бытию в мире является служение Б-жественной воле, но строение, воздвигнутое на этом основании, есть развитие и реализация всего того, что заложено в человеке.

Но мы и растем, и развиваемся только для того, чтобы воплотить цель, которая присуща всему мирозданию, ибо мы призваны служить Творцу. И Храм также содержит элементы, связанные с ростом. Однако в этом случае речь идет о росте, в котором нет и тени эгоизма. О росте, который есть там, где мы видим самоотверженность, самоотрицание человека, желающего быть лишь исполнителем воли Творца и стремящегося исполнить ее наилучшим образом...

Важно то, что во внутреннем помещении Храма, от пола до потолка, и можно видеть одни «камни» или же «пыль» наших поступков.

עֵינֵינוּ יֹדְעִים אֵיפֶשֶׁת דְּאִשְׁדּוּלָא עַל אִינְיֵן אֲזַעֲרֵי אֵל עַל

Мы получаем вывод о том, что выполнение человеком своей миссии в этой жизни распадается на две фазы. Одну из этих фаз можно уподобить деревянной постройке, а исторически эти два аспекта истинной жизненной миссии человека воплотились в двух существующих внутри еврейского народа группах, на протяжении всей нашей истории часто вступавших между собой в конфликт.

Уже изначально в семье, стоявшей у истоков еврейского народа, эта двойственность воплотилась в личностях Йосефа и Иеуды. Йосеф олицетворяет учение и самосовершенствование, Иеуда воплощает самопожертвование и самоуничужение. Даже и сами их имена свидетельствуют о качественном различии их натур: имя Йосеф означает «прибавлять», а Иеуда – «подчиняться».

Вспомним также и о том, что первоначально братья Йосефа, предводительствуемые Иеудой, его отвергли. В частности, многочисленные Мидраши рассказывают о том, как братья третировали Йосефа и о столкновении Йосефа и Иеуды в Египте, особенно же – об обращении Иеуды к Йосефу, когда последний был уже советником фараона (Брейшис, 44:18).

Однако Иеуда все-таки в конце концов признал брата и тем самым подтвердил, что и сам он начал понимать необходимость совершенствования, воплощенную в Йосефе, и что пришел к осознанию того факта, что на начальном этапе развития Исроэла именно Йосефу принадлежит главенствующая роль.

Тем не менее, исторически непреодолимое противостояние Йосефа и Иеуды «актуализировалось» и на более позднем этапе еврейской истории. Так, например, если в том же Египте Йосефу суждено было направлять братьев, а потомки Йосефа – Иеошуа и Гидеон – были вождями народа Исроэла в период завоевания Святой земли и ее заселения, то с момента коронации царя Давида главенство переходит к наследникам Иеуды.

Но потомок Йосефа, Иоровам, отказался признать власть царского дома Давида. После смерти сына Давида, Соломона, Иоровам поднял мятеж против царствовавшей династии Давида и, расколов единое царство, сел на престол в северной части Святой земли. В течение следующих трех столетий оба царства в Исроэле сосуществовали: царство Иеуды – на севере и царство Йосефа – на юге.

Глубинное значение этого исторического раскола заключалось в том, что сила, ассоциируемая с идеей «личностного развития» и олицетворенная Йосефом, отказалась «склониться под ярмо» Иеуды. Вот как обо всем этом растолковано в Талмуде:

«Nai A-aiiiaioeē Eīdīai à çà Iāaeāi è nēaçæ: “I īeaeīy, è B, òú è Nui Eāīy [ōadi Āāaeā] māiðeī i dīaeēoī ī māo Yāai à”. Eīdīai æāī dīeē: “À eoi ī īeāo i adai?” “Nui Eāīy” [iō aiōeē A-ā Eīdīai d]. “Aīeē òæē, - òī ÷ òī ī īāāī yōīā?” [çæēp-èē Eīdīai]».

Nai aiioei, 102a

Все это произошло вопреки известному обстоятельству, когда всего-то несколькими веками раньше «Иеуда» признал главенство «Йосефа». Причем, признал на начальном этапе исполнения той великой всемирно-исторической миссии, что была возложена Творцом на Исроэл. Эти события показали, что Исроэл еще не готов к окончательной реализации своего призвания – не готов к поистине самозабвенному служению Б-гу.

Фазы «Йосефа» и «Иеуды» теснейшим образом связаны с периодами, олицетворяемыми Шатром Собраний и Храмом. Покуда на престол не взошли потомки Иеуды, духовным центром народу Исроэла служил Шатер Собраний. В течение четырех веков, что отделяли вступление народа избранного в заповеданную ему Святую землю от постройки Храма, Шатер Собраний большую часть времени пребывал в Шило – на земле, принадлежащей колелу Йосефа. Давид же, первый Царь Иудейский, велел заложить фундамент Храма, а сын его, Соломон, выстроил сам Храм. И именно разрыв между «Иеудой» и «Йосефом»-Исроэлом в конце концов и привел к разрушению Храма.

Заметим также и то, что между Шатром Собраний, который Исроэл возил за собой по пустыне, и тем Шатром, что стоял в Шило, существовала заметная разница. У Шатра Собраний, когда местом его пребывания был избран Шило, деревянные стены были заменены каменными, но при этом была сохранена крыша из шерсти и шкур животных. Это изменение было призвано символизировать некую переходную стадию: от состояния, ориентированного исключительно на саморазвитие, ассоциирующееся с Шатром Собраний, – к состоянию самоотвержения и служения, соотносимого с Храмом.

И разрешение этого противоречия между «Иеудой» и «Йосефом» окажет решающее влияние на приход эры искупления – эры Мошиаха, когда мир станет действительно совершенен, пребывая впредь во все времена в гармоничном служении Творцу.

И вот почему в Субботу, когда мы читаем раздел Торы Ваигаш (Брейшис, 44-47), рассказывающий об обращении Иеуды к Йосефу и о примирении братьев, мы читаем также и раздел из Пророков, где говорится о воссоединении этих двух противостоящих друг другу родных людей, когда Йосеф признает главенство Иеуды.

И здесь еще раз подчеркивается право Иеуды на царство. Ибо он, Иеуда – слуга Б-га, и потому он – вечный вожатый Исроэла. По словам пророка:

«И было слово Г-сподне ко мне сказано: А ты, сын человеческий, возьми себе посох один и напиши на нем: “Иеуде и сынам Исроэла, объединившимся с ним”. И возьми посох другой и напиши на нем: “Йосефа, посох Эфраима и всех сынов Исроэла, объединившихся с ним”. И приблизь их один к другому, (как будто) у тебя посох один, и превратятся в один в руке твоей... Вот Я беру сынов Исроэла из среды народов, где ходили они; и соберу их со всех сторон и приведу их в землю их. И сделаю их народом единым в стране той, на горах Исроэла. И царь один будет для всех них царем, и не будут впредь двумя народами. И никогда не разделятся впредь на два царства... И слуга Мой Давид – царь над ними, и пастырь один будет у всех них. И установления Мои будут следовать они, и законы Мои соблюдать и выполнять их... И Давид, слуга Мой, – князь их вовеки».

Еврейский текст: 37:15-25

АÑОÛ ÈÈ АЕЄЇ Û ÍÀ ÄÐÓÃÈÕ Ï ÈÀÍ ÁÒÀÕ?

Аїçи іаеіі, аа! – аїаїдеò Аеаеєÿ.

Ñеі іі Ааеаеіааіі

Ï òї, -òї іà Ì ааї, аїçи іаеіі, ñóаїòáаò æеçи ÿ ñеааòæуòáðò іаò-іаа ааііаа ііòæеéааііаа іаааіі, è çòї ііòїæеé æеéòїæе è ñаі уò ðаçиòò еòáаò іаааїòáа. Ì ааїæеòеаа ñóаїòáаіаеÿ аїаçи ііе æеçи è іаааіі еіòáаїа ðаі è еіааііуі è аїаїаі, еіòїòа іа ііçаіеÿаò ñаеаòуа іаеаїòè ðæеéе.

Ï ііеа іу ðаçиòòеÿаі іаа çòеі ðаііаіі è іаіаеаааі аа і іаа-еіеаі іуа еіааі іуа аїаїаі,

аїçиеааò еіòáаїаа аїòїа. Ì аїдеі аа: іаò èè еаеё-еаі òї і еіаіеé і æеçи è іа аааёò іеаіаòáò а ааааі еò і ааòуò еіеаò è ñаÿаа і уò ðæіòáа? È - -òї, аїçи іаеіі, ааа аїеаа æеòæуі: іòаеёòїааі èè ііеіе аїаçи ііе æеçи è іòїòї ерáаіуòòáаі, èè æаіі ñóаїòáаі іі ааеаі æеÿ іаі çаі еÿі?

Еае іе ааеаёòæуі, іі еіаіі çòò аїòїа іаіаеау ааòæуі і іаіаеаае Èрáаае-іееé Ðааа Ì аіааа - Ì аіае Оіаааі - аїаеè ðæеаеіçи уе ааòїòеòáò è іòаеааò іаеёò áаа іа.

Ðааа іòїааеёÿ еае ñаеі æеаіеéі çаіаеаі Оїòу è ðаеі óа, ðае è ñаеі è ііçаіеÿі è а ñаòїеёò іаеаа, - ааа іі çаеіі-еé Аадеіііеéе óеааòїеòáò è Ñїòáаііа Ì іòÿаеÿе іааї іуе еіòáаїа è ñаауòеÿі ñаіаа ааа іае, è аїòеæаіеÿі а ñòáаа іаеéè è а ñааа іаі іаòæааа іі ñòеéа ðаçиÿÿе еае èè-і іòї уа, ðае è і ðæеòе-аіеéа аааæеòу ерáаа ñаіòїа аїòїа.

Летом 1969 года после второй высадки американских астронавтов на Луну Ребе коснулся темы о возможности жизни на других планетах. Повторяя вновь свой фундаментальный тезис о том, что Тора, то есть Библия, – это духовный чертеж Вселенной, Ребе разъяснял: если покопаться, то именно в Библии можно найти намеки или даже прямые ссылки на современные научные открытия. Ведь наука, в сущности, раскрывает Бжественные тайны природы, которые в скрытом виде существовали с тех самых пор, как был создан мир.

Что касается вземной жизни, то именно Библия совершенно четко говорит о ее возможности и даже – о ее реальности. Так, в главе 5 Шойфтим – Книги Судей пророчица Девора поет хвалу Г-споду за то, что Всемогущий помог Бараку одержать победу над его врагом Сисрой: «Звезды с путей своих сражались с Сисрою» и продолжает: «Прокляните Мэйроз, – сказал посланец Г-сподень, – прокляните, прокляните жителей его, ибо не пришли они на помощь Г-сподню, на помощь Г-сподню среди героев» (стихи 20, 23).

Кто такой Мэйроз? В Талмуде – авторитетном устном толковании библейских текстов, – высказывается мнение, что Мэйроз – это планета (трактат «Моэд котн», 16а). Значит, слова о «жителях Мэйроза» – это указание на существование жизни на другой планете.

Контекст, в котором имеется упоминание о Мэйрозе, вынуждает Талмуд определить его как планету (а не как соседний город), так как этому предшествует стих: «Звезды с путей своих сражались с Сисрою». Следовательно, под Мэйрозом подразумевается небесное тело, обитатели которого не пришли на помощь Бараку.

Ребе М.-М. Шнеерсон разъяснил и необходимость сделать личные выводы в случае, если удастся обнаружить внеземную жизнь. Послание Ребе о том, что все новейшие научные открытия следует использовать для конструктивного личного роста, может быть истолковано и применительно к поискам жизни на других планетах.

Считая, что любые научные открытия должны быть использованы для конструктивного развития личности, Ребе применил этот тезис и к поискам внеземной жизни на других планетах. Это будут – по мнению Ребе – какие-то иные формы жизни, но только не человек! Такой постулат был основан на содержащемся в Торе утверждении о том, что человеку дана способность выбора между добром и злом, однако эта способность дана исключительно землянам – Адаму и Хаве. Все другие создания следуют «программе», заложенной в их природу.

Законы природы (если их не коснулась рука человека) поддерживают равновесие в природе. Человек же – уникален, потому что ему дана свобода воли и дана Тора, то есть Б-жье слово и Б-жий закон! Опираясь на Тору, человек отличает добро от зла.

Далее Ребе М.-М. Шнеерсон объяснял, что человек – это «центр» мироздания, венец творения. Однако не обязательно человек таков в космическом смысле, но он является таковым по своим качествам! Ибо человек в силах подчинять себе природу и влиять на ее развитие либо конструктивно, либо деструктивно. Таким образом, если будет обнаружено существование жизни на других планетах, то это, по убеждению Ребе, лишь увеличит нашу ответственность: обязанность защищать, совершенствовать и возвышать всю Вселенную и все составляющие ее элементы – минеральное, растительное и животное царство. А тем самым – и преобразовывать их, направляя в каналы, по которым течет Б-жественная энергия, дабы жизнь стала и лучше, и добродетельнее.

Каждый человек, – утверждал Ребе, – это микрокосм Вселенной и мириада ее составляющих. Человек – это маленькая вселенная, а Вселенная – это большой организм. Мы и окружающий нас мир взаимосвязаны и взаимозависимы. Каждый из нас, совершенствуясь, способствует тому, что мир поднимается на более высокую ступень. И потому – чем больше размеры космоса и галактик, тем больше у нас возможностей понять самих себя.

В процессе свойственного людям вечного стремления познать неизвестное, сопряженного с новыми замечательными открытиями, нас поражает благоговейный страх перед Б-жественным разумом, который приводит в движение этот великий замысел, – пояснял Ребе. – И тем глубже мы осознаем доверенное нам могущество: освятить мир, в котором мы живем, путем интеграции внутреннего и внешнего космоса.

Само собой разумеется, человечество и впредь будет продолжать поиск другой жизни в галактиках. В человеческой природе органически заложено стремление знать: кроме жизни на земле, существует ли другая жизнь, и какова она?

Летом 1969 года Любавичский Ребе просил нас понять более глубокое значение этого непрерывного и нескончаемого поиска. Прослеживаясь еще в библейские времена,

этот поиск должен в каждом из нас рождать большее сочувствие ко всему сущему и желание сохранить жизнь вокруг нас – и близкую, и далекую...

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ
2003 КИСЛЕВ 5764 –
12(140)

איִשְׂרָאֵל עָאִי עָא

ИЗРАИЛЬСКИЙ
МИНИСТР В
МОСКВЕ

עֵי רֹד עֵאִי אֹד יִיִנֹד עֵאִי אִי אִי אִי «יִ אֹיִ אִי אִי».

В Московском еврейском общинном центре недавно состоялась важная встреча министра просвещения и культуры Израиля Лимор Ливнат с главным раввином России Берлом Лазаром и президентом Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваевым. В их беседе принимал участие посол Израиля в России Аркадий Мил-Ман.

Встреча эта проходила в рамках рабочего визита г-жи Лимор Ливнат в Москву. Высокой гостье были продемонстрированы достижения еврейской общины России в сфере образования.

А затем состоялся небольшой концерт, в котором участвовали ученики московских еврейских школ. Особенно Лимор Ливнат понравилось исполнение песни «Ясе шалом» учениками школы «Месивта».

В своей речи министр Лимор Ливнат поблагодарила главного раввина России Берла Лазара за то, что деятельность ФЕОР достигла столь значительных успехов.

– Я хочу поблагодарить также и Леви Леваева, ибо его щедрая благотворительность поддерживает множество проектов еврейского образования, причем не только в России, но и в Израиле, – отметила г-жа министр.

Она подчеркнула также и то, что именно сейчас еврейская община России переживает новый расцвет после того как много лет российские евреи не имели возможности жить полноценной духовной жизнью.

– Мне очень приятно видеть, как еврейская жизнь у вас в России восстанавливается и все больше и больше евреев присоединяются к общине, – заявила Лимор Ливнат.

Позже, в интервью израильскому телевидению, министр просвещения и культуры Израиля отметила, что она рада видеть детей, приезжающих в Москву со всех концов России «чтобы получить еврейское образование и присоединиться к нашему миру и нашей истории».

Выразив надежду на то, что большинство евреев, живущих сегодня в России, постепенно переселятся в Израиль, где уже существует большая «русская» община, г-жа Лимор Ливнат подчеркнула, что у России и Израиля много общего, как в области политики, так и в области культуры.

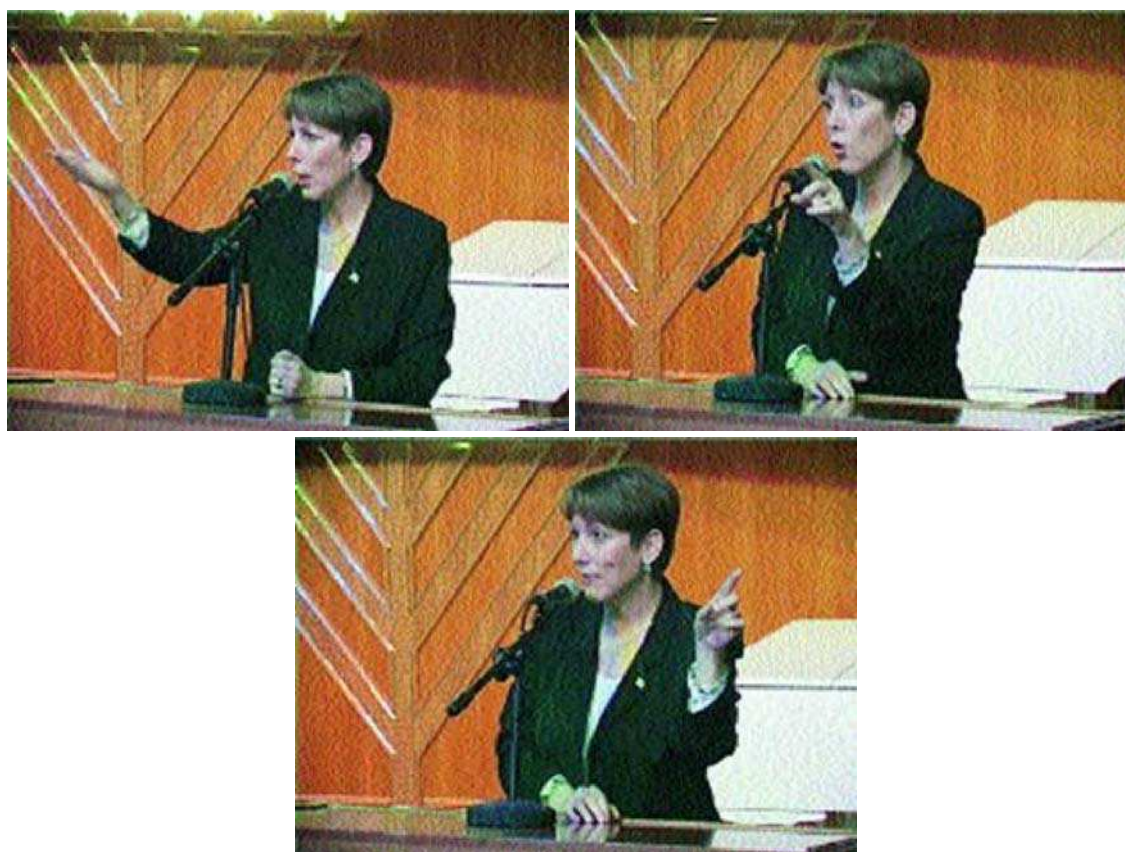
Главный раввин России Берл Лазар и президент ФЕО СНГ Леви Леваев передали г-же Лимор Ливнат альбомы рисунков и письма солидарности учащихся

московских еврейских школ, предназначенные для израильских детей, родители которых пострадали во время терактов.

Министр просвещения и культуры Израиля в ходе своего визита посетила также еврейский учебный институт для девушек в Москве «Махон Хамеш». Вместе с министром на встрече присутствовали посол Израиля в России Аркадий Мил-Ман, прежний глава Еврейского агентства в России Карол Унгар, а также высокопоставленные чиновники министерства просвещения и культуры Израиля.

На встрече с руководством этого еврейского института г-жа министр ознакомилась с применяемыми здесь основными методами и направлениями обучения девушек. Отметив достоинства и недостатки организации образования в России и в Израиле, Лимор Ливнат пригласила руководителей «Махон Хамеш» к сотрудничеству и предложила им помощь в дальнейшей организации учебного процесса.

Затем состоялась встреча израильского министра со студентками «Махон Хамеш».

Г-жа Лимор Ливнат ответила также на вопросы журналистов в ходе краткой пресс-конференции, отрывки из которой приводятся ниже.

– Как вы оцениваете эффективность еврейского образования в России?

– Очень важно, что еврейская молодежь в сегодняшней России получила наконец возможность приобщиться к культуре Израиля, к истории и наследию еврейского народа.

В своем вступительном слове председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин приветствовал представителей традиционных религий России:

– Мы плодотворно сотрудничаем во имя добра, во имя согласия, мира и дружбы между нашими религиями. Пошел уже пятый год с момента, как налажена деятельность Межрелигиозного совета России. В этом направлении много делается. Однако еще больше предстоит сделать, поскольку межконфессиональный диалог – это поле взаимодействия всех традиционных религий, где должен царить дух братства и терпимости. Взаимная открытость мусульман, христиан и евреев – это веление нашего времени, нового тысячелетия.

Акцентируя внимание общества на том, что созван этот международный форум именно в столице России – Москве, и комментируя такой отрядный факт как чрезвычайно важное событие, главный раввин России Берл Лазар сказал:

– Эта конференция может послужить примером для других стран, поскольку наша совместная работа в ходе ее показала полное взаимопонимание представителей различных конфессий. Сегодня с трибуны этого форума председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин предостерегал, что никакой террор, никакое насилие не могут привести к добру. Недавно у нас с Равилем Гайнутдином была встреча, и мы говорили о возможности проведения нашей совместной конференции. И именно такой, которая ярко продемонстрирует российским мусульманам – и может быть, даже мусульманам всех стран мира! – как нужно следовать основам религии. Любовь и взаимопонимание – это основы и иудаизма, и ислама. И это – именно то, что написано и в Торе, и в Коране, то, что объединяет нас. И только если мы станем все вместе действовать, опираясь на эти основы, лишь тогда мы и найдем оптимальное решение тех вопросов, которые волнуют каждого из нас. Когда муфтий Равиль Гайнутдин с трибуны нынешней международной конференции заявил о недопустимости террора и насилия для решения спорных вопросов, он выразил именно то, что сейчас волнует и Россию, и Израиль, и все страны мира.

À. Áàñèàéí àà

ЕВРЕИ РОССИИ СМОТРЯТ В БУДУЩЕЕ С ОПТИМИЗМОМ

*Í ðàññ-éíí ò àðàí òèÿ àèàáí íà ðàààéí à Ðíññèè Áàðèà Èàçàðà àèÿ éí íñò ðàí í ùò
æóðí àèèíò íà*

Ошибкой прежнего российского руководства в еврейском вопросе было то, что само существование проблемы антисемитизма замалчивалось. Президент Владимир Путин в этом вопросе занял честную и открытую позицию, и он выражает резко негативное отношение к антисемитизму на государственном уровне.

Об этом заявил главный раввин России Берл Лазар на пресс-конференции для иностранной прессы в Москве.

Раввин Берл Лазар отметил, что президент России присутствует на еврейских мероприятиях, поздравляет еврейскую общину с праздниками.

– Ясно, что именно благодаря президенту в стране изменилось отношение к евреям, – подчеркнул раввин. – Предпосылкой к этому послужило участие президента в открытии нашего общинного центра и его присутствие на еврейских праздниках.

Главный раввин России отверг предположения о том, что скандалы вокруг некоторых российских олигархов были связаны с их еврейским происхождением.

– Никогда раньше евреи в России не чувствовали себя настолько уверенно и не смотрели в будущее с таким оптимизмом, – отметил он.

Раввин Берл Лазар добавил также, что число нападений на евреев в России сократилось вдвое за последние девять месяцев. По его словам, во время встреч в Кремле раввин лично убедился, что президент страны Владимир Путин заинтересован в достойном будущем евреев в России.

А. Этэй ад

«САЕІІ АІЕАІ ЕІ АОУА ІНІ ІАА І ІДАЕУ»

*Аеаііе дааеі Дііе Ааде Еаад аііоіеі іа іаеаіааііі
јеііі е:аііі оііі а а І ііеаі*

Раввин Берл Лазар принял участие в обсуждении действий делового сообщества по восстановлению доверия к бизнесу в России, а также проблемы взаимоотношений бизнеса и этики.

– Сегодня в России есть уникальная возможность создания новых законов, отвечающих этическим воззрениям общества, – заявил раввин Берл Лазар. Он отметил также, что, кроме проблемы доверия между деловыми людьми, перед бизнесменами стоят и другие, причем не менее важные, вопросы. Например, как следует подходить к решению проблемы охраны окружающей среды, к социальной политике, к отношениям между руководством и служащими компаний.

– Я считаю, что любой ключевой закон, который будет сегодня приниматься, должен иметь в своей основе мораль, отвечающую интересам народа, – сказал главный раввин России.

По его мнению, такая мораль непременно включает в себя религиозную этику, учитывая не только те запреты, которые диктует нам Б-г, но и личностное умение и желание создавать благоприятную атмосферу как в бизнесе, так и между людьми.

Раввин Берл Лазар подчеркнул особое значение вклада всего бизнес-сообщества и лично каждого бизнесмена в благотворительность. Он отметил, что прежде всего именно такой бизнес и заслуживает доверия, а общество должно оценить эту важную линию поведения каждого бизнесмена по заслугам.

Н. Оіеіі

ЗАЯВЛЕНИЕ РУКОВОДСТВА

ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА РУССКОЯЗЫЧНОГО ЕВРЕЙСТВА

*Ἰὰ τὴν ἀγαπῶμένην ἡμεῖς ἐὸν ἰδῶμεν ἐξουσίαν «Ἐἴτεται περὶ ἐπίσταται οὐκ» 16
ἰεὸν ἱερόν 2003 ἢ ἄλλῃ, ἀγαπῶμεν ἡμεῖς ἄλλοι ἰσχυρῶς ἐ ἀγαπῶμεν, ἀγαπῶμεν
ἰδῶμεν ἡμεῖς ἐ ἐπὶ ἡμεῖς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς*

В хорошо подготовленном целевом выступлении, выдержанном в явно подстрекательском духе, М.Мохамад договорился до черносотенных и членоконенавистнических сентенций. Его фразы об управлении миром евреями и обвинение евреев во всех смертных грехах, вплоть до внедрения понятия «демократия и права человека» в умы человечества, вернули нас к временам гитлеровского фашизма периода решения «еврейского вопроса».

От имени еврейских русскоязычных организаций 25 стран Европы, Америки, Азии и Австралии, входящих в Конгресс, мы выражаем решительный протест антисемитскому выступлению премьер-министра Малайзии. Мы также требуем публичного извинения этой страны перед международным сообществом, частью которого являются евреи диаспоры и Государство Израиль.

Считаем необходимым объявить Махатхира Мохамада персоной «нон грата» для всех стран, входящих в ООН, и выражаем благодарность многим государствам, осудившим юдофобскую речь малайзийского лидера.

Мы решительно заверяем международное сообщество в том, что и впредь ни один факт антисемитских выступлений не будет оставлен нами без внимания.

Мы непременно и впредь используем растущую мощь мировой общины евреев, говорящих по-русски, – бывших «евреев молчания» – для того, чтобы антисемиты уже никогда и нигде не чувствовали себя спокойно.

Ἰδῶμεν ἡμεῖς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς – ἀγαπῶμεν ἡμεῖς

Ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς (ἰσχυρῶς).

ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς – ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς (ἰσχυρῶς).

ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς – ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς (ἰσχυρῶς).

ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς – ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς (ἰσχυρῶς).

25.10.2003

«ИЗРАИЛЬ И РОССИЯ – ХОРОШИЕ ПАРТНЕРЫ»

***Á ñýçè ñ îòèèàèíñúì àèçèòíì á Îñéáó îðàì ùáð-ì èí èñòðà Êçðàèýý
Áðèýýý Ðàðííà ãááí ùé ðàáèéí Ðíññè Áàðé Êáçáð äàè èí òáðáñ «Èí òáððàèñ», á
èí òíðì àññèàçèñý çà ðàçàèðèá í àððíáðñòáá ì áæáó Êçðàèèáì è Ðíññèáé.***

«Очень многие проблемы, которые сейчас, в переходный период, стоят перед Россией, совсем недавно стояли и перед еврейским государством, – сказал он. – Поэтому, мне кажется, Израиль мог бы стать очень хорошим партнером для России».

При этом раввин Берл Лазар высказал мнение об «общем менталитете» жителей обеих стран, напомнив, что более миллиона израильтян родились и выросли в СССР.

Другим серьезным фактором, сближающим Россию и Израиль, он считает борьбу с террором. «Россия лучше многих понимает опасность международного терроризма, поскольку сама является его жертвой, – отметил раввин. – Россия доказала на практике, что умеет сражаться с террористическими организациями, ее опыт может оказаться очень полезным».

Особенно важно, полагает раввин Берл Лазар, что «Россия показала путь, ведущий к решению проблемы терроризма: он состоит в том, что сторона, прибегающая к террору, должна найти в своих рядах таких лидеров и такие силы, которые окажутся способными сами обуздать экстремистов, выкорчевать террористическую инфраструктуру».

Именно так, по мнению главного раввина России, «удалось добиться конструктивного решения проблемы на Северном Кавказе»; он выразил уверенность в том, что «этот путь мог бы привести и к решению палестинской проблемы».

Коснувшись визита Ариэля Шарона в Москву, раввин Берл Лазар отметил, что «нынешний визит – это хорошая возможность для премьер-министра Шарона выразить признательность президенту Путину за все, что тот делает для евреев, и одновременно вновь привлечь внимание к необходимости искоренения остатков антисемитизма с российской почвы».

Î î ì àðáðèàèáì

èí òíðì àðèíííúð ááí òñòá

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИСТОВ В ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ ДОЖНА БЫТЬ ОСТАНОВЛЕНА

***Èèááðù ááðàèñèèð íáùèí Ðíññè è ÑÍÁ íáðàðèèèññí ñ î èðùòúì ì èññ ñ ì è
èçðàèèñèí ò ì ðàì ùáð-ì èí èñòðà Áðèýýý Ðàðííà***

«Î ñáíá ì íáí èá» ðèííáñèðáèé ÿð ñ ñèñé è èàòúññèé ááðàèñèèð íáùèí.

В агентстве «РИА-Новости» состоялась пресс-конференция главного раввина России Берла Лазара, в которой также приняли участие президент научно-просветительского фонда

«Холокост» Алла Гербер, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод и президент Международного союза общественных объединений евреев – бывших узников фашизма Ефим Гологорский.

«В Эстонии и Латвии на государственном уровне проводится политика реабилитации бывших эсэсовцев, принимавших участие в массовом уничтожении евреев», – заявили видные еврейские лидеры России. Они выразили свой протест против строительства в Эстонии памятника «Всем борцам за свободу Эстонии, погибшим во второй мировой войне».

«Сегодня происходит подмена нравственных понятий, – сказал в своем выступлении главный раввин России Берл Лазар. – Имена тех, кто воевал против евреев, вспоминают и возносят. Эти факты нас очень волнуют. Надо показать нашей молодежи, что этого быть не должно. Государство, которое собирается стать членом ЕС, выступает против моральных ценностей и хочет получить дивиденды от вступления в европейские структуры. Это недопустимо».

Президент фонда «Холокост» Алла Гербер напомнила присутствующим, что в этом году исполнилось 60 лет с трагического дня «Хрустальной ночи». «И вот мы собираемся и говорим о том, что, казалось бы, давно пора перестать говорить, – сказала она. – Холокост – это предел человеческого падения, и казалось, что такое уже никогда не повторится. Но то, что происходит сегодня, очень напоминает те страшные годы, когда мир практически предал евреев и допустил Холокост. В Латвии выходят нацистские газеты, каждый день сообщающие читателям, что “во всем виноваты евреи...”» Алла Гербер подчеркнула далее, что практически все еврейское население Эстонии было уничтожено именно эстонскими полициями. «Ставить этим полициям памятник, – сказала она, – значит, полностью их реабилитировать. Мы живем в России, мы любим свою родину, – но мы обращаемся к премьер-министру Израиля Ариэлю Шарону, ведь Израиль – еврейское государство. Прошли те страшные времена, когда некому было защищать евреев».

В своем чрезвычайно эмоциональном выступлении Александр Брод, в частности, сказал: «Страны Балтии, Латвия и Эстония, претендуют на то, чтобы быть цивилизованными европейскими государствами. Одно из них вступает в Евросоюз и при этом позволяет себе надругаться над памятью тысяч невинно загубленных людей. Там были не только евреи, там были русские, там были цыгане. Неужели забыты уроки истории? Вспоминаются слова великого советского режиссера Михаила Ромма, автора фильма “Обыкновенный фашизм”, который говорил что “антифашистская прививка действует в течение двадцати лет, потом необходимо эту прививку обновлять”. Разум и закон должны восторжествовать».

Ефим Гологорский заявил, что подобный памятник предстает глумлением над жертвами фашизма. «Самое большое количество уничтоженных евреев в процентном отношении было именно в Эстонии и Латвии – 90 процентов еврейского населения! Прошли годы. В 1991 году Эстония стала свободным государством. С тех пор там начались постоянные шествия нацистов, бывших эсэсовцев, которые официально разрешаются властями. Но до сегодняшнего дня мы не могли даже подумать, что государство, которое стремится в ЕС, может принять решение построить памятник тем, кто виновен в крови тысяч безвинных жертв».

Видные деятели еврейской общины России призвали премьер-министра Израиля Ариэля Шарона, находившегося в те дни с официальным визитом в Москве, помочь остановить процесс реабилитации нацистов в странах Балтии.

Открытое письмо к А. Шарону подписали главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ и Балтии Леви Леваев, председатель фонда «Холокост» Алла Гербер, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод и президент Международного союза общественных объединений евреев – бывших узников фашизма Ефим Гологорский.

Авторы письма отмечают, что памятник «Всем борцам за свободу Эстонии, погибшим во второй мировой войне» – «по сути, памятник эстонцам, воевавшим на стороне гитлеровской Германии, в том числе в подразделениях СС», это «попытка реабилитации нацизма и его героизации, далеко не первая в Эстонии и Латвии».

«Мы считаем, – говорится далее в обращении, – что сейчас в этих странах на государственном уровне проводится политика реабилитации бывших эсэсовцев, принимавших участие в массовом уничтожении евреев. Нацистских преступников на наших глазах пытаются сделать национальными героями, примером для молодого поколения».

Лидеры еврейской общины России выражают сожаление, что «эти тенденции, создающие почву для ксенофобии и антисемитизма, не получают должных оценок со стороны европейских государств, похоже, смирившихся с тем, что в ЕС и НАТО вступят страны, которые стремятся забыть о самых важных уроках второй мировой войны, в первую очередь о Холокосте».

В связи с этим авторы письма просят, чтобы Ариэль Шарон «как лидер Государства Израиль, одной из основ политики которого является защита евреев по всему миру и сохранение памяти об огромных жертвах Холокоста, дал оценку происходящему в современной Прибалтике и остановил процесс реабилитации нацистских преступников».

В беседе с журналистами главный раввин России Берл Лазар подчеркнул: «Мы сохраняем оптимизм. Надеемся, что страны поймут, что сделали ошибку, монумент не будет построен и нацистские шествия и конференции прекратятся, а государственные деятели, по чьей инициативе все это происходит, изменят взгляды. Надеемся, что наше обращение поможет им осознать правду».

Свое несогласие с текстом «Открытого письма» еврейских лидеров России Ариэлю Шарону выразили раввин Эстонии Шмуэл Кот и председатель еврейской общины этого прибалтийского государства Цили Лауд в своем заявлении, которое было распространено информационным агентством «Балтийская служба новостей».

Они, в частности, отмечают, что авторы «Открытого письма» не поставили местную общину в известность о намерении направить коллективное послание израильскому премьер-министру. В заявлении подчеркнуто также, что еврейская община Эстонии не входит в состав Федерации еврейских общин России, СНГ и Балтии, лидеры которой в числе других подписали документ.

Руководителям еврейской общины Эстонии, как они утверждают, «ничего не известно о решении эстонских властей какого-либо уровня от 28 октября относительно строительства памятника «Всем борцам за свободу Эстонии, погибшим во второй

Глава московского департамента кашрута Зеев-Дов Галперин и секретарь раввината Шнеур-Залман Кан посетили Петербург.

Они встретились с израильскими раввинами – специалистами по кашруту и обсудили с петербургским раввином Менахемом-Мендлом Певзнером возможность производства на трех пищевых комбинатах города на Неве кошерных продуктов.

До настоящего времени в Петербурге производились лишь кошерные мясо и молоко, которые затем отправляли в Москву и другие города России. Однако с недавних пор – в связи с увеличением численности еврейских общин в Петербурге и Москве и вообще людей, желающих соблюдать предписания еврейского закона, – выпускаемой здесь продукции стало явно недостаточно.

– Мы надеемся, что встреча представителей департаментов кашрута Москвы, Петербурга и Израиля поможет в скором времени объединить усилия в области производства кошерных продуктов в нашем городе на благо всех евреев России, – заявил нашему корреспонденту главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер.

Y. Oèsi ài

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ В ФУНДАМЕНТ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА

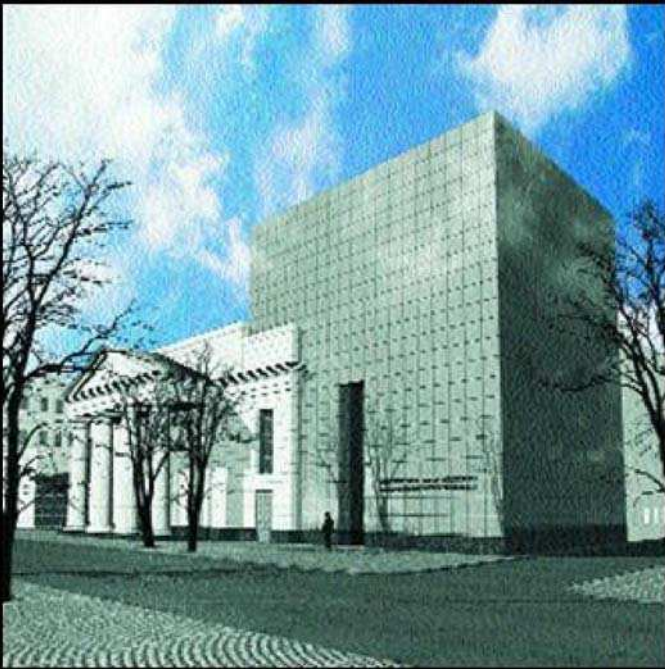
À Ái ài òi àò òi ài è ài çà àyò i óçàé è òi òèè Òi èi èi òà – i àà àé i á òi èi èi à Óè òà èi á, i i è ài ài è Ái òi òi è Á à òi à Á òi òè ài ò ài i è ò à ò ài i i è i òi à ài èy i óçày ó: ài ò ài à è è ài ò è è à ò è ò ài ài à à à à à – èç Èç ò à èy, Òi òi è, Á à è à òi è, Ñ Ò Á, Á à è è i à ò è è, È à i à ài è i i i à è ò à à è ò ò ò ài.

Практически в каждом городе и местечке Украины есть места, где в годы второй мировой войны нацисты уничтожали евреев.

Увы! Многие из этих мест до сих пор даже не отмечены хотя бы какими-либо памятными знаками. В последнее время, однако, в некоторых городах все же – наконец-то! – понемногу начинают создавать музеи, рассказывающие об ужасающей судьбе, постигшей местных евреев. Только вот – не к чести наших соотечественников и современников будь сказано – таких музеев по-прежнему все еще очень и очень мало...

Но вот теперь именно в Днепропетровске впервые появилась возможность увековечить память всех тех, кто был уничтожен в огне Холокоста в нашей стране. А этих людей – не десятки и даже не сотни. Их миллион восемьсот тысяч, принявших мученическую кончину евреев – безо всякой вины погибших от рук нацистов и приспешников палачей... Музей жертв Холокоста в Днепропетровске и создается для того, чтобы увековечить память о каждом из погибших.

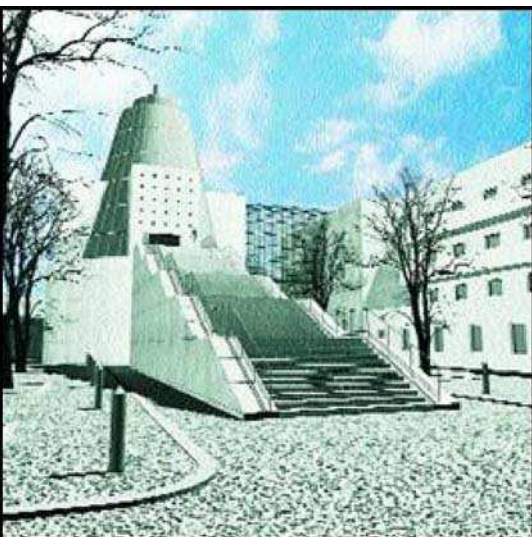
Однако следует отметить, что концепция экспозиции будущего Музея значительно шире, чем диктовало бы одно только лишь скрупулезное фиксирование каждого единичного ужасающего факта, каждого трагического события, произошедшего в те страшные годы. Для того, чтобы увидеть Катастрофу во всем ее страшном величии, осознать ее и понять, надо вникнуть в еврейскую среду тех лет, необходимо разглядеть – и прочувствовать – тот неповторимый мир, который Катастрофа уничтожила навсегда, безвозвратно...

Поэтому музейная экспозиция начнется со второй половины XVIII века. Она и расскажет о жизни, быте и культуре евреев Украины до революции, в период гражданской войны и после нее, о сталинщине, о гонениях и погромах, о еврейских мудрецах и праведниках, ученых и строителях, земледельцах и ремесленниках...

Не менее важно осознать все те механизмы и предпосылки, которые в итоге и породили Холокост. А это, в первую очередь, гитлеровская Германия, и рост настроений антисемитизма во всей Европе, и геноцид евреев в Польше...

Трагедия украинского еврейства – это, как, безусловно, ясно уже и сейчас, центральная тема строящегося Музея Катастрофы. Пристальное внимание, будет несомненно, уделено Праведникам Мира – именно тем замечательным самоотверженным людям различных национальностей, кто, рискуя собственной жизнью и судьбами своих близких, спасал евреев.

Особая роль в экспозиции будет отведена документам и свидетельствам о героизме еврейского народа. В частности, теме добровольного участия множества евреев в партизанских отрядах, в подполье, в рядах действующей армии. Развенчать миф о том, что евреи будто бы «покорно шли на смерть», рассеять все еще до сих пор стойкие предубеждения об их пассивности в борьбе с гитлеризмом – одна из важнейших задач будущего Музея.

...Холокост уничтожил многое. Он уничтожил целый мир. Однако и уже после окончания войны тем, кто уцелел, пришлось испытать на себе весь ужас сталинских антисемитских акций 1949 – 1953 годов, а после смерти тирана – вязкий, удушающий государственный антисемитизм хрущевско-брежневско-андроповского образца.

Завершиться экспозиция должна подробным рассказом о недавнем возрождении еврейской жизни в ставшей независимой Украине. О том, что происходит с нами сейчас, о том, как совсем еще недавно впервые открывались еврейские национальные школы и синагоги. И о том, как строилась система еврейской социальной помощи. И как люди, прежде полностью оторванные от своих корней, забывшие язык, религию и культуру предков, лишь в завершающем десятилетии минувшего века постепенно, шаг за шагом, начали процесс возвращения к себе, к народным корням, к истокам еврейства.

...Уже сейчас идет сбор материалов для Музея. Это не такой уж простой труд – найти уцелевшие документы, письма, фотографии, предметы быта. Огромную методическую помощь в этом благородном деле оказывают многие зарубежные музеи и исследовательские центры.

Но в деле этом отнюдь не менее важна и активная поддержка общественности Украины. Ведь в каждом доме, в каждой семье есть своя история, а во многих семьях сохранились и материальные предметы минувших времен, письма ушедших родных и друзей, фотографии. Теперь они вполне могут оказаться частью обширной по тематике музейной экспозиции, его архивохранилища – и тогда память о близких нам, ушедших в небытие людях будет увековечена. Об их судьбах и делах будут узнавать в Музее Катастрофы и дети, и внуки, и правнуки наши.

Кроме музейной экспозиции – в едином комплексе с ней – расположатся научно-исследовательский центр и центр просветительский. Вот уже более трех лет Всеукраинский научно-просветительский центр «Ткума» проводит огромную работу по распространению знаний о Холокосте, по преподаванию истории Катастрофы как отдельного курса, притом – что особенно важно! – не только лишь в еврейских, но также и в украинских школах. Эта тема чрезвычайно важна – и вовсе не только в контексте еврейской истории! Холокост – боль не только всего лишь одного – еврейского – народа, но и всего человечества.

Музей создается благодаря творческому сотрудничеству членов и руководителей днепропетровской еврейской общины и Американского распределительного комитета «Джойнт» – как продолжение и развитие актуальной деятельности Всеукраинского научно-просветительского центра «Ткума».

Все еврейские организации города Днепропетровска и области поддержали проект создания этого Музея. Уникальность его заключается еще и в том, что Музей станет органичной частью единого, общего архитектурно-исторического комплекса – вместе с Центральной синагогой города и Еврейским общинным центром.

Архитектурный проект будущего Музея создан известным архитектором Александром Дольником, автором проекта реконструкции городской Хоральной синагоги «Золотая Роза».

Закладка первого камня здания музея состоялась в рамках Третьей Международной конференции по проблемам изучения и преподавания истории Холокоста. Для участия в этой церемонии в Днепропетровск прибыли представители многих стран, посланцы как государственных, так и общественных организаций.

Главный ашкеназский раввин Израиля Йона Мецгер благословил начало строительства. Он, в частности, сказал:

– Тора учит жить и в поколении отцов, и в поколении детей, как жил праведник Ноах. И поэтому можно сказать, что сегодняшнее начинание – это продолжение дела Ноаха. Ведь впервые в истории Музей Холокоста открывается непосредственно в тех местах, где произошла Катастрофа. То есть там, где живут люди, помнящие это страшное время и готовые передать эстафету памяти своим потомкам.

Среди тех, кому выпала честь заложить первый камень в фундамент Музея и зажечь Факелы Памяти, были и представители официальных украинских властей. Среди них – губернатор Днепропетровской области Владимир Яцуба, первый заместитель

министра образования Украины Василий Ткаченко и городской голова Днепропетровска Иван Куличенко.

Создание Музея Холокоста важно для всего народа Украины, подчеркнул в своем выступлении Владимир Яцуба.

– Огромные потери понес еврейский народ в годы Холокоста, – продолжил губернатор. – И именно евреи показывают нам образец того, как нужно чтить память погибших. Здесь сейчас среди нас присутствуют представители многих народов. Я надеюсь, что сегодняшняя закладка первого, священного камня – это наш общий голос во имя сохранения мира на Земле, во имя того, чтобы на нашей планете никогда не повторился геноцид.

Характерные особенности нынешних добрососедских взаимоотношений украинского и еврейского народов подчеркнул Василий Ткаченко:

– Сейчас украинский и еврейский народы вышли на новый этап сотрудничества, – заявил заместитель министра. – Создание Музея – только один из таких шагов. Главное для каждого народа – быть самим собой. И это стало возможным благодаря тому, что существуют независимые государства Израиль и Украина.

Главный раввин Украины Азриел Хайкин прислал поздравление всем собравшимся на торжественную церемонию закладки первого камня. Раввин Хайкин обратил внимание присутствующих на особое значение того, что Музей строится именно в Днепропетровске, где еврейская община – одна из самых сплоченных.

А главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий подчеркнул, что такое важное дело не может привести к успеху без осознания единства целей всех евреев, а особенно – евреев этого города и всей Украинской Республики.

Присутствовавший на церемонии израильский министр по делам Иерусалима Натан Щаранский отметил, что для него, чьи «родственники погибли в Холокосте именно на этой земле, особенно важно построение здесь такого Музея».

Свое поздравление участникам торжества направил главный раввин России Берл Лазар. В частности, раввин Лазар в своем поздравлении напоминает об особо значимых фактах. О том, что до второй мировой войны в Восточной Европе проживала почти половина всего еврейского народа. И о том, что именно в странах, оккупированных нацистами, именно здесь, в Восточной Европе, евреи в результате этого и подверглись особенно ужасному геноциду.

«Память о Холокосте воскрешает в нас не только картины самой страшной во всей истории трагедии еврейского народа. Память об этом одновременно воскрешает и образцы мужества и героизма сотен тысяч евреев, с оружием в руках сражавшихся с нацизмом. И образцы высокого подвига тех украинцев, русских, представителей других наций, которые, рискуя собственной жизнью, спасали евреев от рук палачей», – сказано в послании раввина Берла Лазара.

РАДУЙСЯ ВСЕМУ ДОБРОМУ...

*Ń òàèèì è ÷àñòààì è àààè Ī ĩñàù àñòààòèèè
Dīo à-Ōīīà - ĩñé Ī ĩñé ãä, à çàòàì ĩòì ðàçàĭ ĩàèè è
Ńòèèĭñ è Ńèì òàñ Ōīéðó*

«Мы живем на земле не просто так, а исполняем план, задуманный Всевышним, согласно которому наша задача – изменить к лучшему ситуацию в окружающем мире. Рош а-Шона – это день, когда мы берем на себя ответственность и принимаем решение о том, что будем делать добро и приносить свет в окружающий мир».

Это – мудрые слова, а сказал их, выступая на праздничном вечере в Московском еврейском общинном центре, главный раввин России Берл Лазар. Он пожелал всем евреям «здорового, счастливого и сладкого Нового года».

Праздничная программа новогоднего вечера открылась замечательными выступлениями московского еврейского детского хора и московского академического хора «Хасидская капелла» под управлением Александра Цалюка.

На вечере были оглашены поздравительные послания президента России Владимира Путина и мэра Москвы Юрия Лужкова. Свои поздравления еврейской общине России прислали также и многие другие официальные лица. Среди них – заместитель главы администрации президента России Виктор Иванов, председатель комитета Государственной Думы по работе с религиозными и общественными объединениями Виктор Зоркальцев, полпред президента в Центральном Федеральном округе Георгий Полтавченко, губернаторы Ленинградской и Липецкой областей Виктор Сердюков и Олег Ковалев, спикер законодательного собрания Красноярского края Александр Усс и другие видные государственные деятели.

Благотворительный фонд «Эзра», объединяющий несколько тысяч московских евреев, к празднику Рош а-Шона выпустил первый номер своей газеты. В этом цветном глянцево-буклете подопечных с Новым годом поздравил президент фонда Аркадий Гайдамак.

А спустя пару недель главный раввин России Берл Лазар поздравил всех евреев с праздником Суккос, напомнив о том, что этот день возвращает иудеев к временам, когда еврейский народ жил в пустыне.

– Что хорошего в пустыне? Жара, жизнь в палатках. Но у народа было сознание близости Бга, и Б-г давал ему все необходимое для жизни, – сказал раввин.

– Известно, что подарки радуют обыкновенно только в первую минуту. А если это – подарок царя или президента? Тогда его хранят всю жизнь уже как семейную реликвию, и с понятной гордостью показывают гостям.

Раввин Берл Лазар подчеркнул, что хлеб, воду, воздух, солнечный свет, сегодняшний день, да и всю свою жизнь евреи получили в подарок от Б-га.

– Осознание этого способно наполнить душу радостью, – пояснил раввин, напомнив слова из Завета Всевышнего: «Радуйся всему добру, которое Г-сподь, Б-г твой, дал тебе».

В течение всей недели, пока продолжалось празднование Суккос, многие евреи – как москвичи, так и гости столицы России, которые по какой-либо причине не могли прийти в синагоги, – имели возможность выполнить заповедь «благословения четырех растений» буквально по дороге на работу или домой. Такая возможность для исполнения мицвы появилась потому, что Центр «Бейт Хабад» под руководством

раввина Михоэла Мишуловина арендовал три автомашины «газель» и переоборудовал их в «шалаша-сукки на колесах». Сопровождали каждый из таких импровизированных «автошалашей» учащиеся московской школы «Месивта».

Следует также напомнить о том, что уже слегка подзабыто: подобные нынешним «сукка-мобилям» впервые появились в Москве уже десять лет назад. И если тогда они вызывали у многих необычайное удивление, то сейчас москвичи воспринимают их как вполне привычную часть городского пейзажа, оживляемого вот таким необычным образом в еврейский праздник Суккос.

В Московском еврейском общинном центре спустя еще несколько дней евреи торжественно отметили один из самых веселых праздников – Симхас Тойра. В своем выступлении главный раввин России Берл Лазар отметил:

– В этот день все люди радуются и делают то, что в обычные дни делать запрещено. Ведь если в будни вы увидите человека, танцующего в синагоге, то скажете, что он поступает неразумно и даже плохо. А сегодня мы не только можем – мы даже просто обязаны танцевать в синагоге!

Увидев явные признаки удивления на лицах некоторых из гостей, раввин Берл Лазар пояснил уже более подробно:

– Ведь никто никогда не видел, чтобы кто-то из ученых... танцевал с книгой. Почему же евреи танцуют с Торой? Любавичский Ребе говорил: это происходит потому, что в этот день сама Тора хочет танцевать. Однако, поскольку у нее нет ног, то по этой причине Тора и просит всех нас, евреев, пригласить ее на танец. А поэтому – и все те, кто пришли сегодня сюда, должны танцевать с Торой. Сегодня – день, когда мы можем гордиться тем, что мы – евреи, и должны от всего сердца веселиться.

Главный раввин России также пожелал собравшимся «веселого и счастливого года, когда все наши желания исполнятся».

ААІ

ПРАГА

*Ā i dāiāāāādeē i daqāi eēā Dīσ ā-Ōīā āi ādāiā iō ēdūē nīē āāde iāuei iūē
i dāae nēēē ōāi ō d dūnē i ŷūi: i iā ādāe nō āi*

Активно готовились к этому празднику также и учащиеся общеобразовательной еврейской школы «Ор Авнер». Итогом их подготовки стал утренник, где дети исполнили еврейские песни и танцы, а затем и прочитали стихи собственного сочинения – про месяцы еврейского календаря.

На общинный вечер калининградские евреи пришли в здание Технического университета. От имени мэра города Юрия Савенко собравшихся сердечно поздравил известный в городе предприниматель Леонид Плитман. А затем от лица городской власти с приветствием выступил начальник Управления образования администрации Калининграда Лазарь Фуксон.

Разумеется, не обошлось без музыки и песен на таком празднике! Танцевали все – и убеленные сединами старики, и даже те, кто едва научился ходить...

*À ìðààààðèè ìíàí íèð ìðàçàíèèèíá áíèíáááá è Áàðàèíè ìáùèííí òáí òðá
Ííáííèèèèèè ìðáíèèè ìíèèíáð äèÿ ìðáííáàðàèèè ìáùèí òàè ìàçíááá ùð
ìáðààèèííèèè ãðíáíá*

Семинар проходил на самую актуальную тему – «Праздники месяца тишрей» и был организован по инициативе и при поддержке Федерации еврейских общин России.

Собрались на этот семинар представители почти полутора десятков городов Сибири и Дальнего Востока – от Читы и Улан-Удэ до Томска и Барнаула.

Главный раввин Новосибирска Залман Заклас рассказал собравшимся о порядке проведения осенних еврейских праздничных торжеств. Упомянул раввин также и о том, как совместить требования главной книги евреев – Торы – с особенностями жизни в Сибири.

Объяснив участникам семинара многое из того, о чем они прежде и не слыхивали, раввин Заклас ответил и на многочисленные вопросы. Слушатели по завершении семинара получили специальные дипломы.

À á Ðñò íáá-íá-Áíí ó í á è à í ó í á Ðñ ò à-Ðíí á í á á á á í í í ð è ñ ò ó í è á è è è é ñ á è í í á ý ç à í í ñ ò ý ì ð à á è í ò à è í Ò ð è à ì í ð à á è ç í á è è á í á í í í è ç ç à è í á á ð í á á è í í ò á ð ò, è í ò í ð è è í í ñ ò è è è í è í è í ò ù ñ ÿ ÷ è ÷ à è í á á è.

Все гости, присутствовавшие на этом концерте, получили в подарок красочные буклеты на русском языке с подробной информацией о планах иудейской общины и с рассказом о грядущих еврейских праздниках.

Á á á è á ð í á á Ð á ð ò ù Ð ñ ò í á è í è í á è à ñ ò è à í á ñ ò á ñ í ð á ç à í è ÷ í ù í í ç ð à á è à í è à í ò Ò á á á ð á ð è è á á ð à è í è è ò í á ù è í ð ñ ñ è è è á á á á í á ð á á è è í á Ð ñ ñ è è Á á ð è á È á ç à ð à í í è ó ÷ è è è í í á á ð è è: è í í ò á ò ù è à í ÷ í í è í á á á, á ò à è á á í á í á í è á á á á è í è è á è á è à í á á è.

Такое новогоднее поздравление и гостинцы шахтинские евреи получили впервые – ведь какой-либо официально зарегистрированной властями иудейской общины или еврейской структуры в городе нет. В то же время они уже четыре года принимают деятельное участие в программах, осуществляемых ФЕОР, а «Хесед» шефствует над 55 пожилыми шахтинскими евреями.

– Поздравление от ФЕОР стало большим

событием для нас, – сказал лидер местного еврейского сообщества, действующего на общественных началах, Исаак Миндлин. – Несмотря на то что в городе подавляющее большинство евреев – уже пожилые люди, наше сообщество на глазах трансформируется во все более активную, как и в других городах, общину, которая сегодня успешно развивается.

Á è ò è á è ñ ò ù á á ð à è í è í è ð à è è è í ç í è í è í á ù è í ù Á í á í ù ð á ç à í è è í í á í á í á á á á á á ð è í á í ñ è í í á á à à í í í á á ð è è è í ð á ç à í è è ó Ð ñ ò à-Ð í í á.

Эти новогодние гостинцы приобретены на средства, переданные анапчанам от ФЕОР. Многие члены еврейской религиозной общины были приглашены в пансионат «Анапчанка» на торжественный банкет. В концертной программе празднования Нового года принял участие музыкальный ансамбль «Эзра» из Краснодара.

יְדַצְאִי עֵבֶד דְּיִשְׂרָאֵל אֶלְיָי וְיִתְפַּלֵּל עִמָּנוּ וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵנוּ וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל יִשְׂרָאֵל וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הָעָם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַמַּלְאָכִים וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיְּצִיאוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַשְּׂפָרוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַשְּׂמַיִם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיָּם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיַּבָּשׁוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַבְּרִיָּוִת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַחַיּוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיְּצִיאוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַשְּׂפָרוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַשְּׂמַיִם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיָּם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיַּבָּשׁוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַבְּרִיָּוִת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַחַיּוֹת

С приветственным словом к гостям и участникам празднования обратились почетный член Новоуральской еврейской общины Владимир Горницкий и ее председатель Анатолий Кандалов.

А потом на сцену вышел вокальный ансамбль «Мэйдл» из соседнего уральского народа Нижнего Тагила. После искрометного исполнения «Хава Нагила» в зале долго не смолкали аплодисменты.

אֲדַבְרֶה אִתְּךָ מִן הַיָּמִים הַיְּשָׁנִים וְאֶתְּרֶם בְּשִׁבְעַת יָמֵי חַג הַשְּׂמֵחַ וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַשְּׂמַיִם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיָּם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיַּבָּשׁוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַבְּרִיָּוִת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַחַיּוֹת

Нынешнее новогоднее торжество предварил своим поздравлением главный раввин края Яков Снетков. Программу концерта открыли ребята из детского сада «Еладим», а продолжилась она выступлением клейзмеров, женской вокальной группы ансамбля «Мизрах». Праздник завершило поздравление молодежного клуба Еврейского агентства в России.

אֲדַבְרֶה אִתְּךָ מִן הַיָּמִים הַיְּשָׁנִים וְאֶתְּרֶם בְּשִׁבְעַת יָמֵי חַג הַשְּׂמֵחַ וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַשְּׂמַיִם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיָּם וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַיַּבָּשׁוֹת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַבְּרִיָּוִת וְיִשְׁמַע בְּקוֹלֵי כָּל הַחַיּוֹת

В просторном шалаше в праздник собрались школьники и их родители, и для них всех были приготовлены угощения, а также развлекательная программа. В течение праздничных дней раввин Нисон Руппо вместе с воспитанниками московской школы «Месивта», специально приехавшими в Кострому для помощи в проведении осенних праздников, ездил по соседним городам в «сукка-мобиле».

***Á íáéí èç áíáé íðáçáíééá Ñóééíñ á òááòðá áðáí ù Áðýíñéá ððòíýéíý
éííóáðò èçáíðííá éáíòíðá - Áíðóá Õéíéáéíóòáéíá***

Этот «звездный» вечер проходил при финансовой поддержке ФЕОР. И основным его организатором стала городская иудейская община во главе с раввином Ицхоком Ройтманом.

Примечательно то, что можно было сделать мицву в соответствии с еврейской традицией празднования Суккос непосредственно прямо перед театром – здесь каждый мог произнести традиционное «благословение на четыре вида растений».

***Áíðó Õéíéáéíóòáéí áíðòíéé òáéæá è á Áíéíóíí çáéá òééáðí ííéé
Óòó, ááá íáéíáá ðáçí áíáéáííí áðíáíéáý ñéíááá. Íéáçáéííí, ÷òí ðòíééóá Ááðééðéé
- ðíáéíá ýòíá çáí á:àòáéíííá í áíðòáðá áíéáéá: á ááú Ááéééíé Íòá:áíðááííé
áíéíú áá ñáí úý áíéá ýáééóéðíááí à ððáá èç áéíéááí íá Éáí éí áðáá***

Вечер, посвященный празднованию Рош а-Шона, открыл раввин Дан Кричевский. Он пожелал всем хорошего и сладкого Нового года и протрубил в шофар.

В новогоднем празднике приняли также участие учащиеся новой уфимской школы «Ор Авнер».

Весело – как это и продиктовано национальной традицией! – отметили уфимские евреи праздник Симхас Тойра.

Профессор математики Башкирского государственного университета Семен Спивак напомнил собравшимся о том, что этот замечательный праздник еврейский народ отмечал даже в годы советской власти, – несмотря на угрозу быть подвергнутым репрессии.

Профессор также рассказал и о том, что его тетья, – прославленная военная летчица, Герой Советского Союза Полина Гельман – побывала на празднике Симхас Тойра в 1948 году в московской хоральной синагоге. Он напомнил, что в синагоге тогда – как раз в день празднования Симхас Тойра! – была организована наделавшая много шума встреча евреев столицы с Голдой Меир, ставшей в том году первым послом Государства Израиль в СССР.

***Áíéáá 150 ð÷éíóáá íòééééíóééíí íá íáúýáéíéá á ááçáðá «Éáááéí Ñí÷é» í
òíí, ÷òí á Ááðáéíéíí íáúéíííí óáíòðá íðíéçíéáóò íðáçáííááíéý Ñóééíñ è Ñéí óáí
ðíéðá***

Сочинская община через свою газету обращалась ко всем землякам и гостям курорта с приглашением – прийти всей семьей отметить наши национальные традиционные праздники, попробовать блюда еврейской кухни и послушать еврейскую музыку.

К вечеру множество гостей собралось на нарядно украшенном дворе возле шалаша-сукки. Празднично накрытые столы ломились от блюд. Ни один еврейский праздник не может обойтись без вкуснейшей гэфилте фиш – фаршированной рыбы. А какой замечательный получился форшмак!

Некоторые блюда, как выяснилось, многие сочинские евреи в праздничный вечер попробовали вообще впервые в жизни. Например, такие, как фалафель – шарики из гороха, латкес – картофельные оладьи, или кугл «Ерушалми» – оригинальную запеканку с пряностями.

Зажигательные еврейские мелодии звучали до позднего вечера. «На огонек» зашел даже депутат Сочинского городского собрания Александр Фролов, – и сразу же присоединился к еврейскому застолью: ему все было внове, и все – очень понравилось.

*יְדָאָאִיע־יִוֵּעַ אֵא־אֲדָ אִי נֵאָ יֵא־אֶנְיָ נִיִּצְדָאָאֶאִיעֵי יְדָאָאֵאֶאֶיֵי יֵאֵוֵיֵוֵ
E.B. Oaeòà, éiòíòúé íæãñë ìîçãðãæáíeý, ìîñòüíeáøeá è Ðíø à-Øííà íò
ãíãðíàòíðà Ìì ñéíé íæãñè È.È. Íîææããã è íò øéíííæòáæé ääì éíèñòðãöèè
yòíã ñæéðñéíã ãðíãã*

Губернатор пожелал евреям: «Чтобы все плохое осталось в ушедшем году, а Новый год – стал годом добра, радости, благополучия для каждого из Вас и Ваших близких. Здоровья и мира в Новом году каждому человеку в каждой семье».

Накануне Рош а-Шона раввин Ошер Кричевский был приглашен на встречу к губернатору Л.К. Полежаеву. В присутствии других руководителей глава областной администрации лично поздравил молодого раввина с наступающими иудейскими религиозными праздниками.

Ну а накануне праздников месяца Тишрей раввин Ошер Кричевский сам разослал поздравительные письма во все редакции местных газет. Поэтому-то и вовсе не удивительно, что перед самым началом празднования Йом Кипур в синагогу приехали корреспонденты из местной газеты «Жизнь». В результате их визита в газете вышла статья «В синагоге – Судный день», посвященная этому святому для всех евреев дню...

На праздник Суккос по еврейской традиции обычно принято помогать бедным и нуждающимся, и этот год не стал исключением. Более ста омичей-евреев получили в подарок

кошерные продуктовые наборы, а тем, кто не смог прийти за гостинцами сам, их привезли домой.

Á ðàääàðèè ì ðàçàì è:í ùõ àí áé Ðìø à-Ðííà á Êðàìí ì ÿðíèá í àì íààèáèò ìò ñèíàññè àíàññèè àèñí òíèøø ðàíò ÿæéó-ì èáèàò ñí íàíñáí èì ì íçðààèáí èàì.

Местные телеканалы столицы этого обширного сибирского края передали запись беседы раввина Бенямина Вагнера, посвященную предстоящему празднику, а затем и его ответы на вопросы, заданные в ходе передачи уже в прямом эфире.

Корреспондент телевидения побывал также и в квартире раввина, где ребецн Дина Вагнер продемонстрировала перед телекамерами свои кулинарные секреты приготовления традиционных еврейских блюд к праздничному столу. Информацию о грядущем праздновании евреями Рош а-Шона поместили большинство городских газет Красноярска.

В самый канун новогоднего праздника жители города отметили необычайное оживление на центральной площади, где расположен фешенебельный отель «Красноярск». И действительно, было на кого посмотреть: к центральному входу подъезжали и подходили нарядно одетые дамы и господа – гости, званные на этот торжественный вечер.

За новогодний стол сели праздновать триста человек. Гостей встречала еврейская музыка в исполнении солистки областной филармонии Ольги Розенберг.

Вечер начался с публичного оглашения праздничных поздравлений – от президента России Владимира Путина, главного раввина России Берла Лазара, председателя Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева.

Затем были вручены приветственные адреса и подарки – от имени глав администраций Красноярского края и города Красноярска Александра Хлопонина и Петра Пимашкова, а также от председателя краевого законодательного собрания Александра Усса.

Раввин Беньямин Вагнер и председатель общины Юрий Лившиц поздравили собравшихся с Новым годом, пожелав всем мира и процветания.

А на следующий день в синагоге при большом стечении евреев был вознесен торжественный молебен и – как положено в Рош а-Шона – прозвучал новогодний шофар.

После праздничной церемонии взрослые и дети вышли на берег реки Кача для мицвы – избавления от грехов, которые стряхивают с себя в воду под недреманным оком рыб: так принято в нашей традиции исполнять обряд Ташлиах.

В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ СТРАНАХ СНГ И В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ОСЕННИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ ОТМЕТИЛИ, КАК НИКОГДА ПРЕЖДЕ, ВЕСЕЛО И ШИРОКО

יְדַצְאֵי לְאֵי עֵבֶר אֶל-יְרֵמִיָּהוּ אֶל-בְּנֵי-יְרֵמִיָּהוּ הַיְהוּדִים וְהַכְּנַעֲנִיִּים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ וְהַכְּנַעֲנִיִּים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ וְהַכְּנַעֲנִיִּים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ
1 321 הַיְהוּדִים וְהַכְּנַעֲנִיִּים

А на праздник Суккос в ташкентскую городскую синагогу пришли воспитанники еврейского детского сада «Оел Менахем». Их, как самых дорогих гостей, встретили раввин Абе-Довид Гуревич и студенты ешив из Израиля и США, прибывшие в Узбекистан на практику. После обильной трапезы состоялась доверительная беседа всех гостей и участников празднования со своим раввином.

– В этом году Суккос собрал в синагоге значительно больше людей, чем прежде, – поделился своими впечатлениями раввин Гуревич и пояснил: – Я связываю это с углублением еврейского образования. Ученики еврейской школы-гимназии ведут за собой в синагогу своих родителей и даже бабушек с дедушками, которые на старости лет после «Истории КПСС» начинают приобщаться к Торе.

יְדַצְאֵי עֵבֶר נֹסְעֵי הָאֶרֶץ וְהַיְהוּדִים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ וְהַכְּנַעֲנִיִּים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ וְהַכְּנַעֲנִיִּים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ וְהַכְּנַעֲנִיִּים אֲשֶׁר-בְּאֶרֶץ-יְרֵמִיָּהוּ
יְדַצְאֵי עֵבֶר נֹסְעֵי הָאֶרֶץ

Искрометный старт празднованию был дан веселым представлением в стихах во дворе Еврейского образовательного комплекса. Вокальный ансамбль девочек очаровал слушателей и зрителей еврейскими песнями, а танцы в исполнении группы мальчиков сопровождалась длительными несмолкаемыми аплодисментами.

Завершился праздник забавнейшим самодеятельным спектаклем «Как Мойша строил сукку».

*Ἰαεὶαὶ ὀία Δῖσ ἀ-Ὀῖία ἄεαί τε δαῖεῖ Ἐδῶεε Ἀδία Δαεὶ αἱ ἁ ἰδῶι ἱῖ
ἰοεδα δαῖεῖ ἱπὸ αἱ οἰεε «Δαὸ δῖ», αἱῖῖ ἁ ἱῖ ὀεῦδῖ ἱε ἱδῶε εεὸ αεῖε ἱδῖεεὸῦ ἱδῶι ἰ -
Αεεεαῖ, ἰδεῖ ῖε ὁ-αἱδῶεα ἁ-αἱῖε ἰδῖαῖ ἰ ἁ*

В течение всей этой радиопередачи раввин Арье Райхман довольно подробно рассказывал слушателям о жизни еврейской общины, о глубоком смысле и тысячелетних традициях осенних праздников.

Местная газета «Для Вас» на своей первой полосе поместила большую статью, посвященную осенним национальным иудейским праздникам, и поздравила всех евреев с наступающим Новым годом.

...Более ста прихожан и гостей вечером новогодья пришли в бишкекскую синагогу, чтобы отметить Рош а-Шона.

А на празднование Суккос в шалаше, только что возведенном у здания синагоги, собрался настоящий «женский клуб» под веселым руководством ребецн Эстер Райхман.

*Ἴ ὀαεῖρ ἱῖ ἱ-ῖ ἁδῶεῖεῖ ἱαῖεῖαῖ Ἀσῶαεῖεαῖ ἁ ἰδῶεῖε-ἱῖα ἁῖε
ἱῖ ἱαῖε ἱῖαῖ ῖρ ἁ Ἀαεὸ ἰδεῖαεε ὁ-αἱεαῖ ἁεεαῖ «Ἐὸδ Ὀαῖα».*

Уже в азербайджанской столице они разделились на две группы, и обе они тут же и отправились в сравнительно небольшие города – Гянджу и Огуз.

А в первой частной еврейской школе Азербайджана проходил юбилейный 500-й урок. Посвященный изучению древних традиций народа Израиля, примечательный урок этот шел как раз в канун Рош а-Шона.

К концу этого юбилейного занятия все ребята твердо усвоили, что голова рыбы – это символ стремления быть лучшими в учебе и вообще в жизни. И узнали, что на весах

в дни праздников взвешиваются добрые и греховные дела. Поняли они и то, что, стремясь творить добро, человек открывает для себя двери в новый – счастливый! – год.

И чтобы год наступающий непременно был очень счастливым и сладким, евреи едят яблоки с медом. Еще они пишут близким открытки с добрыми пожеланиями. И идут к морю или, если его рядом нет, к пруду, а там – молятся и стряхивают с себя в воду грехи года минувшего, и называется этот обряд Ташлих.

לַעֲשׂוֹת לְאֹֹוֹ

У президента Еврейского учебно-воспитательного комплекса «Гершуни» в городе Алма-Ате Шеваха Златопольского немало забот: надо накормить всех воспитанников детского сада и учащихся школы в сукке, помочь всем детям и взрослым выполнить заповедь «благословения с четырьмя видами растений», провести утренники, КВНы, конкурсы, выезды на природу, праздничные вечера.

БИРОБИДЖАН

Воспитанники детского сада на празднике Рош а-Шона.

וְלִעֲשׂוֹת

***אֲיֵדָעִים: יוֹאֵל אֵלֶי נֹשְׁעֵיךְ אֲבֵרֶנּוּ דִבְרֵי יְהוֹיָאֵךְ אִי שְׂעֵי עֵלֶי יִדְבְּרֵנִי
וְיִדְבְּרֵנִי יוֹאֵל יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר יֵאָדָּר
דָּבָר וְשֵׁנִי.***

В знаменитом своим старинным университетом городе Тарту, где еврейская община насчитывает ныне 115 человек, шалаш-сукку построили недалеко от места, где до войны находилась синагога.

В городе Кохтла-Ярве проживают полторы сотни евреев, но для участия в празднике туда прибыли на автобусе и евреи Нарвы – в общине этого города всего 80 человек. После традиционного обряда в сукке веселье продолжилось в кохтла-ярвском городском Дворце культуры.

Затем переносная сукка была доставлена в небольшой, но известный своими культурными традициями курортный городок Пярну. Еврейская община там ныне совсем небольшая, всего полтора десятка человек. Тем не менее, однако, чуть ли не все они принимали участие в праздновании и вместе с ними сидели рядом за праздничными столами также и неевреи – друзья Израиля.

ÁĬĬÁÖĚ

Á yòĬĬ äĬäö äĬçĚä äĬĬäĚĬĚ ĬĚĬäĬĬĚ äĬĚ öĬöäĬĬäĬĬ ĬäĬ ũĚ äĬĚĬĬĬĚ ä ĚĬöĬöĚ äĬöĬää öäĚäö.

На сей раз этот вместительный шалаш-сукка занимал почти весь синагогальный двор. Днем там работало кафе... «Цены – как в столовой, зато меню – как в ресторане», – рассказывали его довольные посетители.

Трудно судить о количестве евреев, посетивших эту сукку при синагоге: ведь люди приходили и уходили почти непрерывно – с утра до позднего вечера.

Несколько шалашей «разбросали» по всему городу – они были установлены, что называется, «по месту жительства»: один – у дома раввина Пинхаса Вышецкого, другой – вблизи «Теплого дома для школьника», иные сукки – в других местах...

Нееврейские соседи удивлялись: и чего это евреям в такую-то погоду дома не сидится? Приходилось объяснять...

А передвижная сукка вообще побывала в четырнадцати городах – чуть ли не по всей Донецкой области прокатилась!

ÁĬĚĬĬĬÄĬ

Ĭ äĚĬĬĬä ĬäçĬĬĚä ĬĬö ä-ÖĬĬä äĬĬäĬĬöĬ ääĬäĬĬöĬ ĬäĬĬĬö ĬĬĬöĚä äĬöĬĬä äĬĬĬĬ öäĬĬä äĬĬĬ öĬĬĬĚ öĬöäĬöĚä «ÖĚäĬĬĬä-ÖäĬ».

В волгоградской школе «Ор Авнер» гости провели практическое занятие по изготовлению шофаров.

Они подробно рассказали о том, что рога отпиливают только у животных, уже забитых для утилитарных целей. Оленьи и бычьи рога для шофаров не годятся, так как первые – не полые, а вторые напоминают о грехе «золотого тельца».

Итак, у крупных копытных животных – пригодных для изготовления шофаров горных туров, баранов, козорогов – отпиливают рога. Их затем несколько часов вываривают в кипятке – чтобы удалить мякоть с оснований. И уже только потом – после тщательного просушивания – приступают непосредственно к процессу изготовления шофара.

Технология этого ремесла с виду проста, и за три тысячелетия изменились разве что лишь инструменты. Лобзиком отпиливают верхний конец рога, а потом – в месте спила – просверливают отверстие до самой полости и прочищают сквозной канал проволокой. Потом поверхность рога ошкуривают, обтачивают на точильном ремне и, наконец, покрывают лаком...

Не прошло и двадцати минут, как каждый старшеклассник, усердно потрудившись, обзавелся собственноручно изготовленным новеньким шофаром. Ребята заодно получили и первые навыки трубления.

РАВВИН ХАЙКИН ПОСЕТИЛ БАР-МИЦВУ НА РОДИНЕ РЕБЕ

Â Īēēĭēāāāā ĭđĭōāē ĭđāçāĭēē āāđ-ĭēōāĭ, ĭđāĭēçĭāāĭĭūē đāāēĭĭ Īĭēĭĭ ĭĭ Āĭōēēāĭĭ āēŷ ĭŷōēāāŷŷōē đāāŷō.

Для них, достигших совершеннолетия по еврейскому закону, празднование бар-мицвы было специально приурочено к 101-й годовщине со дня рождения Любавичского Ребе.

В этот день в старинной синагоге украинского города Николаева всем мальчикам преподнесли в дар тфилин. Не обошлось и без сюрприза: в одном из подаренных мешочков с тфилин оказался «счастливый билет». В этом билете сообщалось о том, что его обладатель выиграл поездку в США, в Нью-Йорк, в центральную синагогу Хабада «770»!

Гостями торжественной церемонии стали главный раввин Украины Азриел Хайкин с супругой Сарой, глава Еврейского агентства в Украине Алекс Кац, главные раввины Одессы и Херсона, представители городской администрации Николаева.

Они все вместе посетили детский сад «Хая-Мушка», микву, а также школу «Ор Авнер», где их встретили дети, подарившие важным гостям рисунки на темы Торы, победившие в городском конкурсе детского художественного творчества.

Раввин Азриел Хайкин выступил перед собравшимися с речью, в которой особо отметил прекрасное состояние еврейских учебных заведений и высокий уровень еврейского образования в городе. Он призвал и далее «продолжать работу по возвращению городу Николаеву того еврейского статуса, который был у него раньше».

Главный раввин Украины также напомнил о настоятельной необходимости «добиваться разрешения у городских властей Николаева на строительство новой синагоги».

י. זעסן אײ

ХУПА ИЗРАИЛЬТЯН В ТАЛЛИНЕ

יָא יֵאוֹבִיאַאִי-יִפּ תַּאֲוִיבִי תַּעֲוִיבִי עֵבֶר דִּיאַעֶזאַעֶ יִדֵּאֲוֶעֶ עַף עֶרֶדֶעֶיִ.

Жених – Герман Абель – покинул Эстонию во время «большой алии» и вот уже 12 лет живет в Израиле. Гражданкой Эстонской Республики была и Лийна Абель, бабушка жениха, пережившая Катастрофу в эвакуации.

Поэтому понятно, отчего семья Абель решила сыграть свадьбу в Эстонии, пойдя навстречу желаниям оставшейся здесь многочисленной родни. Да и для молодоженов их бракосочетание обернулось счастливым и увлекательным свадебным путешествием.

Невеста Анна происходит также из семьи репатриантов, правда, уехавших в Израиль из России. Однако же на свадьбу любимой дочери в таллинской в синагоге приехали и ее родители.

Церемония бракосочетания велась на двух языках – иврите и русском. Одетую в роскошное платье Анну, в соответствии с древним и вечно юным еврейским обрядом, под свадебный балдахин – хупу – сопровождали ее мама и мать жениха. Все присутствующие держали в руках свечи – символ того, что невеста соединяется с женихом для новой жизни.

Как и положено по иудейской брачной традиции, в ходе этого торжественного обряда молодые вместе со своими родителями совершили под хупой семь кругов – в честь праотцев еврейского народа.

– Памятник этот поистине уникален, – рассказывает председатель еврейской общины Владикавказа Марк Петрушанский. – Он представляет собой развернутый свиток Торы, на котором укреплены пилоны с фамилиями погибших. Вдумайтесь: ведь только при обороне Владикавказа погибли более трехсот евреев, а еще 286 владикавказских евреев сложили головы на других фронтах... В ансамбль входит и произведение знаменитого скульптора Вадима Сидура – фигура солдата, идущего в атаку. Языки пламени «Вечного Огня» стилизованы под менору-семисвечник. Установлена на постаменте пробитая осколком каска, и высечены слова из книги пророка Самуила: «Здесь, в горах Гильбоа, пали сильные на поле брани». Также установлены и две таблички с надписью на русском и иврите. Это – призыв к живущим и будущим нашим потомкам: «Помни».

Как узнала корреспондент, автором проекта этого монумента является сам Марк Петрушанский, а создал ансамбль памятника скульптор Руслан Джанаев.

С недавних пор установилась традиция – у памятника воинам-евреям во Владикавказе теперь проходят торжественные митинги, посвященные скорбному дню начала Великой Отечественной войны и Дню Победы.

На своей недавней встрече ветераны за накрытым столом обсуждали ближайшие планы по военно-патриотическому воспитанию молодежи Владикавказа.

Светлую память павших в лихолетье Великой Отечественной войны и недавно ушедших из жизни своих товарищей члены Клуба ветеранов» почтили стоя, выпив по «сто фронтовых грамм еврейской кошерной водки. А затем защитники Отечества вместе отправились к памятнику воинам-евреям.

Ñ. Èààïæñèàÿ

НЕПРОЖИТЫЕ ЖИЗНИ НЕВОСПОЛНИМЫ

*Ì ù óæá ùñ'æè ì ðèàñèí óòù è òñ ù ÷ òí á Ðññèè ì óèóèàèù ì ì ò ì á:ààòñÿ
Ááí ù ì ì èè ò è: àñèí ã çàèèþ: áí ì ì ã.*

А впервые его отмечали в 1974 году голодовками политзаключенных мордовских и пермских лагерей.

В Москве на Лубянской площади недавно прошел траурный митинг. Главный раввин России Берл Лазар так прокомментировал это событие:

– В этот день мы все вместе скорбим по безвинно расстрелянным, по тем, кто подвергся репрессиям за политические и религиозные убеждения. К сожалению, невозможно вернуть то, что было уничтожено. Даже после того, как некоторых из репрессированных официально реабилитировали, невозможно восстановить перечеркнутые, искаленные жизни этих людей, их детей и близких.

Невосполнимы и сами непрожитые жизни, невосполнимы и незаконченные дела ушедших. Сегодня, когда создается новая Россия, мы начали понимать, сколько героизма и духа было у этих людей.

Мы все должны быть очень осторожными, чтобы трагедия никогда больше не повторилась. И мы непременно должны научиться умению ценить возможности, которые есть сегодня в демократической России.

Н. хадіуе

ДЕТИ ПРОТИВ ТЕРРОРА

І іа іаòòіаеаі Аііі еòііа еііааііа ðіііеіуа: і іа ааòаеіòаа е Ааòаеіеіа ааіі òіòаа «Ніііòò» а Еèòаòаòòіі і оаі Іааіі іòіеа іаòааеаі ау аііòааеа «Ааòе іòіòеа òаòòіа».

Выставка эта – по впечатлениям многих одесситов и гостей города, посетивших ее, – воспринимается как печальный результат последствий необъявленной войны против мирного населения Израиля, жертвами которой стали не только взрослые.

В экспозиции выставки представлены рисунки израильских детей, погибших при ужасающем взрыве, произведенном палестинскими террористами в минувшем году в тель-авивской дискотеке «Дельфинариум»...

По замыслу организаторов, каждый ребенок, посетивший эту выставку, может выразить свои впечатления, нарисовав собственную картину, обличающую терроризм, которая обязательно будет присоединена к экспозиции.

На открытии этой выставки присутствовали многие деятели еврейской общины, и в их числе – главный раввин Одессы Авраам Вольф, президент ВААД Украины, член президиума ВКРЕ Иосиф Зисельс, второй секретарь израильского посольства в Украине Макс Шендерман.

В торжественной церемонии открытия выставки также участвовала и Евгения Джанашвили – мать одного из погибших, Ромы Джанашвили, рисунки которого были представлены в экспозиции.

Организаторы подчеркивали особую важность этой акции, искренне надеясь на то, что мировое сообщество впредь не останется безучастным к проблеме возрастающего терроризма.

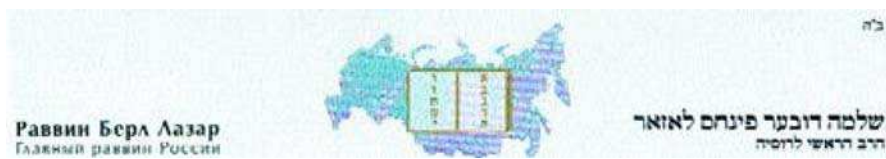
Передвижная экспозиция уже побывала в Берлине и Праге. Предполагается, что эта выставка будет в дальнейшем отправлена в Днепрпетровск, а затем в Киев.

І. хеіііа

ПОСТРОЙТЕ МНЕ ХРАМ...»

Ðаòаіеаі аааòіаòіòа Наі аòіеіе іаеаіòе Еіііòаіòеіа Òеòіаа ааòаеіеіе іаіеіа а аііаа аіаòаіаіа Òіòаеіі ау іеіааіа

В связи с этим событием главный раввин России Берл Лазар направил поздравительное письмо еврейской общине Самары и Международному фонду возрождения самарской Хоральной синагоги:

Дорогие друзья!

У нас, евреев, живущих в диаспоре, никогда не было более важного здания, чем синагога. Сказал Г-сподь: «Постройте Мне храм, и Я буду обитать среди вас».

Испокон веку, поселяясь на новом месте, создавая общину, евреи первым делом строили синагогу – место, где каждый из нас получает возможность стать ближе к Б-гу, место, которое объединяет нас, рождает чувство солидарности и сопричастности нашим духовным ценностям.

Еврейская община Самары издавна была одной из крупнейших и процветающих в России. Здание Хоральной синагоги, построенное около ста лет назад, по праву числилось среди прекрасных образцов европейской архитектуры.

К сожалению, на протяжении долгих лет евреи Самары были лишены своей синагоги, построенной на пожертвования членов местной общины. Слава Б-гу, сейчас настали иные времена, Россия стала демократическим государством, в котором евреи стали равными среди равных. Мудрое решение губернатора Самарской области Константина Титова о возвращении евреям города Хоральной синагоги – очередное доказательство необратимости демократических перемен в России, символ возрождения еврейства не только в вашем городе, в вашем регионе, но и в стране в целом.

Наш общий долг и заслуга перед Г-сподом – вновь реконструировать Хоральную синагогу Самары и вернуть присущее ей величие, которое было гордостью евреев вашего прекрасного города на протяжении многих лет.

Желаю всем участникам реконструкции синагоги счастья, крепкого здоровья и успехов во всех начинаниях. Дай Б-г, чтобы Хоральная синагога Самары вновь стала источником света и тепла для всех вас, для всего вашего прекрасного города.

Āēāāī ūé dāāāēī Dīññēē

Āāāē Ēāāāō

РАВВИН ИЗ «САМОГО АНТИСЕМИТСКОГО РЕГИОНА»

Ā Ēdāāī īāāāōēōēō āāāāēēēōēō īāūēīō āī āñōā ñāēāīīē Ōāāīē ē āāāōī āññ:ī ūī ññīñī ñī dēāāāē dāāāēī Ōīāāō Ñāāēē – ī ā īññōīññīōēō dāāīōā

Это – первый раввин в Краснодаре с 1935 года, с той поры, когда советская власть на официальном уровне, директивно, запретила любую религиозную деятельность, а особенно – иудеев-хасидов.

Прибытие раввина, конечно же, будет способствовать дальнейшему развитию и активизации религиозной жизни Краснодарской еврейской общины, насчитывающей около четырех тысяч человек. Появилась с приездом на работу постоянного раввина также и надежда на то, что в городе в скором времени может появиться и синагога.

– До приезда сюда я не раз слышал о том, что Кубань – самый антисемитский регион России, а потому и думал, что придется мне ходить по городу чуть ли не с телохранителем, – начал разговор раввин Шнеур Сегал. – Оказалось, однако, все совсем не так. Я приятно удивлен приветливостью местных жителей. Во время празднования Рош а-Шона никакой напряженности у нас не возникло. А ведь вечер встречи Нового года проходил в центре города и на него собралось более двухсот пятидесяти евреев.

Особенно хорошее впечатление произвели на только что приехавшего в Краснодар раввина улыбающиеся лица на улицах.

– Если люди улыбаются, значит, они хорошо живут, когда же люди хорошо живут, они не ищут виноватых, – считает раввин Шнеур Сегал. – Конечно, все мы понимаем, что антисемитизм может проявиться совершенно неожиданно, но ведь поэтому-то мы и не теряем бдительности. Но, слава Б-гу, пока что ничего подобного в Краснодаре лично я не вижу.

Раввин Сегал сообщил также о том, что работает он с первого же дня в тесном контакте с председателем краснодарской еврейской религиозной общины Юрием Тейтельбаумом.

– По опыту своих коллег знаю, что совместная деятельность раввина и лидера общины гарантируют девяносто процентов успешной работы – охотно поясняет раввин Сегал. – Сам же Юрий Мордухович находится на посту председателя с недавних пор, но для многих, в том числе и для меня, уже очевидно то, что это действительно преданный нашей общине человек. Краснодарские евреи его уважают. Это показал в том числе и недавно проведенный нами праздник Рош а-Шона.

Среди своих первостепенных задач новый раввин отмечает возобновление работы бездействующей ныне старой синагоги. Она действовала в городе с 1850-х годов без малого сто лет. Историческое здание находится ныне в муниципальной собственности, и добиться его возвращения непросто.

Поэтому пока что рассматривается вариант аренды или покупки здания под строительство новой синагоги. Сейчас тем не менее, не теряя времени, ищут для коллективных молитв общины подходящее помещение, которое бы подлежало переоборудованию для открытия в нем синагоги.

А что, все правильно – пусть себе играют: разве на любой театральной сцене уже не нужны артисты и артистки различных возрастов, разнообразных амплуа, да и разного роста тоже?!

Ү. Оёси ай

УЧИТЕЛЯ ИНФОРМАТИКИ УЧАТСЯ

А оёіея «Іџ Аай аџ» аџџаа Аіеааџааа а еііоа ііііе іџіоае іаеаіііе ііі еіаџ о:еџае еіџіџі аџеёе.

Тема, которую обсуждали с школьными преподавателями руководители этого семинара, оказалась весьма насущной: «Основы работы в Интернете». Поучиться на семинаре собрались 22 учителя из школ Волгограда, Волгоградской области и Северо-Кавказского региона.

Волгоградская школа «Ор Авнер» на сегодняшний день – одно из тех немногих в области средних учебных заведений, где на современном уровне занимаются обучением школьников предмету информатики. Школа эта имеет отлично оснащенный компьютерный зал и высококлассного специалиста – учителя информатики.

Участникам семинара были представлены актуальные разработки учащихся школы: презентации, «Сборник практических заданий с этнокультурным компонентом по программам Ms Office», выпуски школьной газеты «Хаим», рисунки по Corel Draw и многое другое.

Учителя с интересом познакомились с детально разработанными методическими рекомендациями по проведению уроков информатики и с практическими заданиями по различным темам, сопряженными с электронными вариантами этих заданий.

Участники семинара познакомились, с сетевыми программами NetMeeting и Ipnnet, уже используемыми в обучении учащихся волгоградской школы «Ор Авнер».

В перерывах гости – участники семинара знакомились со школой.

Ү. Оёси ай

КОМПЬЮТЕРНЫЙ КЛАСС В СИНАГОГЕ

А іеіаааіі џііііаа-іа-Аііо іа:ае џаііоо ііаеаеёеџіаііііе еіі ііџџіііе еёаіі

Это – необычная аудитория, тем более для синагоги, помещения которой прежде всего предназначены для отправления религиозных иудейских обрядов. Тем не менее в здании синагоги Ростова-на-Дону на днях открыт совершенно непривычный класс, оснащенный самым современным компьютерным оборудованием и программным обеспечением.

возраста и уровня. Здесь, в частности, пользователей ПК, изучающие основы офисных программ, группы компьютерного дизайна и графики, а также группы работы в сети Интернет.

Более восьмидесяти членов общины обучаются здесь в группах, сформированных в зависимости от начальных знаний. работают группы

группы компьютерного

Все они действуют с недавних пор, тем не менее уже сейчас руководителями ростовской общины планируется начать дистанционное обучение ее членов в Открытом университете Израйля и в других учебных заведениях за рубежом.

В свободное от групповых занятий время компьютерный класс работает как Интернет-кафе, в удобные часы обеспечивая членам общины свободный доступ в Интернет.

Здесь также совсем недавно завершено обустройство специализированной комнаты для занятий психолога по сенсорной методике. Сделано это в рамках совместного проекта, осуществляемого всеми еврейскими организациями Ростова-на-Дону, по реабилитации еврейских детей с ограниченными возможностями.

Y. Oeoi ai

ДВАЖДЫ ЕВРЕЙ – МНОГАЖДЫ ЧЕМПИОН

Á Ĩ ĩñéĭñéĭñ ĩáááéĭñéĭñ ĩáúéĭĭĭñ óáĭ ò áá ĩđĭééá áĭò áá:á ĩ Áéáéñĭáđĭĭ Áĭĭ áéúĭééĭ.

Александр Яковлевич – столь известный в России спортивный деятель, что его вряд ли необходимо представлять широким кругам отечественных болельщиков. Многие из нас знают о том, что Александр Гомельский является еще и профессором, и судьей международной категории. И естественно, едва ли не главное его достижение, благодаря которому этот человек обрел столь высокий авторитет и благодаря чему стал столь знаменит – то, что он остается легендарным тренером великого множества «звезд» баскетбола, воспитавшим более пятидесяти заслуженных мастеров спорта. Под его руководством сборная команда страны стала восьмикратным чемпионом Европы, двукратным чемпионом мира, олимпийским чемпионом в Сеуле в 1988 году.

После встречи в МЕОЦ Александр Яковлевич ответил на вопросы корреспондента АЕН.

– Вас иногда называют «дважды еврей Советского Союза». Почему?

– Предыстория этого «почетного генеалогического звания» уже достаточно давняя. Когда началась Великая Отечественная война, меня определили в интернат. Директор интерната исправил мне метрики – и записал меня русским, сказав: «Это чтобы тебя не взяли в плен». Много лет назад, уже служа в советской армии, на партактиве

Прибалтийского военного округа я обратился к руководству с просьбой: «Хочу вернуть себе мое еврейство, которое пришлось скрыть во время войны!»

Все удивились, спросили: зачем нужно мне теперь вот так афишировать свое еврейство? Начальство, одним словом, отказало, но я не успокаивался. Они в конце концов согласились все уладить, однако обещали сделать это лишь только при одном условии – доказательства моего еврейского происхождения.

Документальных подтверждений после оккупации не осталось, пришлось вызывать в Ригу маму. Она приехала, и на очередном партсобрании при всех моих армейских начальниках подтвердила мое еврейство. Так я стал «дважды евреем».

– И каким же образом сами-то вы, Александр Яковлевич, ощущаете ныне свою принадлежность к еврейству?

– Сегодня я могу не стыдиться своей национальностью, могу абсолютно спокойно об этом говорить. Я горжусь тем, что принадлежу к своему народу...

Убежден: всякий, кто говорит, что евреи – малая нация, очень сильно ошибается! Посмотрите хотя бы на то, сколько дали именно евреи мировому сообществу – и тогда, – как говорится, все станет понятно.

– Вы каким-либо образом сами лично участвуете в жизни еврейской общины?

– Я посещаю синагогу, интересуюсь жизнью общины.

– Что добавить еще?

Я очень доволен тем, что сегодня московские власти не мешают евреям города жить полноценной жизнью, чувствовать себя как в Израиле.

– А вы сами-то не хотели бы стать, например, тренером израильской команды?

– К сожалению, я не знаю иврита. А язык в тренировке спортсменов, как и в воспитании вообще, – главное. Чертить на доске тактическую схему – полдела, этого недостаточно.

– Как вы относитесь к тому, что в последнее время происходит в Израиле?

– Вы имеете в виду арабо-израильский конфликт? Мне кажется, что в нынешнее время спорные вопросы силой решать – попросту бессмысленно, да, пожалуй, и невозможно. Посмотрите на еврейских детей – их воспитывают в соответствии с Торой, их не призывают к жестокости...

А мусульманских детей с малых лет учат ненависти. Это неправильно! Ведь если бы их на самом деле воспитывали так, как это предписывает Коран, тогда и конфликт не смог бы возникнуть. Ведь в Коране же нет ни одного слова о том, что решать идеологические проблемы нужно силой.

– Что бы вы, Александр Яковлевич, в эти трудные времена посоветовали евреям Израиля?

– Не прощать негодяев. Очень важно найти правильный путь именно политического урегулирования отношений между арабами и евреями.

А. Яковлевич

«РОВНО ГОД»

Александр Яковлевич, в эти трудные времена посоветовали евреям Израиля?

В честь первого «юбилея» здесь открылась выставка под названием «Ровно год».

На вернисаже собрались в основном художники и фотографы, чьи произведения экспонировались в галерее в минувшем году. Среди них – Игорь Герман, Марк Генкин, Иосиф Арбисман, Галина Дубинская, Владимир Кейдан, Семен Раппопорт, Александр Забрин.

Вечер вел заслуженный деятель искусств России, режиссер Григорий Кантор. Публика познакомилась с только что снятым документальным фильмом о работе галереи, музыкант Геннадий Цыпин исполнил канторские мелодии.

...Все присутствующие почтили вставанием память художника Боруха Штейнберга, для которого выставка в галерее МЕОЦ оказалась последней – в нынешнем году мастера не стало.

Было в ходе «первоюбилейного» вечера сказано много теплых слов в адрес директора галереи – Юлии Корольковой. И действительно, заслуги ее неоспоримы: ведь в основном благодаря ее неисчерпаемой энергии, старанию и любви к своему делу всего за один год реализовано множество интереснейших проектов.

– В Израиле репатриантам не всегда удастся продемонстрировать свои таланты, – сказал, выступая на юбилейном вечере, фотохудожник Игорь Герман. – А здесь, в галерее МЕОЦ, у евреев Москвы есть такая возможность. И не только у евреев – ведь искусство выходит за рамки национальной принадлежности, оно объединяет всех людей и делает их терпимее друг к другу.

À. Áàñàéíàà

СПОРТ – ОТ ПЯТИ ДО СЕМИДЕСЯТИ

À Ì ìñàíèíì ààðàéíèíì íàíèíííì òàí ò òà í ò è ò ù è è ñ ñ ï í à í à ñ ñ ò è à í ù à ñ ñ è è è.

Они пока воспринимаются многими как экзотические. Например, резистобол. Между тем это – вид силовой аэробики на больших шведских мячах для женщин. Не менее непривычна и секция тай-бо, хотя это – аэробика, основанная на движениях восточных единоборств для женщин.

Для занятий лечебной физкультурой сформировано несколько групп для людей с разными физиологическими данными – в зависимости от врачебного диагноза.

Спортивные программы довольно широко развернуты в МЕОЦ в течение всего двух лет. Причем нужное и важное дело это начато с первых же дней работы центра. Открыты два зала – тренажерный и спортивный. Здесь есть все условия для занятий футболом, настольным теннисом, волейболом, баскетболом, аэробикой, карате, ОФП (общей физической подготовкой).

Большой спортивный зал оснащен самыми различными – и притом современнейшими – приспособлениями, быстро позволяющими трансформировать его для работы разнообразных секций. В частности, натяжными штангами для волейбольной сетки, баскетбольными щитами, восьмью раздвижными столами для настольного тенниса. И даже... компактной сборно-разборной трибуной на шестьсот мест для зрителей.

Есть также здесь и оборудование для просмотра кинофильмов.

...Спортивные секции МЕОЦ посещают люди всех возрастов: от 5 до 70 лет. Как рассказал на днях нашему корреспонденту руководитель спортивных программ центра Аркадий Рывкин, уже в этом зимнем сезоне намечено открытие специальных секций для детей.

Ì. Í áöëèí

РОЗЕНБАУМ В МЕОЦ

Á í ĩëäüü ĩì çäëá Í ĩñëíáñéíã ääðäëñéíã íáüèíííã öáí ò ðà áëääã ò äí ðëò äëüü úé é ĩí óáðò ääë èçäññò í úé ðí ĩññé éññéé ääðä Äëäëñáí äð Ðí çáí äáòí.

На этом вечере присутствовали вице-президент ФЕОР Александр Борода, представители ряда еврейских организаций, прихожане, гости, и все вместе – в качестве признательных слушателей.

В исполнении прославленного артиста прозвучали любимые песни: «Вальс-бостон», «Песня еврейского портного», «Йом ве-лайла» и многие другие. Во время концерта в зале на пятьсот мест собралось больше тысячи человек. Но несмотря на тесноту, атмосфера вечера оставалась теплой и дружеской.

По окончании выступления слушатели долго не отпускали Александра Розенбаума, вновь и вновь уговаривая спеть «на бис».

Á. Í èðäëéíãáí

документального фильма о праздновании Рош а-Шона и Суккос в синагоге Любавичского Ребе в Нью-Йорке, забавнейшие веселые детские утренники, праздничные вечера в синагоге и в городском отделении благотворительной организации «Хесед».

Y. Osei ai

МАЗЛ ТОВ!

Федерация еврейских общин России поздравляет главного раввина России,

председателя объединения раввинов СНГ раввина Берла Лазара и его жену Хану

с рождением дочери Брохи.

Пусть ее рождение станет «брохой» – благословением для всей его семьи.

Желаем воспитать ее в духе Торы и добрых дел.

Ле-Тора, ле-хупа, ле-маасим товим!

Донецкая областная еврейская община

сердечно поздравляет

выдающегося ученого, действительного члена

Академии строительства Украины

Юлия Зиновьевича Заславского

с 80-летием.

Желаем творческого вдохновения, здоровья, оптимизма и долгих лет жизни.

Ребецн Хану и раввина Шмуэла Каминецких

поздравляем с рождением сына

Менахема-Мендла.

Примите также наши искренние поздравления по поводу проведения обряда брис-милы вашему новорожденному!

ÈááàèñÁáðàì îàè: è ìàì ùÿ.

Дорогие друзья! Если вы хотите поздравить родных, близких и друзей в рубрике

«Мазл Тов!»,

сообщите об этом в редакцию:

103055, Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а.

Телефон 231 27 77, факс 231 30 20.

«ЗЕМЛЯ – ПЛАНЕТА ДЕТЕЙ»

*Òàì äááàèñùé èíèèàèðèá «Áíîñ Îðòèì» àíèãáðààíèéè ááðàèíèéè øèíèù
«Îð Áâíèð» ìáááàí îàè àèèèì àíòîì Îáðàíã Ì àèáóíáðòáíìá òáíðèáàèÿ ááðòíèè
õíðàíãáðàè: àíèèð èíèèèèðèááá «Çàì èÿ - ìèáí àòà ááðàè»*

Фестиваль под таким замечательным девизом был организован Министерством культуры Российской Федерации, Международным фондом мира, администрацией Волгоградской области и областной филармонией.

В этом красочном празднике детского танцевального искусства приняли участие коллективы, прибывшие в город на Волге с разных концов бывшего СНГ. Среди них были и ансамбль «Кристалл» из Татарстана, и юные танцоры ансамбля «Орленок» из Украины, их коллеги из «Иристана», приехавшие на фестиваль из Северной Осетии, и многие, многие другие.

Детям были отданы лучшие концертные площадки города...

Девочки из школы «Ор Авнер» во главе со своей руководительницей Валентиной Грималовской не потерялись среди множества гостей. Юные волгоградки из «Ор Авнер» искрометно и зажигательно танцевали в красочной программе, поставленной на сцене Центрального концертного зала и в Театре эстрады режиссером Борисом Естриным.

ÿ. Øèøì àí

ПЕРВЫЙ СЕМИНАР ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Î áááááí îà òáððèðòèðèè èáááðÿ «Áàí Èííÿ» á Îáí ìíèíáíá ìáðàèèíí
ìòáááíòù ìáðáíã ìááíðà Ì àèáóíáðòáíìá èíèèèèðèááá XXI áàèá (Ááðàèíèã
õíèèèèèðèááá).*

— Идея такого семинара родилась у руководства института в связи с недавними осенними еврейскими праздниками, — рассказал проректор по иудаике этого вуза раввин Иеуда Бронфман. — Очень хотелось, чтобы ребята подружились друг с другом, да и поближе узнали преподавателей института.

На семинаре были проведены вводные лекции по многим дисциплинам, которые будут изучать студенты. В частности, по математике, английскому языку, философии, ивриту, истории, иудаике. Для того чтобы молодые люди заодно смогли бы еще и полноценно отдохнуть, мы организовали спортивные и культурные мероприятия. На территории лагеря работали сауна, бассейн, видео, настольный теннис. Мы возили ребят и в московский картинг-клуб.

Семинар посетили работники Московского еврейского общинного центра – раввины И. Херсонский, Э. Лифшиц, З. Куравский. Главный раввин России Берл Лазар в сопровождении представителя фонда «Амихай» Довида Розенсона побывал в лагере на праздновании Суккос и провел там целый день.

По окончании семинара институт переехал в новое здание по адресу: Москва, Отрадный проезд, д. 9а, где сразу же и начались регулярные занятия. Иногородных студентов поселили в общежитии и всех их обеспечили полноценным кошерным питанием.

№. Оcéтí

ДЕТСКОМ САДУ УЧАТСЯ... РОДИТЕЛИ

Í de määénoáéé ÓÁÍÐ é áéáá òáíðéòáéúú íá òíí áá «Íð Ááí áð» á Ðíñò íáí íò éðúéñý ááòíééé íáá «Nááòéý-éé».

Этот детский сад, как было отмечено на торжественной и веселой церемонии его открытия, – пока что единственный на Дону. В нем пока еще всего дюжина воспитанников, конечно же, в возрасте еще не почтенном – от полутора до шести лет.

Тем не менее к каждому из них с первых шагов отношение здесь – как к самому почтенному гражданину. Вот так всюду бы. Дети в ответ на заботу о них очень стараются – изучают здесь иврит, традицию и историю еврейского народа.

– Мы преподаем им также еврейскую музыку и песни, пусть знают их с самого раннего детства, – рассказывает руководитель детского сада Людмила Рубинова. – В основе обучения лежит, конечно же, как и в других подобных нашему детских учреждениях, «стандартная» общеобразовательная программа. В нее входят уроки английского языка, кружки рисования и хореографии, подготовительные курсы для дошкольников.

Еврейское дошкольное учреждение это работает на базе другого – муниципального общеобразовательного детского сада № 284. Отношения с коллегами у еврейского коллектива хорошие, к «национальной специфике» все окружающие относятся не только с пониманием, но и с уважением. Для такого вывода достаточно понаблюдать,

как дети во дворе играют вместе, делятся игрушками, участвуют в совместных утренниках и конкурсах.

...В группе – просторно: раздевалка, спальня и общая комната, условно разделенная на несколько секторов. В центре – «уголок Ребе», рядом стоят стеллажи с учебными пособиями. Яркие дидактические игры и книги на иврите и на русском языке, в основном привезенные из Израиля.

Кухня в детском саду – кошерная. Едят дети четыре раза в день. К питанию каждого ребенка здесь обязателен индивидуальный подход, учитываются вкусы и пристрастия детишек.

Воспитатель Лилия Коломейцева показывает мне методические пособия по проведению праздников.

– Мы учим не только детей, но и родителей, – поясняет Лилия. – Перед праздниками, например, мы непременно собираем родительские собрания и уже там всем подробно рассказываем о традициях и обрядах. Дети готовят костюмированные представления...

В дальнейшем еврейский детский сад сможет принимать до двадцати детей. Уже сейчас ясно, что тогда их придется разделить – на младшую и старшую группы.

Словом, планов у «Светлячков» много.

Н. Эаааеиёау

ДЕТИ И КУКЛЫ

Аи Аёааёёааёааи іоё мааёиоаёё Оааааоёё аааёиёё іауіі Диііёё іоёдиёаиі аиіёаиі ау аааёиёау оёіёа

В нынешнем учебном году справившую новоселье школу посещают сорок детей в возрасте от 5 до 15 лет.

– Все преподаватели этой школы, а их семеро, – еще совсем молодые специалисты, – рассказал нашему корреспонденту глава городской общины Марк Петрушанский. – Возглавила школу педагог Марина Лескина, активный участник всех мероприятий нашей еврейской общины.

При школе уже вскоре после начала учебного года был открыт кукольный театр, художественным руководителем которого стала выпускница драматического факультета Владикавказского училища искусств Татьяна Калиниченко.

Сейчас в этот театр набирают юных артистов. Уже началась подготовка первого спектакля по мотивам Торы. Премьера, как уже объявлено горожанам, будет дана в помещении еврейского общинного дома и, судя по темпам репетиций, состоится уже в этом году.

ААІ

ИМАМ И РАВВИН ВСТРЕТИЛИСЬ В СИНАГОГЕ

*Áëááí úé ðáááëí ãðíäá Èíñòðíí ú è íáëáíðè Í èííí Ðóííí í ðéí èí áë ãñòý-
ãðíáíëíã èí àí à Ì áðáò-Òáçðáò à Áëëýëáò áëí íáà*

На своей встрече религиозные лидеры Костромы подробно и заинтересованно обсуждали многие существенные вопросы образования, направления деятельности в сфере благотворительности, а также совместные проекты гуманитарной помощи еврейским и мусульманским заключенным.

Раввин Руппо сообщил имаму Жалялетдинову о том, что еврейская община готовит акцию помощи колонии несовершеннолетних, и предложил мусульманской общине принять в ней участие.

В завершение встречи в знак успеха совместных начинаний раввин подарил своему гостю костромскую еврейскую газету «Коль Эхад», еврейский календарь и журнал «Лехаим». А имам ответно, в свою очередь, также со словами признательности подарил своему коллеге тоже костромскую, но, естественно, мусульманскую газету «Ислам».

Раввин Руппо в ходе визита гостя показал мусульманскому лидеру Костромы синагогу, а затем рассказал о еврейских праздниках.

...Примечательно то, что оба духовных лидера оказались примерно одного возраста, причем оба родились в Москве – и оба были направлены для работы в Кострому!

Не правда ли, что все это – удивительные биографические совпадения? И совпадения – «значащие», чуть ли не явно предрасполагающие по меньшей мере к взаимопониманию, а то и вовсе – к тесному сотрудничеству духовных лидеров на благо не только всей их паствы, но также и всех сограждан?!

В Костроме – ко всеобщей пользе! – дело обстоит именно так. Год назад раввин Нисон Руппо принимал участие в праздновании десятилетия возрождения ислама в Костроме, так что нынешний визит имама Марат-Хазрата Жалялетдинова – ответный.

ÁÁÍ

ПЕРВАЯ НАГРАДА

*Í ðááííááò áëíí ááðáëíëíé ðáëëáíçíçíé íáíëíú Í íáíðííëéíëà Áí èòðéé
Ááëëáð í íëó: èë áëááí ááðíò áíí í íá í èíííí í íò í ýðá ãðíáá Áëááëí èðá Ñéí ýá áíëíã.*

В письме градоначальник перечислил заслуги, за которые он, глава города, благодарил главу еврейской общины, – «за большой вклад в укрепление межнационального согласия в городе-герое Новороссийске, за поддержку и развитие традиций дружбы, добрососедства и национальной культуры».

Письмо с выражением благодарности было публично вручено Дмитрию Беккеру на торжественном приеме в здании администрации города, посвященном состоявшемуся недавно в Новороссийске Фестивалю национальных культур.

На том памятном приеме в мэрии было отмечено также и активное участие многих членов еврейской общины в прошедшем успешно фестивале. Главе новороссийской еврейской общины была также вручена в качестве поощрительного подарка «для всех земляков-евреев» фарфоровая ваза ручной работы.

По словам Дмитрия Беккера, это – первая почетная награда, полученная местной еврейской общиной от городских властей.

Н. Евратей

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ

А Аіеаааа іоіеа аіоа:а аеа-іуа аіаа А.А. Іееіаіеі и іааіоааеаеуі е ааіеіеіе іаіеіу.

Обстоятельный разговор вице-мэр вел с известными в городе, уважаемыми людьми – раввином Залманом Иоффе, председателем Совета ВЕОЦ Яэль Иоффе и директором НОУ СОШ «Ор Авнер» Е. Никитиной. В беседе принимал участие также заместитель председателя комитета по делам национальностей и казачества администрации области А. Сулов.

На встрече обсуждался неотложный, жизненно важный вопрос – о необходимости передать в безвозмездное пользование еврейской школе два здания.

Сегодня школа занимает эти помещения на правах долгосрочной аренды – правда, с зачетом средств, вложенных в ремонт. Вопрос о передаче зданий школе был поднят в связи с недавним изменением условий проведения взаимозачетов и расценок строительных организаций и комитета по образованию. Это сразу же и привело к тому, что аренда для школы стала невыгодной.

...Одному из зданий уже более сорока лет, в нем давно происходит осадка фундамента, поэтому там требуется смотреть в оба – постоянно откачивать грунтовые воды, не говоря уже о необходимости в ежегодном мелком ремонте. И все это происходит в самый разгар учебного года – при том, что ремонт второго здания все еще так и не закончен.

Вице-мэр в недавнем прошлом занимал пост проректора Волгоградской академии государственной службы. Понятно, что поэтому он достаточно хорошо знаком с подобными, в подавляющем большинстве своем трудными «учебно-хозяйственными» проблемами. Он вполне понимает также и уникальность такого учебного заведения, как школа «Ор Авнер», видит ее значительную социальную роль. И, как, впрочем, многие из волгоградцев, знает также о многочисленных благотворительных акциях школы, общинного центра и еврейской общины, ориентированных на всех жителей города.

В.А. Пилипенко в завершение встречи заверил руководителей общины в полном взаимопонимании и пообещал, что вопрос о передаче зданий еврейской школе решится положительно.

Y. Oeoi ai

ВОПЛОЩЕННАЯ В ПЕСНЮ

*Etāā :aeīāē āīnōēāāō ōī'āōīā ā aeīāā, oīāā īīyāēyāōīy
ōīāāē. Yōī nēīāī ā īāōāīāā, ēāē ēēāīōīī, īēīā:āāō «ōāēā:āīēā». Āēy āōīy īāōāī
ēīōāōāīp, ēēāīōīīā aeīāāī āīā, āā ōīāāē - āīēī īaeīīnōū āīāāēōū ēē
ōāīā:āā āāōēēā īāīīā āōāī āīē ē īīnāyōēōū āā nāēī oāēā:āīēyī. Nēīāī, ēāīyōūy
«āāēī āēy āōēē».*

Для Яна Ашкеназия, инженера-механика по профессии, таким увлечением стали песни на идише. Благодаря этой страсти Яна, идиш – в наши непростые времена подзабытый многими «экс-советскими» евреями «маме лошн» – неожиданно зазвучал в полный голос. Да еще как – в сопровождении симфонического оркестра в грандиозном музыкальном шоу «Песни еврейского местечка»! Мало того – запели на идише благодаря Яну также и во многих домах, причем не только в домах еврейских: понятно – в аудиозаписи, на компакт-диске. Понятно также, что продюсером этого проекта стал все тот же Ян Ашкеназий.

Такое вот хобби, увлечение для души у этого недюжинного человека – не для себя одного, а для множества благодарных слушателей!

Ян Ашкеназий – при этом еще и серьезный ученый, и успешный предприниматель, он является лауреатом Государственной премии России в области науки и техники. Именно он в 2003 году был назван Федерацией еврейских общин России «Человеком года». Этого высокого звания Ян удостоен за свою деятельность в области развития еврейской национальной музыкальной культуры.

– Ян Михайлович, откуда такая страстная любовь к песням на идише?

– У нас дома было множество старых патефонных пластинок с такими песнями. Когда у нас собирались гости, то мы все вместе эти песни пели. В наш городок Новоград-Волынский в те давние уже годы охотно приезжали знаменитости, настоящие «звезды» – такие, например, как Анна Гузик, Эмиль Горовец, Нехам Лившицайте и Михаил Александрович.

...На идише со мной говорила бабушка. Поэтому и сейчас, когда слышу «маме лошн», я отлично понимаю, о чем идет речь.

– Наверное, вы именно поэтому и сами полюбили тогда же петь?

– Да, именно тогда, и с увлечением вместе со всеми родными и гостями подпевал – и на идише, и на украинском, и на русском. Так вот и теперь вышло, что я оказался в том же «амплуа». Однако на сей раз, правда, рядом с настоящими, и притом талантливыми, известными артистами, музыкантами! Ведь одну из «Песен еврейского местечка» я даже исполнил на диске с Ефимом Александровым.

– Каким образом возникла идея воплощения такого музыкального проекта?

– У меня была давняя мечта о том, чтобы еврейская музыка зазвучала, что называется, «во весь голос» – в исполнении именно большого симфонического оркестра. Ведь традиционно с еврейскими песнями выступают, как вы знаете, клейзмеры – уличные музыканты. Их всегда не более, чем пальцев на одной руке, редко чуточку больше.

Мы оба – и я, и Ефим Александров – выходцы из небольших городков, как раз из таких, что прежде назывались «еврейскими местечками», о которых и идет речь в нашей программе. И знаете, ведь именно о жизни, любви и горестях их обитателей и сложено большинство наших любимых еврейских песен, «ди идише лидн»...

У нас обоих с Ефимом в памяти отлично сохранился колорит того времени, а поэтому песни и танцы из нашего спектакля нам очень близки! Ведь в этом нашем общем проекте я участвую не только как продюсер, но и как соавтор.

Мне вообще доставляет очень большое, я бы сказал – даже чуть-чуть ностальгическое – удовольствие заниматься нашим национальным еврейским фольклором.

– Чем вы руководствовались при выборе участников и исполнителей?

– Мне хотелось привлечь к участию в воплощении этого проекта действительно самые солидные, лучшие музыкальные силы. А как всем известно, именно Российский государственный симфонический оркестр кинематографии сегодня – один из лучших музыкальных коллективов нашей страны. Обратиться с предложением к оркестру Сергея Скрипки мне посоветовал мой дорогой друг, поистине «гений альта» – народный артист России Юрий Башмет.

Оригинальную аранжировку еврейских мелодий специально сделал для осуществления нашего проекта очень талантливый композитор, заслуженный деятель искусств России Юрий Якушев. Ну а заслуженного артиста России Алексея Гарнизова я давно знаю и как талантливого режиссера-постановщика, и как композитора и поэтому тоже пригласил его в свой проект.

Декорации для спектакля делались в мастерской Олега Яковлевича Тайха, художником выступил Александр Сергеевич Гримм. Менеджером проекта была Элла Омельченко-Аринштейн.

Ну а с «самым главным запевалой» – художественным руководителем и исполнителем песен Ефимом Александровым – мы просто давние друзья.

– Каким же образом, если это не секрет, подбирали песни для вашего проекта?

– Во-первых, в основном мы работали с частными архивами великого артиста Соломона Михоэлса, а также актеров Камерного еврейского театра Марии Котляровой и Александра Герцберга.

Кстати, уместно в нашей беседе напомнить, как я полагаю, малоизвестный факт из биографии моего друга и соавтора. Так вот, ведь именно они, Мария Котлярова и

Александр Герцберг, ныне, к сожалению, покойный, преподавали Ефиму Александрову идиш. Они-то во многом и расширили наше с Ефимом представление об ушедшей культуре наших «еврейских местечек» – штетлов.

– А помните ли вы, как публика впервые принимала организованные вами столь необычные, совершенно непривычные выступления?

– Этот наш проект – с самого начала совсем некоммерческий. Билеты были бесплатными. Стоит ли говорить, что тогда попасть на премьерный спектакль удалось далеко не всем желающим. Поэтому-то нам и пришлось снова снимать зал...

Но успех этих двух спектаклей, помнится, сразу же превзошел все наши – поверьте, поначалу весьма скромные! – ожидания. Нам писали люди из других городов, благодарили, просили продолжать начатое, предлагали ноты...

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о нашумевших зарубежных гастролях. Есть что вспомнить?

– В прошлом году, в апреле, в дни празднования независимости еврейского государства, мы побывали на гастролях в Израиле. Наши выступления предварил своим весьма благожелательным вступительным словом сам мэр Тель-Авива, господин Рон Хульдаи. Все наши спектакли прошли с аншлагом, несмотря на происходившие в Израиле теракты.

Конечно, приятно мало, когда ты поешь на сцене, а на крыше сидит снайпер. Или же когда неистово «фонят» микрофоны – понятно, оттого, что вокруг множество людей в форме охранников, как и почти незаметных в штатском сотрудников службы безопасности работают с рацией, переговорниками, мобильными телефонами.

Но «наш случай» был действительно совершенно исключительный: все ведь знали о том, что мы привезли еврейские песни на нашу историческую родину...

Спектакль с успехом прошел также – страшно сказать! – в двадцати крупнейших городах Соединенных Штатов Америки.

– Какими еще творческими проектами вам пришлось заниматься в последнее время?

– Недавно мне совершенно неожиданно довелось принимать участие в создании одного документального фильма – «И никто не узнает». Режиссер-кинодокументалист Галина Евтушенко предложила сделать фильм о еврейском детском доме, который был создан в 1923 году в Москве, причем создавался этот приют для сирот под патронажем самой Надежды Крупской.

В нашем творческом коллективе работали очень талантливые, известные в мире кино люди, прекрасные специалисты. Сценарий написали замечательные сценаристы – Леонид Гуревич, Яков Костюковский и Лев Рошаль. Музыкальным редактором и исполнителем был маэстро – непревзойденный Левон Оганезов.

Всем нам очень повезло в работе над этим фильмом. Для съемок нам удалось найти пять человек, теперь уже глубоких стариков, которые в те давние годы жили в этом

детском доме. Презентация картины, надо признать, с успехом прошла в Москве, в Доме кино.

...Что сказать о своих планах еще? Стараюсь следить за культурной жизнью, которая, что называется, «кипит» в синагоге в Марьиной роще. Считаю правильным направлением работы нашего общинного дома обилие программ для детей, которые проходят в МЕОЦ. Я тоже с удовольствием туда хожу, посещаю религиозные праздники, хотя прежде этого никогда не делал. Там можно встретить много известных людей и всегда интересно провести время.

– Готовы ли вы поддерживать тех, кто сегодня продолжает возрождать еврейские традиции?

– Я готов поддержать любой проект, который зажжет мое сердце.

Аימיגאעא א. אידי

ИМЯ ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА

*אאעאי צאעע אינזעיאַ +אעא, אעאאדע עיזדין ו עפעדו אדאעיע
ו דאעעע א אעא אאא א א אעע.*

Давид Колотилин руководил «религиозной неформальной группой» и лишь затем стал председателем религиозной еврейской общины.

В течение последних сорока лет на его плечах держалась еврейская жизнь в Волгограде. Когда в городе еще не было постоянно работающего раввина, именно он Давид, ставил хупу тем, кто хотел вступить в брак по еврейскому обряду. Он был также единственным в городе, кто мог прочесть поминальную молитву, молитву о больном, вел службу в синагоге. Его семья в советские времена тайно сохранила два Свитка Торы. Это был человек, чья преданность еврейству не зависела от модных веяний...

Два года назад Давид Колотилин покинул этот мир, но душа его – с нами. А его имя воплотилось в названии Волгоградской синагоги – «Бейс Довид». В канун осенних праздников на стену здания была прикреплена мемориальная доска.

י. עעס א

«ΑΑΕΥΑ ΙΒΟΓΑ» ΕΤΙ ΙΑΙΝΑΟΕΕ ΕΑΒΟΑΙ ΙΑΟΕΓΙ Α

Ἐὶ καὶ Οἰεῖ: εἰ πεῦ

*Ἰδὲ-εὐαῖα ἰεῖν ἰ Νῖουῖ Ἰ εὐοῖεε,
ἰῖοῖεεῖαῖῖῖῖ ἰ ὀαῖαεῖῖῖῖ ἰῖῖ ἰῖῖ «Ἐαῖεῖ ἰ» γὰ 2003
ἰῖῖ Ἰεῖν ἰ ἰῖῖῖῖῖ ἰ:ἰῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰ ἰῖῖῖῖ:ἰῖῖ
ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ «ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖ» Ὀῖεῖῖῖῖῖ Ἐ
Ὀῖεῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ὀ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖ ἰῖῖῖ ἰῖῖῖ
ἰῖῖῖῖῖ ἰ - ἰῖ «ἰῖῖῖῖ», ἰ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰ
ἰῖῖῖῖῖ ἰῖ ὀῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ «Ἐαῖεῖ ἰ»
ἰῖῖῖῖ: «Ἐ ἰῖῖῖ:ἰῖ ἰῖῖ ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ
εῖ:ῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ὀῖῖ, ῖῖ ἰῖ
ἰῖῖῖῖῖῖῖ». ἰῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖ
ὀῖῖῖῖῖῖῖῖ: ἰῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖ ἰ ἰῖ ἰῖῖῖ (ἰῖῖῖῖ,
ἰῖῖῖῖῖῖ, ἰῖῖῖ ἰῖῖ) ἰῖῖῖῖ ὀ ἰῖ ὀῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖ
ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ
ἰῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖ ἰ*

ὀῖῖῖῖ ἰ ἰῖῖῖῖῖῖῖ, ὀῖ ἰ ὀῖῖῖῖ ἰῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖ:ῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖῖ.

Для права на ее получение им бы надо было уцелеть «совсем по-другому», чем это удалось им в реальных обстоятельствах. Спросите – каким же это чудесным образом могло выйти в том кошмаре?

Да вот хоть так – попросту никуда не уезжая из своего родного еврейского села Лекерт Криворожского района Днепропетровской области или скрываться где-то рядом. Притом как минимум до весны 1943 года, что, согласитесь, было совершенно невозможно.

Но при этом, если бы они спаслись, даже получив немецкий Ausweis, то все равно не попадали бы под те требования, которые выставляет Германия для начала выплат. И это было бы им «объяснено»: дескать, они находились на легальном положении и преследованиям не подвергались.

Еще в вашей публикации письма – рассказ о гибели Бабл Пальчик, которая выползла из расстрельной ямы и была сдана полициам хозяевами дома, где проживала.

По этому поводу я хочу пофантазировать. Если бы этой несчастной – несмотря ни на что! – удалось выжить и доживи она до наших дней, то и она бы не смогла рассчитывать на компенсацию. Так как ни в гетто, ни в концлагере не была, к принудительному труду фашистами не привлекалась. Следовательно, и она не подпадает под те требования, которые приняты в Германии, в частности – по Закону от 12.08.2000 года о фонде «Память, ответственность и будущее». Не получила бы и статуса «узник фашизма», так как в положении о его присвоении в соответствии с постановлением Минтруда РФ № 20 от 07. 07. 1999 года ее случай не предусмотрен: там основной параметр – привлечение к принудительному труду.

Фактор геноцида еврейского народа со спецификой Холокоста на территории СССР практически не нашел адекватного отражения в законодательстве по компенсациям лицам, пострадавшим при Холокосте.

Постараюсь объяснить эти свои выводы.

Известно, что в Холокосте сгорело шесть миллионов евреев. Менее известно, что половина из них, около трех миллионов, – евреи СССР. И совсем мало известно – или на этом не делается должный акцент, – что массовое зверское физическое уничтожение евреев СССР началось сразу же после нападения Гитлера.

Еврейство оккупированной Европы хоть и страдало от всевозможных нацистских преследований и провокаций, однако не подвергалось массовому физическому уничтожению – до Ванзейской конференции 20 января 1942 года.

На территории же СССР картина была совершенно иной. Так, к началу того же 1942 года, ко времени открытия Ванзейской конференции, только за первые шесть месяцев войны было уничтожено более миллиона евреев^[1].

После войны на факт нацистского геноцида евреев в СССР был наложен полувековой государственный обет молчания – с полным закрытием архивов. Была «холодная война», в результате чего законы по компенсациям евреям, принятые в Германии, исходили из специфики Холокоста европейского еврейства. То есть из того, что евреи длительное время находились на территории, оккупированной нацистским режимом, использовались на принудительных работах, проживали относительно свободно или в гетто или помещались в концлагеря.

После 20 января 1942 года евреев планоно вывозили в концлагеря для уничтожения. При этом сам факт уничтожения нацистами столь неисчислимых масс людей тщательно скрывался перед всем миром и «обвешивался» декорациями и лжеинформацией.

Минимальное время, проходившее с момента оккупации территорий нацистами до начала физического уничтожения еврейского населения этих территорий в Европе, составляло не менее 18 месяцев. Этот полуторагодовой срок и был указан как необходимый в том самом законе, принятом в Германии несколько десятков лет тому назад.

На территории СССР уничтожение еврейского населения производилось демонстративно цинично, в основном – немедленно после оккупации, да притом еще и с широким использованием добровольных помощников из местного коренного населения, полицаев. При этой поспешности массового истребления если гетто и создавались, то срок их существования до ликвидации (особенно на территории России), за малым исключением, был очень коротким. По авторитетным данным – от нескольких дней или недель до нескольких месяцев^[2].

В основном же уничтожение еврейского населения проводилось без организации гетто. Так, например, по России количество жертв в гетто составляет всего 15 % от общего количества жертв^[3].

То есть вне гетто по России было уничтожено 85 % всех евреев, оказавшихся на данной оккупированной территории. Удалось спастись – как в гетто, так и вне его – буквально считанным единицам.

Аналогичная картина и по другим республикам, правда – за исключением Юго-Западного региона, находившегося в оккупации под румынским контролем. Там в гетто выжило подавляющее большинство из всех каким-либо образом уцелевших на оккупированной территории евреев...

Отметим – именно в этом «географическом неравенстве» в основном и состоит большая разница в порядке осуществления законного права на получение компенсаций от Германии уцелевшим жертвам нацизма.

Первый является официально признанным «узником фашизма», со всеми последствиями, вытекающими из этого статуса. А именно – он признается органами социальной защиты и имеет льготы; получает компенсацию от Германии через фонд «Взаимопонимание и примирение», а также компенсацию за принудительный труд из фонда 1,25 млрд. долларов от швейцарских банков; и если он к тому же находился в гетто 18 месяцев, то и денежное пособие от Германии.

Второму по всем этим вопросам, попросту говоря, можно не беспокоиться. Притом – вне зависимости от того, приходилось ли ему выбираться из расстрельных ям, спасаться, подыхая от голода в скитаниях, опасаясь попасться кому-либо на глаза, и какие страдания при этом пришлось преодолеть, чтобы спастись. Исключение составят лишь те евреи, которым удалось уцелеть на оккупированной территории более полутора лет. Обязательно – на нелегальном положении и поистине в нечеловеческих условиях. На них в этом случае будут также распространяться упомянутые выше законодательные акты о выплате пособий от Германии.

Наверное, может возникнуть множество вопросов по частностям. И главный из них – о том, что уцелевших вне гетто евреев «полным полно», ведь в оккупации было чуть ли не «полстраны»!

Тут тоже необходимо кое-что пояснить, причем, как говорится, с цифрами в руках. Увы, и сами оккупанты-нацисты, и их подручные, добровольные помощники поработали «качественно». Евреев, уцелевших на оккупированных территориях, судя по результатам официальной государственной регистрации, проведенной в Российской Федерации, оказалось... вдвое меньше даже того количества евреев, которые уцелели в нацистских концлагерях и гетто. Таким образом, выясняется, что евреев, уцелевших на оккупированных территориях вне гетто и концлагерей, остается на сегодня – всего ничего.

Для убедительности – обратимся к иным сравнительным данным. Если сосчитать общее количество узников фашизма в Российской Федерации – как евреев, так и неевреев – по числу заявлений, поданных в фонд «Взаимопонимание и примирение», то оно равно приблизительно 560 тысячам. Тогда как количество заявлений, поданных туда же от евреев – узников гетто и концлагерей, составляет приблизительно 1500.

Вот и выходит, что от таких уцелевших жертв нацизма заявлений-то о выплате компенсаций – мизер, то есть всего 0,2 %. И следовательно, евреев, уцелевших вне гетто и концлагерей на оккупированных территориях, – всего-то 0,1 % от общего количества узников фашизма по Российской Федерации...

Уместно, наверное, здесь попутно заметить следующее. Несмотря на то что еврейство СССР понесло приблизительно 50 % всех людских потерь (повторю – около трех миллионов жертв), компенсация, полученная от Германии евреями СССР, несоизмеримо меньше, чем где бы то ни было в мире. Так, компенсация, полученная евреями России, по сравнению с компенсацией, полученной евреями западных стран, составляет всего 0,045 %. Эти данные приведены в массовых и популярных газетах: в «Известиях» от 23.03.1999 года и в «Вечерней Москве» от 31.03.2000 года.

И опять – о главном. Может статься, не место здесь скрупулезно анализировать и выискивать истинные и скрытые причины этого «неравенства в правах». И все-таки: почему так получилось, что целая категория лиц – евреи, чудом уцелевшие на оккупированных территориях вне гетто, – не нашла адекватного отражения ни в каких положениях и законах? Может статься, еще не поздно это исправить. И незамедлительно – ведь уходит наше время...

Надеюсь на то, что еврейские организации России, имеющие отношение к Холокосту, найдут в себе силы и мужество для решения поднятых здесь трех главных вопросов. А именно:

Первое. Поскольку по нацистским законам каждый еврей – вне зависимости от пола, возраста, вероисповедания, культурного и социального положения – подлежал уничтожению, то и ответственность за это должна быть официально признана. И в первую очередь персонально перед теми, кому, несмотря ни на что, удалось уцелеть на захваченных нацистами землях – и эти спасшиеся до настоящего времени живы. При этом ответственность перед такими пострадавшими людьми не должна оговариваться дополнительными необоснованными условиями и сроками.

Второе. Минимальный срок нахождения на оккупированной территории, установленный по специфике Холокоста в Европе (вне СССР) в 18 месяцев, полностью не соответствует тому, как проходил Холокост на территории СССР. И посему срок этот непременно должен быть отменен или в крайнем случае изменен.

Третье. Излишне напоминать о том, что на территории СССР нацистами проводился тотальный геноцид еврейского мирного населения. Поэтому, наверное, вполне правомочно следующее утверждение: любой еврей, выживший на территории, оккупированной фашистскими войсками, является узником фашизма. И это должно быть отражено официально на государственном уровне – непосредственно в положении о присвоении указанного статуса.

В заключение следует подчеркнуть, что все эти вопросы требуют действительно срочного решения, так как через несколько лет они отпадут сами собой. Ибо получать компенсацию уже будет некому.

P.S. Ó ìðí:òðááððëõ äññ çòí ì ãåðò äíçéëíóóí äííðñ è äáðíððí ìòéóää ó ì äíý òáéáý ññááñí éáñíñòóí á äíçáçáñíé ìðñáéáí á è ÷áí äíçááñí ñòíéó ìáññòðáñíñá ÷áññòáñ ìáññ ðáááñééáññòé?

×òí æá ìíýññþ. B - «ñññòðá ìí ìáñ:áñðóþ» Ñíòíé Ì éðñíóéé. Ðáçíéóá, ìááññíñá, ðíéíéñ ééðóí á ðíí, ÷òí ý - éç ááðáéñéñá ñéá çáííððáññé ìáéáñðé è ÷òí ððñáééé ì ñ (ý è ì áðóí) ìò ìáññòááððëõ ðáðéñíðñá ñéðñááýññí. È á ðíí, ÷òí ìíñáéé á ìéðáñíðñòé Ñòáééñáðááá æéá ìñá ìáí ðáí è. È ÷òí ÷áñí ññáñðéññí çáéñíñí ìá ìáñíé - ý áñéá ðáááñ éñí.

Ìí äññ ÷òí ìéóáð á «Èáááéíá» Ñíòíý Ì éðñíóéé ì ááçñéñáñí ìáññíðéí ñí ìðááñ ìáí áéñáñ ÷éñá æáððá ìáðéçí á ìá ìñéó:áñéá äñ ñéð ìñð ðáé è ìááñíéá:áñíóó èñ éñí ìáññòéé ìò Ááñí áñéé, - èñðéññáý ìðáááá. È äññ çòí ìñéñíðóþ ìòíñéóñý ðáéæéá è éñ ì ìá

^[1] È.À. Áéñíðí äñ, Á.Á. Ááðááð, Á.È. Ìñéðñáé. Èñòíðéý Õñéñéññòá ìá ðáððéðíðéé ÑÑÑÐ Ì., 2001. Ñ. 43

^[2] Õáñ æá ñ 43

^[3] Õáñ æá ñ 463

ИСКУССТВА НЕ НАРУШИЛ

Аאי אאעעו נאדי לא

Когда Борис Слуцкий задал мне свой провокационный вопрос: кто правильнее прожил свою жизнь, Эренбург или Паустовский, и я сказал: «Конечно, Паустовский!», тем коротким ответом на эту мою реплику, который я приводил раньше, он не ограничился. Помолчав, он прочел мне новое, судя по всему, только что им написанное стихотворение. (Может быть, весь тот затеянный им разговор был для него только поводом для того, чтобы прочесть эти стихи.)

В первый раз ссылаясь на тот наш обмен репликами, я не стал ни вспоминать эти стихи, ни, тем более, их цитировать: там мне это было ни к чему.

А сейчас процитирую:

Ауеі і іла ааеіное е ала-е.

Юі іа ілаі еі ао, іа дааааео.

Нео-іі ааао аа Ееіе Адеаоіе-а.

Оеіі ааао.

Іаіау-іі даіаоі аеііі ііііііі:

аааеа, аааеа

Юі аі ііііеі, а ііііі ііііііі

аіаааііі оеііі е ііііі

Еае іаііа, даааііі еі оаеіііі оеі.

Ноадеіе, еае і ііііііі

аіііііііі і-аааіі іа Ааііііі

І еі і аіііа оеіі ііііііііі.

Юо ііііііі, юе ааііі

аіііііі, еііі-іі, іі а-ііііі.

Оі аіііііі, аііі ііііііііі

Оо ііііііі ііііііі, аіііііі.

Юе еіііііі ііііііі ііііііі

ііііііі е ііііііііііі,

ііі ііііііі е аіііііііі ііііііііі

ÁřðēñÑēōōēēē.

Было это в один из наших приездов на казенной литгазетской машине к нему на дачу, в Новый Иерусалим. В ту пору ездили мы к нему всегда вдвоем, в одном и том же составе: я и Лазарь Лазарев.

И вот сидим мы с Лазарем на террасе эренбургской дачи. Гостеприимный хозяин, как обычно, угощает нас французским коньяком. Я, как обычно, только пригубливаю (французский коньяк не шибко меня занимает), а Лазарь глядит на меня волком, потому что из-за того, что моя рюмка полна, ему тоже не подливают.

Не помню, зачем мы тогда приехали к Эренбургу и о чем говорили. Но то, что произошло в разгаре этой беседы, запомнилось мне хорошо.

Вдруг на террасе появился кто-то из домашних Ильи Григорьевича и тихо шепнул ему что-то на ухо. Он встал, извинился перед нами и вышел. За стеклами террасы я увидел группу каких-то странных людей: черноусых, низкорослых, худо одетых. Собственно, ничего такого уж особенно странного в них не было. Станным было их появление здесь, на этой даче. Как-то не сочетался весь их облик с Эренбургом, с его трубкой, с этой террасой, с французским коньяком. Сочетался разве что с цветочными грядками и клумбами, окружавшими террасу: я знал, что Эренбург был страстным цветоводом. «Может быть, садовники?» – мелькнула мысль. Нет, и на садовников они были не похожи.

Эренбург увел этих странных гостей куда-то в глубь дома.

Ждать нам его пришлось довольно долго. Во всяком случае, французского коньяка в бутылке за время его отсутствия сильно поубавилось. (Воспользовавшись тем, что мы остались одни, Лазарь не только успел попенять мне на мое нетоварищеское поведение, но и слегка наверстать упущенное.)

Наконец Илья Григорьевич вернулся, уселся на свое место и рассказал нам такую историю.

Странные люди, посетившие его, были таты. Таты – это такая народность. Живут они на Кавказе. Этническое их происхождение туманно. Говорят на своем, татском языке, близком к персидскому.

У нас, на Кавказе, их очень мало: всего-навсего 20 – 25 тысяч. Исповедуют они по преимуществу ислам в шиитском его варианте. Но есть среди них и христиане – монофиситы. И есть какая-то горстка иудеев, то есть исповедующих иудаизм.

Эти, с которыми он сейчас беседовал, как раз и были иудеями. А явились они к нему по такому поводу. Там у них в местной – районной, кажется, – газете появилась заметка, ответ на вопрос читателя: правда ли, что иудеи на свою еврейскую пасху употребляют с мацой кровь христианских младенцев. Ну, вы ведь сами газетчики, – сказал он, – хорошо знаете, как фабрикуются такие читательские письма.

– Но ведь не может быть, – вытаращили мы глаза, – чтобы они в этой своей газете ответили на такой вопрос положительно?

Нет, так прямо ответить на такой вопрос они все-таки не посмели. Ответили уклончиво. Да, действительно был, дескать, в древние времена у евреев такой обычай. Но в нашей советской действительности это, конечно, мало вероятно. Тем более, что все сознательные советские граждане давно уже распрощались со всеми своими религиозными предрассудками. В том числе, разумеется, и с этим.

Этот ответ вызвал, конечно, у верующих (да, наверно, и не только верующих) татов сильное негодование. Самые грамотные из них написали в газету возмущенное письмо: нет, дескать, не только при советской власти не употребляем кровь с мацой, но и раньше никогда не употребляли. Даже в самой далекой древности не было у нас такого зверского обычая.

Газета (не помню сейчас, какая: кажется, дело было в Дербенте) этого письма, разумеется, не напечатала.

Тогда они потребовали, чтобы в газете появилось хотя бы совсем краткое – в несколько строк – опровержение: в таком-то ответе на такой-то вопрос читателя была, мол, допущена ошибка.

Но газета даже и такое короткое опровержение печатать отказалась. И тогда таты иудейского вероисповедания отправили в Москву вот эту свою депутацию, добиваться правды.

Первым делом депутаты, конечно, явились в ЦК. Добились приема у какого-то мелкого функционера: инструктора, наверно. Тот выслушал их и заверил, что всё будет в

порядке, ошибка безусловно будет исправлена: они могут спокойно возвращаться домой, пребывая в полной уверенности, что поручение, данное им единоверцами, они выполнили.

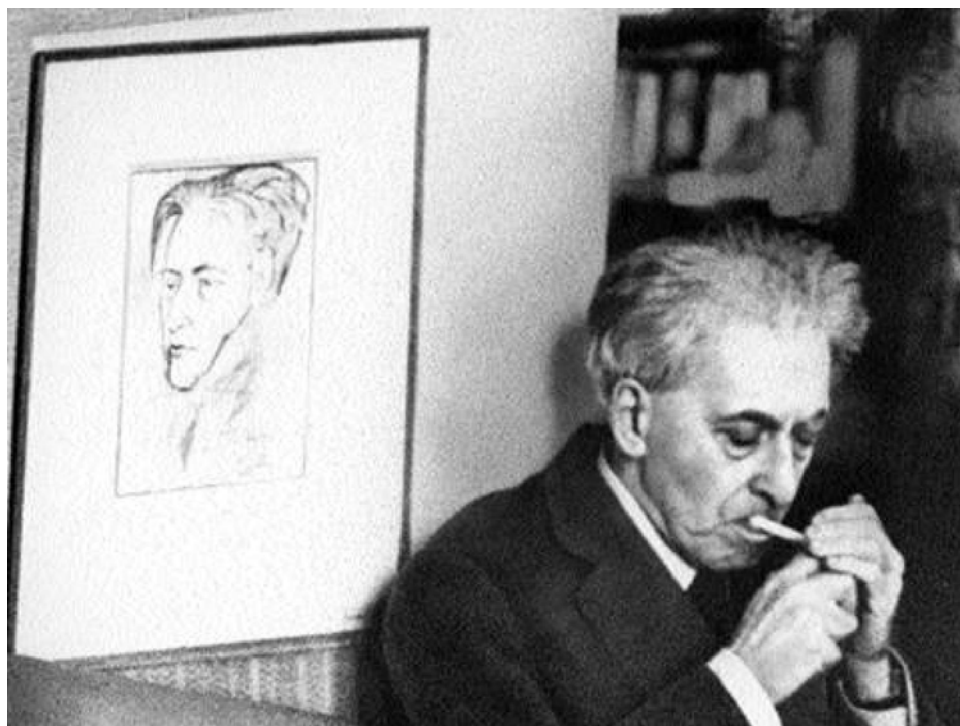
Будь эти таты людьми более цивилизованными, они, наверное, так бы и поступили. Но то ли их восточный менталитет сыграл тут свою роль, то ли их советский опыт помешал им поверить в сладкие обещания цекистского чиновника, а только этим его советом они пренебрегли.

Дальнейшие их действия, о которых рассказал нам Илья Григорьевич, напомнили мне поведение индусов из романа Уилки Коллинза «Лунный камень». Они – как призраки – появлялись перед зданием ЦК, постоянным своим присутствием давая понять тому партийному функционеру, что не уедут из Москвы до тех пор, пока им не покажут их районную – или какую-нибудь другую, более высокого ранга – газету, в которой черным по белому будет напечатано, что никогда – ни теперь, ни до революции, ни в самые древние времена их единоверцы не употребляли с мацой кровь христианских младенцев.

В конце концов взбешенный инструктор ЦК уже в более резких тонах порекомендовал им возвращаться в свой Дербент и даже чуть ли не пообещал отправить их домой с милицией, поскольку так долго жить в Москве без прописки не полагается.

И вот тогда-то они и пришли к Эренбургу.

Я не знаю, как и чем закончилась эта история. Помню только, что, завершив свой рассказ, Илья Григорьевич недовольно пробурчал что-то насчет того, какими только делами не приходится ему заниматься. Но при всем при том нам было совершенно ясно, что дело этих татов теперь в надежных руках. Раз уж он согласился взять эту их игру на себя (а он безусловно согласился), можно было не сомневаться, что так или иначе, но он своего добьется: древний грязный навет с маленького народа будет снят.

Ἐπιτῆ Ὑδαί ἀόδα «Ἀῆ ἰ ἀδός ἀε. Ἐπείτιπὸ ἀὰ ἰ ἰ ἀδός».

Лет, наверное, пятнадцать, а то и двадцать спустя мы с моим другом Валей Петрухиным и с нашими женами пересекли на Валином «Жигуленке» весь Кавказ. Побывали, конечно, и в Дагестане. В Махач-Кале нас встретил мой коллега – дагестанский (кумыкский) писатель Магомет-Султан Яхьяев, книгу которого я в свое время перевел на язык родных осин – не с кумыкского, конечно, а с подстрочника. На все время нашего пребывания в Дагестане Магомет-Султан стал нашим гидом и, надо сказать, очень помог нам хоть немного сориентироваться в этом пестром, многоцветном уголке вселенной. Хотя по-настоящему сориентироваться нам там, конечно, не удалось: это было просто физически невозможно.

Вот идем мы с Магометом-Султаном по какой-нибудь Махачкалинской улочке, и Магомет-Султан говорит:

– Обратите внимание, вот идет даргинец.

Мы пялимся на даргинца, пытаюсь понять, чем он отличается от нашего Магомета-Султана. Спустя несколько шагов Магомет-Султан сталкивается и знакомит нас со своим приятелем, который оказывается аварцем. Потом появляется еще какой-то его знакомый – лезгин. И все они кажутся нам на одно лицо. А Магомету-Султану стоит кинуть лишь беглый взгляд на очередного прохожего, чтобы сразу определить, к какому из сорока народов, населяющих Дагестан, тот принадлежит.

Шли мы однажды вшестером – мы с Валей, наши жены и Магомет-Султан со своей женой Умой – и забрели в какой-то подвальчик, где продавались разнообразные меховые изделия. Наши жены решили купить себе по бараньей шапке – что-то вроде папахи.

Валина жена Оля выбрала себе папаху по вкусу, спросила, сколько она стоит. Цена оказалась сходная, всего-навсего четвертак – 25 рублей.

Пришел черед моей жене выбирать себе папаху. Выбрала, приценилась. Хозяин подвальчика – черноусый смуглый дагестанец, то ли кумык, то ли лезгин, то ли аварец, то ли даргинец – поди пойми, кто он такой! – назвал цену: тридцать пять рублей.

– А почему та стоила двадцать пять рублей, – удивилась моя жена, – а эта тридцать пять?

– Потому что йета – йета, а йета – йета, – ответил дагестанец.

Ответ был не слишком вразумительный, но папаху жене понравилась, и я безропотно выложил за нее тридцать пять целковых, после чего мы все дружно выкатились из подвальчика на улицу.

– Я все-таки не поняла, – сказала моя жена. – А кто-нибудь из вас понял, почему моя шапка стоила на десять рублей дороже?

– Он же тебе объяснил, этот еврей, – сказал Магомет-Султан.

Тут уже пришел черед удивиться мне.

– Постой! – сказал я. – Какой еврей?

– Ну, этот, у которого мы были. Хозяин этой лавки.

Забыв о разнице цен на бараньи шапки, мы переключились на эту тему. Спрашивать, каким образом Магомет-Султан узнал в хозяине меховой лавки еврея, было бесполезно: узнал – и все. Так же, как узнавал в даргинце даргинца, в аварце аварца, а в лезгине – лезгина. Но о горских евреях они с Умой нам кое-что все-таки рассказали.

Я, правда, так и не понял: горские евреи и таты – это один народ или все-таки разные? Получалось, что скорее разные. Но что было совершенно несомненно для наших дагестанских друзей, так это то, что у меня с этими горскими евреями нет ничего общего кроме названия. Нас – меня и моих соплеменников – Магомет-Султан и Ума называли «европейские евреи» и почитали совсем другой нацией.

Так ничего толком и не поняв, я решил: ладно, приеду в Москву – разберусь. Но, приехав в Москву, начисто забыл про это свое намерение, как, впрочем, и про самое существование каких-то неведомых мне горских евреев.

Вспомнил только, что несколькими годами раньше я уже задавался этим вопросом. Было это году в 72-м или в 73-м. Мы провожали в аэропорту «Шереметьево» кого-то из наших друзей – то ли Воронелей, то ли Манделя. Проводы были тяжелые, мы не сомневались, что никогда в жизни больше не увидимся. Поэтому после того как отъезжавшие прошли уже все паспортные и таможенные процедуры и скрылись из наших глаз, мы стояли и ждали, когда они появятся наверху, за стеклом, чтобы в последний раз махнуть им рукой. А там, за тем стеклом, стояла, тоже, видать, отъезжающая на свою историческую родину, большая семья вот этих самых горских евреев. Черноусые мужчины в кепках-аэродромах, женщины в платочках и дети – мал-мала меньше.

– Ну что? – глядя на них, сказал я жене, все эти годы упрямо уговаривавшей меня признать себя евреем и присоединиться к уезжающим в Израиль. – Ты в самом деле считаешь, что у меня с этими людьми есть что-то общее?

И даже моя упрямая жена вынуждена была признать, что да, действительно, найти что-нибудь общее у меня с этими людьми – трудновато.

Я не думаю, конечно, чтобы Эренбург чувствовал, что у него есть что-то общее с теми татами, делом которых он считал себя обязанным заняться. Может быть даже, он не счел для себя возможным отказаться от этого дела не как еврей, а как русский интеллигент. Как Короленко, защищавший от обвинений в ритуальном убийстве и еврея Бейлиса, и крестьян-вотяков.

Может, оно и так. Но ОНИ-ТО – эти самые таты – не случайно пришли именно к нему. Пришли именно как к «еврейскому печальнику». И он не отмахнулся от этой своей миссии, от этой своей роли. (В отличие от Б.Л. Пастернака, который не то что с татами, но и с «европейскими евреями» не хотел иметь ничего общего.)

Уже одно это начисто снимает с Эренбурга обвинение в беспринципности и сервизме. А между тем была по крайней еще одна область, где он ни разу не изменил себе.

У Бунина есть маленький рассказ о Бернаре, старом французском моряке, спутнике Мопассана. Перед смертью Бернар сказал: «Думаю, что я был хороший моряк».

Слова эти, как видно, поразили Бунина. Во всяком случае, весь рассказ — именно об этих словах. Бунин несколько раз возвращается к ним и в самом конце рассказа, уже в третий раз повторив их, размышляет:

«Что хотел он выразить этими словами? Радость сознания, что он, живя на земле, приносил пользу ближнему, будучи хорошим моряком? Нет: то, что Б-г каждому из нас дает вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы этого не знаем. Но мы должны знать, что все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое Б-жье намерение, направленное к тому, чтобы все в этом мире «было хорошо», и что усердное исполнение этого Б-жьего намерения есть всегда наша заслуга перед ним, а посему и радость, гордость».

Ἐὰν Ἀσὶεὶ: «Ἰ ἰὰ ἐὰεὶ ὀϊῖ, ÷ ὀ ῖ, ἐὰε ὀῖῖ ἄε ἰ ἐε, çàñῖ ὀεε ἰ ὀῖῖ ἢ ἐὰç ὀ ῖ ἢ ἄἰ ἰ ἄ: ὀ ῖ ἢ ἢ ἢ ἢ ἢ ὀ ῖ ὀ, ÷ ὀ ῖ ἢ ἐὰç ἄε, ὀ ῖ ἐ ὀῖ, Ἀἰ ῖ ἄ ὀ».

Казалось бы, что общего могло быть у старого грешника, «циника и нигилиста» Эренбурга с этим французским моряком. Да и с Буниным, завершившим этот свой

маленький рассказ выражением надежды, что и он, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар.

Однако и ему перед смертью тоже захотелось выразить нечто похожее на то, что чувствовал, умирая, Бунин. И он нашел для этого чувства в своей душе некую точку опоры.

*Áááí î òí áúéí. Ñí òóíí îíî íþ éáòí,
Èáí áéíá áúíí òóéò áðí áéáóéé ñé
È ááðòá à ñ ááàþ ùéé éóíé -
Ðáçí áðáí í á í ÿíí òéí òí ðáò òí.
Ñ éíá ñ áááé? Í á í î í þ ÿ íþ áéáò á
Áááí á é ðé áá, éáé ñáíò í é áíó ò ðááí á
È áíó ñò ðáíò áé, ááéýéíý í í ó í á
В áñ çááúé, í í í á çááúó ÿòí.
Èíéóííò áí ò áí é áéáí í á áéá -
Í áí í ÿòí, ñò éóíá í á í ñò ðí éá
Í áí ÿþò áéçí ú í áíò ðáé ááþò áóóá
Í í é í é: ò í áé í ú - á ÿòí ò áé ðáéáò,
È í áí ðáé í áé í ú - èí é ñáíò èò ñáíò.
Áñ í áðó áé. Èíéóííò áí í á í áðó ó
Ýòí í ðáááà Í á í áðó éé.*

Во втором томе эренбургских мемуаров я прочел его рассказ о том, как в июле 41-го, в Переделкине, в чьей-то пустующей даче, под вой немецких самолетов и грохот зениток вдвоем с Борисом Лапиным, мужем Ирины, он читал русский перевод романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». Наутро Лапин должен был уехать под Киев, откуда не вернулся. И они читали всю ночь напролет, передавая друг другу прочитанную страницу машинописи.

Прочитав это, я вдруг вспомнил, что нечто похожее было и в моей жизни.

Это было незадолго до моего ухода из «Пионера» в «Литгазету», стало быть, – в 59-м.

Среди множества никому не известных, как правило, начинающих авторов заглянул ко мне однажды симпатичный толстый увалень, лет, как мне показалось,

двадцати. (На самом деле ему было больше: он сообщил, что только что окончил институт востоковедения.) Держался он как профессионал. Рассказал, что написал большой роман, который будет печататься в таком-то издательстве. (Кажется, даже показал верстку.) Делился новыми своими литературными планами. (Закончив один роман, он тут же засел за другой.)

Пока он плел мне все это, я читал принесенный им коротенький рассказик и тоскливо думал: «Б-г ты мой! Какой роман! Да ведь он двух слов связать не умеет». Как говорил в таких случаях мой друг Поженян, – ни складу, ни ладу, поцелуй кошку в трамвае.

В общем, никаких литературных перспектив для этого милого парня я в том, прочитанном мною его рассказе, не углядел. (Забегая слегка вперед, должен признать, что ошибся: это был будущий Юлиан Семенов.)

Он легко и свободно болтал о своих литературных симпатиях и вкусах, сыпал именами знаменитых западных писателей. Мелькали там и Олдингтон, и Хаксли, и Скотт Фицджеральд, и Дос Пасос. Несколько раз промелькнуло, конечно, и имя папы-Хэма.

Слушал я все это в пол-уха. Но вдруг сделал стойку.

– Я только что прочел «По ком звонит колокол», – небрежно сказал он.

Я задрожал. О романе этом я только слышал (от друзей, читавших его по-английски). О том, что уже существует русский его перевод, я, кажется, даже не подозревал. А он вроде сказал, что прочел его по-русски.

В общем, слово за слово, выяснилось, что у него есть машинопись русского перевода этого романа, и он – ну конечно, что за вопрос! – может дать мне его почитать. К сожалению, не надолго. На неделю? О'кей, на неделю. Но это – максимальный срок.

К этому нашему разговору с интересом прислушивалась моя коллега Джана Манучарова, и когда будущий Юлиан Семенов нас покинул, мы с ней быстро договорились, что если всё это не окажется пустым трёпом, читать «По ком звонит колокол» мы с ней будем, конечно, вместе.

Будущий Юлиан Семенов трепачом не был. На другой же день он принес нам толстенную папку с хемингуэвским романом, и, оставшись после работы в редакции, мы с Джаной приступили к чтению. Точь-в-точь, как Эренбург с Лапиным: передавая друг другу очередную прочитанную страницу.

Но очень скоро выяснилось, что так у нас дело не пойдет. Джану дома ждали муж и любимый пёс: скотч-терьер Томка. Меня – ревновавшая меня к Джане (как, впрочем, ко всей женской половине человечества) жена.

И тут остроумная Джана нашла гениальный выход. Давай, сказала она, скинемся и отдадим рукопись машинистке. За неделю она его нам перестукает. Нет? Ну, значит, надо найти двух машинисток.

Так мы и сделали. Машинистка (или машинистки) сделали четыре закладки, и сумма расходов, таким образом, была разложена на четверых: я приобщил к нашей

авантюре моего друга Володю Корнилова (он тоже тогда бредил Хемингуэем), четвертого компаньона нашла Джана.

Вот так вышло, что я стал счастливым обладателем собственной рукописи не напечатанного у нас знаменитого хемингуэевского романа.

Под впечатлением некоторого сходства этого сюжета с эренбургским я рассказал всю эту историю Илье Григорьевичу. Поводом, а также движущей силой этого моего рассказа был тот замечательный факт, что вот, оказывается, уже в сорок первом этот роман был переведен на язык наших родных осин, а читать его и сегодня, даже тем, кому это посчастливилось, приходится, как и двадцать лет назад, тем же способом: передавая из рук в руки каждую прочитанную страничку.

Рассказывал я ему все это и вдруг – осекся.

Заминка эта и даже некоторая неловкость, вдруг смявшая мою пылкую речь, была вызвана тем, что в памяти моей вдруг вспыхнула сцена из этого, недавно прочитанного мною хемингуэевского романа, одним из персонажей которой был не кто иной, как он сам – тот, кому я сейчас изливаю свои восторги. И изображен он был в этой сцене – стараюсь выбрать самые мягкие выражения – в высшей степени нелицеприятно:

«– Карков, – окликнул его человек среднего роста, у которого было серое, обрюзглое лицо, мешки под глазами и отвисшая нижняя губа, а голос такой, как будто он хронически страдал несварением желудка. – Слыхали приятную новость?»

Карков подошел к нему, и он сказал:

– Я только что узнал об этом. Минут десять, не больше. Сегодня под Сеговией фашисты целый день дрались со своими же. Им пришлось пулеметным и ружейным огнем усмирять восставших. Днем они бомбили свои же части с самолетов.

– Это верно? – спросил Карков.

– Абсолютно верно, – сказал человек, у которого были мешки под глазами. – Сама Долорес сообщила эту новость. Она только что была здесь, такая ликующая и счастливая... Она словно вся светилась от этой новости. Звук ее голоса убеждал в истине того, о чем она говорила. Я напишу об этом для “Известий”. Для меня это была одна из величайших минут этой войны, минута, когда я слушал вдохновенный голос, в котором, казалось, сострадание и глубокая правда сливаются воедино. Она вся светится правдой и добротой, как подлинная народная святая. Недаром ее зовут la Pasionaria.

– Запишите это, – сказал Карков. – Не говорите все это мне. Не тратьте на меня целые абзацы. Идите сейчас же и пишите...

Его собеседник постоял еще несколько минут на месте, держа стакан водки в руках, весь поглощенный красотой того, что видели его глаза, под которыми набрякли такие тяжелые мешки; потом он вышел из комнаты и пошел к себе».

1937 ăă Ÿđăí áóđăē Őăì eí äŸŸé â îîăæääí îî Î äăđēää

Сейчас, когда я переписывал эту коротенькую сценку из книги, изданной в 1982 году, мне показалось, что в том, рукописном варианте, который я читал в 1959-м, Эренбург (а в том, что это именно он, не может быть никаких сомнений) был изображен еще нелицеприятнее.

Но даже если это у меня явление так называемой ложной памяти, даже если этот портрет Эренбурга и не был слегка причесан и приглажен позднейшей редактурой, нельзя не признать, что и в этом, печатном варианте выглядит Илья Григорьевич не самым лучшим образом. И дело, конечно, не в тяжелых мешках под глазами, и не в голосе его – таком, словно он хронически страдал несварением желудка.

Гораздо обиднее тут то, что рассказанная им новость, по всей видимости, – полная лабуда. Во всяком случае, на фоне тех жестоких и страшных событий, которые

читатель романа перед этим уже пережил вместе с его героями, она не может глядеться иначе как лабуда, способная ввести в заблуждение разве что читателей «Известий», для которых он напишет свою статью. А он, верящий в эту лабуду и вдохновляющийся ею, выглядит – и это в лучшем случае – прекраснотупым мудаком. Что, кстати сказать, подчеркивается иронической репликой Каркова (Кольцова): «Запишите это... Не тратьте на меня целые абзацы».

В общем, у меня были все основания предполагать, что Эренбург наверняка обиделся на Хемингуэя за этот явно карикатурный и даже издевательский его портрет. Не мог не обидеться! Да и то сказать: тут было, на что обижаться.

1939 āā Ōāi ēī āāē āī āāāi ŷ āāāīōū īāā ōīī āīīī «Ī ī ēīī çāīēō ēīēīēīē».

Смяв свой восторженный монолог, я не сомневался, что увижу на его лице хотя бы мимолетный след этой давней обиды. Но ничего такого я на нем не увидел. А увидел только растроганность и нежность, вызванную то ли воспоминанием о том, как они вдвоем с Лапиным читали под грохот зениток тот хемингуэевский роман, то ли еще какими-то другими, может быть, еще более ранними воспоминаниями. И в голосе его, когда он произнес несколько слов о Хемингуэе (он называл его «Хемингвей», может быть, даже «Гемингвей» – ударяя на первый слог и произнося английское «дабл-ю», как русское «в»), слышалась только влюбленность.

Я, конечно, не рискну утверждать, что его художественные склонности, привязанности и вкусы оставались неизменными. Но неизменной оставалась его верность этим своим привязанностям. И привязанность к тем, к кому он был привязан, любовь к тем, кого любил, всегда была для него выше личных обид и меняющихся личных отношений. (Так было не только с Хемингуэем, но и с Цветаевой, и с Пастернаком, и с Гроссманом – со многими.)

Ну а уж что касается предписаний высокого начальства, то они и вовсе не могли заставить его изменить этим своим привязанностям и любовям.

Тут я мог бы припомнить множество фактов, случаев, ситуаций, подтверждающих истинность этого моего утверждения (для многих, наверно, сомнительного). Достаточно красноречив уже упоминавшийся мною эпизод на знаменитой выставке в Манеже, где Эренбург вступился за своего любимого художника, пытаясь защитить его от яростной атаки взбешенного Хрущева (это его бешенство было хорошо подготовлено и организовано соратниками) на «обнаженную Фульку». (Так не шибко грамотный Никита Сергеевич именовал в своей речи «Обнаженную» Фалька.) О том, чем это ему грозило и чем для него кончилось, я тоже уже упоминал.

Вряд ли стоит вспоминать здесь другие зуботычины, в разное время получаемые им от начальства за верность своим художественным склонностям и вкусам. Но об одной такой зуботычине – довольно, впрочем, мелкой, так сказать, рядовой, ординарной (тем-то она как раз и хороша!) – не могу не рассказать.

На днях я купил только что вышедшую замечательную книгу: «Культура и власть от Сталина до Горбачева. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 – 1957. Документы». По привычке заглянул сперва в именной указатель и увидел, что имя Эренбурга по количеству упоминаний занимает там одно из первых мест. Наугад раскрыл одну из отведенных ему страниц, и вот что я там прочел.

«Çai èñèà îò äääà èèèèò òòî ÖÊ ÊÏ ÑÑ

ññ ããàñèàì ññèðàò àðàé ÖÊ ÊÏ ÑÑ

î î àññàî àñòèè ññèè àçæÿàî à È.À. Ýðàí àóðàà

ñèääîèîñèé è îîèèèèèèé ÊÏ ÑÑ

â îáèàñòè èèèòàòòòòî è èñèèññò àì

Как следует из поступившей в ЦК КПСС записки советского посольства в Будапеште, Эренбург допустил высказывания... Отвечая, например, на вопрос о соотношении идейного руководства и свободой творчества, Эренбург заявил, что он больше всего на свете не любит красного и синего карандаша редактора... Эренбург с иронией говорил о так называемом “социальном заказе”, претензиях рабочих к писателю создавать о них книги, утрированно и пренебрежительно характеризовал советский производственный роман. В высказываниях Эренбурга сквозило нигилистическое отношение ко всему опыту развития советской литературы...

В мае 1954 года И. Эренбург выступал по вопросам литературы в Национальном Комитете писателей Франции в Париже. Там он тоже утрированно характеризовал советские романы на производственную тему (в Будапеште Эренбург повторил и еще более едко заострил свои суждения), нигилистически отзывался о советской критике и литературе...

Эренбург не скрывает свою приверженность к современному буржуазному декадентскому и формалистическому искусству. Будучи членом редколлегии журнала “Иностранная литература”... Эренбург выражал безграничные восторги по поводу натуралистической и бескрылой повести Хемингуэя “Старик и море”... Как настоящих

писателей Эренбург рекомендовал Фолкнера, творчество которого крайне формалистично и мрачно, Мориака, реакционного католического писателя Франции. О многих же произведениях прогрессивной литературы и широко известных у нас передовых писателях говорил скептически, пренебрежительно. О реалистических, идейно острых романах Андре Стиля Эренбург отзывается, подобно буржуазным эстетам, как о “страшном явлении” в литературе; пьесу Роже Вайяна “Полковник Фостер признает себя виновным”, разоблачающую американскую агрессию в Корее, назвал бездарной и гнусной; романы и повести писателей стран народной демократии Эренбург сплошь считает плохими...

Полагали бы целесообразным пригласить т. Эренбурга в ЦК КПСС и обратить его внимание на непозволительность высказывания им в беседах с зарубежными деятелями литературы и искусства взглядов, несовместимых с нашей идеологией и политикой партии в области литературы и искусства».

Я легко могу себе представить реакцию Эренбурга на этот документ. Вернее, на беседу, которую там, в ЦК, с ним провели (сам документ они ему вряд ли показали).

Представить себе эту его реакцию мне, помимо всего прочего, легко еще и потому, что однажды он мне ее вполне наглядно продемонстрировал – по сходному, хотя, казалось бы, совсем уже мелкому поводу.

Один из появившихся в печати откликов на вышедший в свет первый том мемуаров Эренбурга был написан моим коллегой, а в то время даже и приятелем Эмилем Кардиным.

Эмиль был критиком отнюдь не официальным. Напротив: «левым», как это тогда у нас называлось. Можно даже сказать – крайне левым: чуть ли не после каждого его выступления в печати обрушивалась на него суровая партийная выволочка. (Писал он обычно на темы скорее общественные, чем литературные: о разного рода исторических штампах и фальсификациях; о том, например, что гвардейцев-панфиловцев было не двадцать восемь, а больше; о том, что никакого залпа «Авроры» в октябре 17-го года на самом деле не было: был не залп, а одиночный, да к тому же еще холостой выстрел.)

Отклик Кардина на первый том эренбургских мемуаров был, разумеется, вполне хвалебным: учитывая политическую ориентацию Эмиля, он и не мог быть иным. Но по канонам советской критики в самом положительном и даже восторженном отзыве на рецензируемую книгу полагалось непременно отметить и ее недостатки. И Эмиль не нашел ничего лучшего, как упрекнуть Эренбурга за то, что он якобы преувеличил роль и значение в истории российской поэзии таких «поэтов-модернистов», как Осип Мандельштам и Максимилиан Волошин.

Встретив как-то Эмиля на улице вскоре после появления этой статьи, я его спросил, не сошел ли он с ума. На что он отреагировал такой раздраженной фразой:

– Ну не люблю я их. Не люблю! Понимаешь? Не обязан же я любить всех ваших кумиров!

Раздражение его я истолковал однозначно: наверняка я был не первым и далеко не единственным, вызвавшим ему свое удивление и неодобрение по этому поводу. О том

же говорило и невольно вырвавшееся у него словечко «ваших» вместо «твоих». (Мы с Эмилем, разумеется, были на ты.)

И случилось так, что чуть ли не в тот же день посетил я Илью Григорьевича. И чуть ли не на пороге он встретил меня вопросом:

– Скажите: кто такой Кардин?

Ага, подумал я, значит, до него уже дошло. И торопливо стал защищать – ну не защищать, но во всяком случае, по мере сил, оправдывать Эмиля.

Смысл этого моего невнятного и сбивчивого монолога сводился к тому, что Эмиль сделал это не по злему умыслу, а по глупости.

– Но вы ведь читали эту статью? – раздраженно прервал И.Г. мои разглагольствования. – Он там называет Мандельштама и Волошина модернистами. А вы ведь знаете, что У НИХ это псевдоним. «Модернист» – это у них значит «реабилитированный».

– Да нет, Илья Григорьевич, – еще горячее вступился я за Кардина. – Поверьте, в данном случае это совсем не так. И ОНИ со своими псевдонимами тут совершенно ни при чем. Кардин к НИМ не имеет никакого отношения. Это НАШ человек. Уверяю вас! А модернистами он их назвал просто ну... по невежеству...

Я говорил еще довольно долго. Но смягчить Эренбурга мне не удалось.

А когда я исчерпал все свои аргументы, он, пожевав по обыкновению губами, сказал:

– Нет, все-таки вы не убедили меня, что этот ваш Келдин...

Я уже упоминал, что это у него была такая манера: если человек, о котором шла речь, был ему почему-либо неприятен, он нарочно искажал его фамилию: вместо «Косолапов», например, говорил – «Косолапин».

– ... не убедили меня, что этот ваш Келдин человек добропорядочный... Порядочный человек не стал бы кидать камень в убитого, замученного поэта, даже если этот поэт ему и не нравится. А человеку, которому не нравится Мандельштам...

До этого он говорил спокойно, вроде как даже благодушно. Но тут голос его дрогнул, и закончил он вдруг неожиданно жестко и даже зло:

– Человеку, который не понимает, кто такой Мандельштам, вообще нечего делать в литературе!

И тут я снова увидел перед собой того Эренбурга, который бросил в зал, в лица не к месту засмеявшихся студентов Литинститута:

– Вы смеетесь? Значит, вы не писатели!..

Я уже говорил, что когда я делал самые первые свои шаги в литературе, кругом была пустыня, в которой, как одинокий зуб в выбитой челюсти, торчал один Эренбург. И всему, что я тогда понял и усвоил (усвоил на всю жизнь), научил меня он.

Главным из этих, усвоенных мною его уроков, было его отношение к искусству.

Когда на той редколлегии, где мне крутили руки, уговаривая «для пользы дела» изувечить мою «крамольную» статью, и «Блеонтьев» сказал, что свою концепцию развития советской поэзии я заимствовал у Эренбурга, я подумал: «Вот болван!»

Это и в самом деле была глупость. Ведь никакой концепции развития советской поэзии – ни заимствованной у Эренбурга, ни своей собственной – у меня тогда не было.

Все было очень просто.

Книги (романы, повести, стихи, поэмы), которые мне нравились, которые я любил, ОНИ называли ущербными, упадочными, идейно порочными. А от книг (романов, повестей, стихов, поэм), которые У НИХ считались высшими художественными достижениями, меня тошнило.

Какая же это концепция?

Но в высшем смысле «Блеонтьев» был прав. Ведь это правда, что не кто иной, как Эренбург, сформировал мое понимание самой природы художественного творчества. И сделал он это в тот самый день, когда рассказал нам, студентам, про Бальзака, который чуть не умер, описывая смерть папаши Горию.

Недавно, читая воспоминания одного молодого поэта о его встречах и разговорах с Ахматовой, я был сильно удивлен, наткнувшись там на такой диалог:

«... Вот я вспомнил – она говорила: “Представляете, вчера виделась с Эренбургом”».

– Да? – говорю я. – Ну и что?

– Он мне сказал: “Я ваши ранние, любовные стихи больше люблю”. Ну что тут скажешь?

На что я ей ответил: “Не знаю, где это он у вас нашел любовные стихи”. Что ей понравилось... А что касается Эренбурга, то я ей напомнил, что, вообще говоря, раньше-то Эренбург дело лучше понимал. Потому что в своих “Портретах русских поэтов” он писал в начале 1920-х гг.: “У костра ее мученической любви грел я свои озябшие руки, трижды отрекшись от Христа”». (В.С. Муравьев. Воспоминания об Анне Ахматовой. В кн.: «Анна Ахматова: последние годы». СПб., 2001.)

Не знаю, может быть, Ахматова действительно сказала нечто подобное: мало ли что, кому и зачем она говорила. Но по существу этого ее высказывания – тут явно какое-то недоразумение.

Эренбург не только «раньше», но и в зрелые, и в самые поздние свои годы «это дело» понимал хорошо.

Школа, в которой я закончил седьмой класс, была семилеткой. Поэтому в восьмой я пришел уже в другую школу, где почти все новые мои одноклассники были мне незнакомы. Вростание в новый коллектив всегда мучительно. Но вопреки моим опасениям я быстро обрел там новых друзей, с которыми сразу сошелся даже ближе, чем со многими старыми.

Как полагалось в те времена и в том нашем возрасте, нас было четверо: Атос, Портос, Арамис и Д'Артаньян. Но еще больше, чем знаменитый роман Дюма, героями которого воображали себя тогда чуть ли не все наши сверстники, нас сблизила общая наша влюбленность в Маяковского.

Ñei ñíñá è Ýðáíáóðá íà óðñíòá ñ áñíáðáèñì Ì.È. Ááòñáñì. Ýòí áñèñ í ðèì áðñí á òñ áðñí ý, èíáñá Ñei ñíñá í áí èññè ññá çí àí áí è ò í á ñò è òñ ò áñ ðáñ è á «Èáè ñ áí ý».

В облике «Владим Владимыча», как мы меж собой его называли, нас привлекало всё: и рост, и бас, и эстрадное остроумие – это его блистательное, как нам тогда казалось, умение одной репликой раздавить, уничтожить противника. Но наибольший восторг вызывал у нас самый ранний, футуристический период жизни великого поэта. Подростки, как известно, склонны к тотальному отрицанию, к нигилизму. Это, если угодно, неизбежная болезнь роста – «детская болезнь левизны».

Пятнадцатилетние гимназисты, описанные Гариным-Михайловским, были влюблены в Писарева, в его антипушкинские статьи. Мы, кстати, ими тоже увлекались. Нас восхищало остроумие, с которым Писарев разделявал под орех самого Пушкина.

Но футуристические скандалы молодого Маяковского заслонили в наших глазах даже и самого Писарева. Особенно нравилась нам блестящая внешняя, театральная форма их веселого юношеского бурления. (Да, именно бурления – иначе тут не скажешь: ведь в слове этом слышится одновременно и «бурлеск», и «Бурлюк».) Мы были в восторге от желтой кофты Маяковского, от его цилиндра, от собачки, нарисованной на щеке невозмутимого Бурлюка.

Вдохновленные всей этой театральностью, помноженной на всеобщее отрицание, мы вчетвером решили организовать нечто подобное футуристическому братству Маяковского, Бурлюка, Хлебникова и Каменского.

Прежде всего надо было придумать для нашего содружества какое-нибудь название. Сперва хотели назваться – как и они – футуристами. Но такое жалкое подражание было нам не по душе. Мы хотели придумать что-то свое. И придумали.

Надо признать, что придумка наша не слишком далеко ушла от великого оригинала. Мы решили назвать себя «перфектуристами».

Главным для нас во всей этой затее было желание ниспровергать: издеваться, глумиться, крушить, уничтожать, сбрасывать с парохода современности.

Футуристы сбрасывали классиков – Пушкина, Толстого, Достоевского. Мы же метили в современников, в сегодняшних литературных кумиров, казавшихся нам жалкими и ничтожными в сравнении с нашими.

Мы были уверены, что все великое, талантливое, настоящее было создано при жизни Маяковского и его друзей-соратников. Ко всем современным писателям и поэтам мы, опьяненные своим юношеским нигилизмом, относились примерно так, как герой-рассказчик знаменитого лермонтовского стихотворения к юным слушателям своего рассказа о бородинской битве: «Да, были люди в наше время. Не то что нынешнее племя. Богатыри – не вы!»

И даже те стихи поэтов-современников, которые искренне нам нравились, вызвали у нас неистребимое желание раскритиковать их в пух и прах, расчехвостить так, чтобы и мокрого места от них не осталось.

Мы издавали свой рукописный «Журнал перфектуристов». Я был его редактором и едва ли не главным автором. Для первого номера я вызвался написать – и написал – разгромную статью о стихотворении Симонова «Жди меня». Это была первая – и, наверно, самая постыдная – моя критическая статья. Сейчас уже не помню во всех подробностях, в каких смертных грехах упрекал я тогда самого знаменитого поэта страны. Но две мои злобные придирки запомнились мне хорошо. Одна – по поводу строк:

Ааа, ётäää ёç ääëüü ёõ ì äñò

Ï ёññ ì ä ì ðëääò.

Я высокомерно поучал автора стихотворения, что нельзя сказать по-русски – «писем не придёт». Это неграмотно. Надо было бы написать: «Письма не придут».

Но особенно мощную вспышку критического сарказма, помню, вызвали у меня строки:

Εἶε, εἶτ᾽ ἄν ἰσᾶται ἄλλοῦ

Εἶεὸν ἄ ἄρα εἶε...

Где это, интересно знать, увидел автор эти свои желтые дожди? – издевался я. – В каком фантастическом сне они ему привиделись? Не бывает на свете никаких желтых дождей, так же, впрочем, как синих, красных и зеленых...

Я давным-давно уже позабыл тот свой первый критический опус. Но пять лет спустя вдруг – со стыдом – о нем вспомнил. А заставил меня его вспомнить не кто иной, как Илья Григорьевич Эренбург. (Сам он об этом, конечно, не подозревал.)

Это было в один из его приездов в наш институт.

На сей раз он пожелал пообщаться не со всеми студентами, а только с пишущими стихи. В не слишком многочисленную группу наших институтских стихотворцев ухитрился затесаться и я. Всего, что он тогда говорил, я, конечно, не помню. Но один короткий его монолог обжег меня стыдом, и потому запомнился мне хорошо.

– Поэт, – медленно начал он, – принес в редакцию газеты свое новое стихотворение. Теперь вы все хорошо его знаете. Оно называется «Жди меня». Редактору стихотворение понравилось, и он изъявил готовность сразу же поставить его в номер. Возражение у него вызвала только одна строчка: «Жди, когда наводят грусть желтые дожди». – «Что за декадентщина? – поморщился он. – Где вы видели желтые дожди? Ведь вы прекрасно знаете, что никаких желтых дождей на самом деле не бывает!» И попросил поэта эту строчку заменить. Но поэт был упрям. Он отстоял эту не понравившуюся редактору строку. И вот, – язвительно закончил Эренбург, – благодаря именно вот этим самым, чудом уцелевшим желтым дождям, в этом стихотворении все-таки живет поэзия.

Эта последняя реплика Эренбурга показалась мне нарочитой, даже слегка вызывающей. Сам я вовсе не думал тогда, что стихотворение Симонова стало (или осталось) фактом поэзии только лишь благодаря вот этим самым желтым дождям. Но после этих эренбургских слов мне вдруг открылось всё очарование этой, так безжалостно раскритикованной мною когда-то симоновской строчки. В самом деле, подумал я, как это хорошо: «Жди, когда наводят грусть желтые дожди». Сразу встают в памяти желтые осенние листья, желтая размокшая глина бесконечных российских дорог...

А насчет того, что Эренбург будто бы сказал Ахматовой, что больше любит ее ранние, любовные стихи, то мне в это не больно верится не просто потому, что это как-то мало на него похоже. Для этого моего неверия есть у меня еще и другая, вполне конкретная причина.

Разбирая с Ириной эренбургский архив, в одной из старых его записных книжек я обнаружил старательно переписанное его рукой стихотворение:

*Èíāā īīāāāāpò yīīōō
 Íāāāīāīūē īīēēī īāçā:ēò,
 Èðāīēāā -āðōīīēēīōō
 Óēðāīē òūāā īīðāīñōīēò.
 È òīēūēī ī īāēēīñēēē ēēōī
 Ðāāīòāpò. Áāēī īāæāāò!
 È òēōī òāē, Ā-ñīīāē, òēōī,
 ×ōī ñēūōīī, ēāē āðāī ŷēāāò.
 Ā īīñēā īīā āīīēūāāāò,
 Èāē òðōī īā āīñīīāē ðāēā -
 Íī ī àòāðē ñīī īā óīāāò,
 È āīōē īòāāñīāōīñī ā òīñēā
 È ēēīīŷòñī āēīāī īēēā
 Èāē ī āŷòīēē òīāēò ēōīā
 Òāē āīò - īāā īīñēāōēī Íāðēæāī
 Òāēāŷ òāīāñī òēēēīā*

Вообще-то, если быть совсем точным, обнаружила это стихотворение Ирина. И показала его мне. Она, грешным делом, подумала было, что это какие-то неизвестные ей стихи самого Эренбурга. И, как мне показалось, была разочарована, когда я сказал ей, что это Ахматова.

Àõì àòíàà: «Ñòðíãã ì ùíëèòáëÿ, çíðéíã áóòííèíàòáëÿ, àíííà ìíÿòà ìíçàðàâëÿò ñíãáíÿîéè àíàì àã ñàðàì àííèòà Àííà Àõì àòíàà».

Принять стихи Ахматовой за эренбургские было, конечно, мудро. Но записаны они были, как я уже сказал, его рукой. И нашла она их в той самой его записной книжке, где той же рукой так же старательно были переписаны тексты всех неопубликованных при жизни его собственных стихотворений. К тому же Илья Григорьевич, при всей его любви к поэзии, давно уже вышел из того возраста, когда переписывают в тетрадку (или записную книжку) чужие, пусть даже и очень понравившиеся стихотворные строчки.

Но тут был случай особый. Переписал он в свою заветную тетрадку эти ахматовские стихи, я думаю, не только потому, что написаны они были в день, когда немецкие войска вошли в Париж, и именно этим событием и были вызваны к жизни. (Хотя падение Парижа для Эренбурга было мучительным и глубоко личным переживанием.)

Сам он в своих мемуарах вспоминает об этом так:

«Когда я вернулся в Москву, ко мне пришла А.А. Ахматова, расспрашивала про Париж. Она была в этом городе давно – до первой мировой войны, не знала подробностей его падения. В представлении некоторых критиков Анна Ахматова – “поэтесса интимных чувств с крохотным мирком”. Анна Андреевна прочитала мне стихотворение, написанное ею после того, как она узнала о падении Парижа».

Прочитав далее те самые стихи, которые (вероятно, тогда же) он переписал в свою тетрадь, он заключает:

«В этих стихах поражает не только точность изображения того, чего Ахматова не видела, но и прозрение. Часто теперь я вижу ушедшую эпоху, “труп на весенней реке”».

Конечно, его не могло не поразить, что Ахматова с такой остротой почувствовала и с такой (недоступной ему самому) поэтической силой выразила то, что ощущал он, находившийся

в эпицентре этого исторического

катаклизма.

Но более всего, я думаю, его поразила необычайная мощь голоса этого нового, неведомого ему раньше, воистину великого русского поэта, в которого вдруг – неожиданно для него – превратилась та Ахматова, стихи которой он знал и любил в юности. Нет, не мог он сказать Анне Андреевне, что ранние, любовные ее стихи любит больше. Истинную цену поэту Анне Ахматовой он знал хорошо.

И Ахматова тоже хорошо знала истинную цену Эренбургу. Лучше всего об этом говорит телеграмма, которой 26 января 1962 года она поздравила Илью Григорьевича с его семидесятилетием:

НÒДІАІАІ І ЎНĚĚÒАĚБ, СІДĚІАІ АУÒІІĚНАОАĚБ,

АНАОАА І ІУОА І ІСАДААĚБАÒ

НААІАІВОІЕІ АІАІ

ААІ НІАДАІ АІ ІЕОА

АІ ІА АОІ АОІАА

В этом коротком тексте точно взвешено, тщательно выверено каждое слово. Главное же, ключевое слово в нем – это слово «всегда». Потому что – вольно или невольно – оно как бы подразумевает, что строгим мыслителем и зорким бытописателем Эренбург оставался не всегда. А вот поэтом – всегда.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2003 КИСЛЕВ 5764 – 12(140)

...И не только о генерале Власове

Ài àiòî îòáìòà îîîîíáí òàì

À. Èàðäèí

Весной сорок третьего на всю глубину нашей эшелонированной обороны внутри Курской дуги немецкие самолеты сбрасывали листовки, сильно отличавшиеся от тех, что предназначались нам до сих пор. В прежних царил вульгарный антисемитизм. На него, надеялись составители, должен был клюнуть советский солдат. Составителям не приходило в голову, что такого сорта пропаганда оскорбительна для бойцов любой национальности. Массовая сдача в плен летом сорок первого года была вызвана не базарным антисемитизмом, а прежде всего «счастливой колхозной жизнью» и сокрушительными неудачами нашей армии.

Весенние листовки сорок третьего ни стилем, ни по смыслу не напоминали погромную пропаганду нацистов. В форме открытых писем генералу А. Запорожцу, видному политработнику Красной Армии, генерал А. Власов касался преимущественно двух тем: коллективизации и предвоенных репрессий, обезглавивших наше командование. Малейший намек на антисемитизм начисто отсутствовал.

Фамилия Власова мне мало что говорила, но удержалась в памяти. Да и не только у меня. Листовки вызвали небывалый переполох в высших эшелонах, и все военные газеты, начиная с дивизионных, опубликовали главпуровскую статью «Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера». Эта статья, как и нацистские листовки, исходила из умственной неполноценности читателей. «Троцкист и шпион» генерал А. Власов – давний враг народа – ранее был изобличен, но дал слово исправиться, однако не сдержал его. Хватало, как и во все времена, готовых верить любому вздору, идущему сверху. Верить и пламенно поддерживать. Понадобись свидетели по делу «врачей-убийц» – доброхоты заняли бы очередь с вечера.

Мои оппоненты (три их письма напечатаны в «Лехаиме» № 9), вероятно, давно забыли идиотскую статью, но стремятся соответствовать духу советской пропаганды, зубами держась за свою вздорную веру.

Вряд ли я видел все власовские листовки, но попадись хоть одна с призывом бороться с «жидовско-большевистским» режимом, о какой сообщает П. Сыркин из Нижнего Новгорода, тема Власова для меня сразу же перестала бы существовать, а после войны не появилась бы на Западе литература о Власове и Русской освободительной армии (лишь на русском языке три десятка названий). Видные историки, писатели, общественные деятели не считали бы своим долгом определить личное отношение к Власову и РОА. Будь все столь просто, верхушку РОА не судили бы тайно, а, казнив, не утаивали все документы с такой тщательностью, что они не опубликованы по сей день. Этот московский суд менее всего напоминает Нюрнбергский процесс, где, кстати, имя Власова вообще не упоминалось.

Мой интерес к проблеме подогрела и встреча с власовцами на Оломоуцком шоссе в начале мая сорок пятого. Солдаты РОА, многие с оружием, миролюбиво двигались нам навстречу, заверяя: Прага с их участием освобождена, и они, не поднимавшие оружия против советских войск, с надеждой возвращаются домой.

Значительно позже, обратившись к этой операции, я убедился в правдивости и вместе с тем наивности власовцев из 1-й дивизии РОА, действительно сражавшихся с частями вермахта (группировка Шернера) за освобождение Праги. В мирное время пражане мне это подтверждали, а многочисленные издания, расходясь в оценке фигуры командующего и его деятельности, установили: Русская освободительная армия ни разу не вступала в боевое соприкосновение с советскими войсками. Причин тому достаточно. Недоверие Гитлера к Власову – одна из них. «Предал Сталина, предаст и меня».

Заверения полковника в отставке, члена совета еврейской общины Майкопа Л. Малярова: «неоднократно лично сталкивался с власовскими головорезами», «власовцы оказывали ожесточенное сопротивление нашим войскам» – допустимо было бы просто-напросто отнести к «охотничьим рассказам». Когда бы не самореклама и еще кое-какие особенности, побуждающие остановиться на письме из Майкопа.

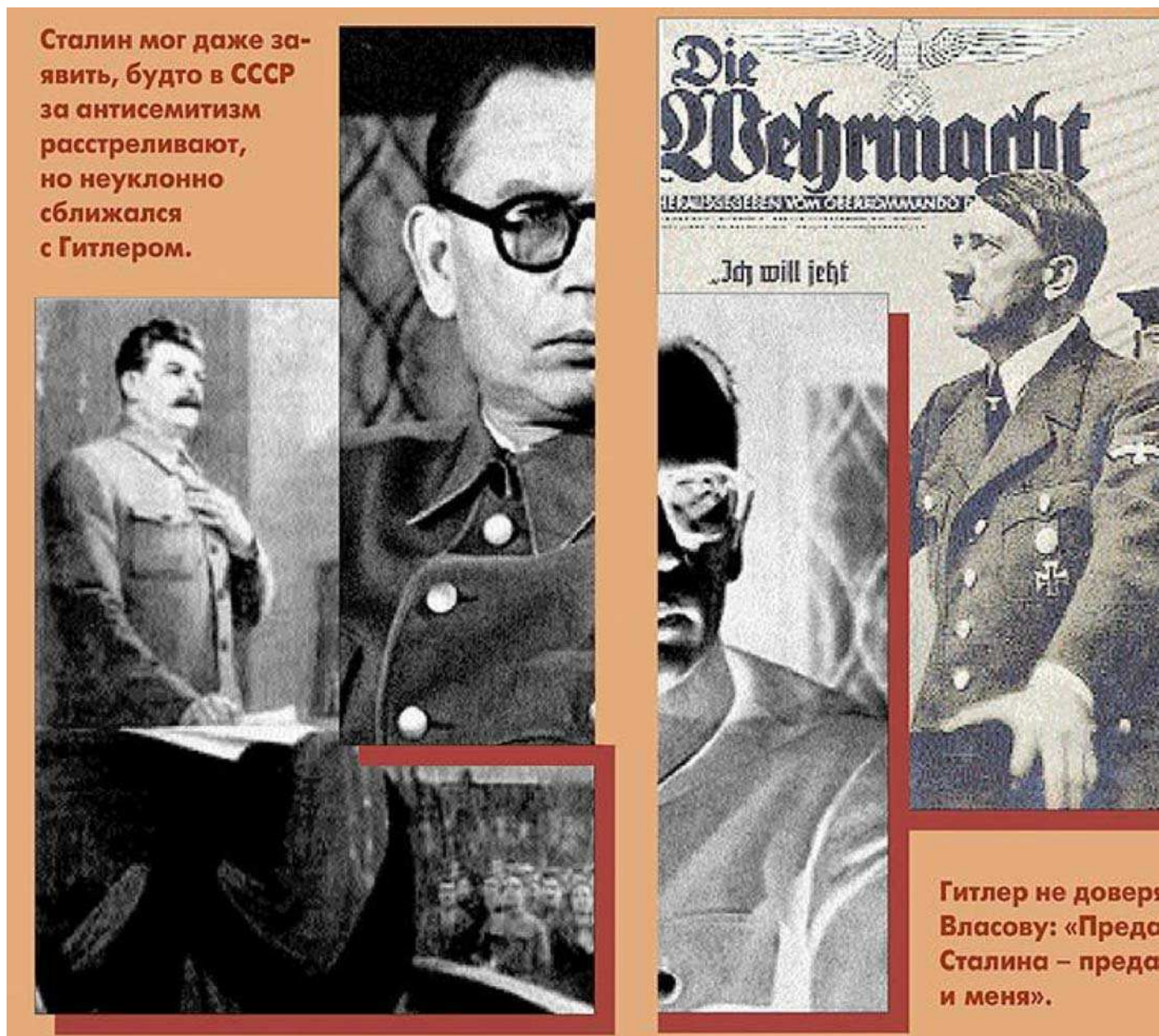
Фанфаронство вызывает лишь стыд и недоверие. («Воевал я лично (!) с оружием в руках не только с немцами, но и с оголтелыми власовцами»). Коли с немцами так же, как с власовцами, то ратная биография бывшего помкомвзвода вызывает, скажем так, двойственное чувство. Не усматриваю ни малейшей заслуги в том, что Л. Маляров «не штабист или интендант». Был бы штабистом или интендантом, держался бы скромнее и помнил поговорку: «врет, как очевидец». Не знаю, как в кавалерии, а в пехоте, уже в стрелковом батальоне, начальником штаба (он именовался «адъютантом старшим») назначали наиболее толкового офицера. Начштаба 140-й Сибирской стрелковой дивизии, где я имел честь служить с конца сорок второго, полковник Сергей Григорьевич Самуэльсон пользовался репутацией знатока своего дела и смельчака. Именно такие могли обезоружить даже антисемитов, коим на руку невежды, судящие о предметах, не имея о них малейшего представления. Майкопскому кавалеристу «очень жаль, что власовское движение приковало внимание мученика-диссидента Петра Григоренко, антисемита Александра Солженицына и историка Александра Некрича, которым дается пища для оправдания их антисемитских взглядов». Безграмотность и косноязычие Л. Малярова особенно неприглядны, когда он пытается судить о людях, внесших весомый вклад в отечественную культуру.

Я не знал лично генерала П. Григоренко. Знал, считал и считаю Александра Моисеевича Некрича незаурядным историком, честным человеком, автором выдающейся для своего времени книги «1941, 22 июня». Его мужественное поведение вызвало ярость советских властей, вынудивших А. Некрича эмигрировать, принять смерть на чужбине. Разговоры о его антисемитизме, по меньшей мере, вздор.

Не пристало малограмотному отставнику явно не читавшему Солженицына, и лишь повторяющему чужие характеристики, развязно судить о крупном современном писателе А.И. Солженицыне.

Мои отношения с Александром Исаевичем оборвались задолго до его последней книги. Исходя из дружеских побуждений, узнав кое-какие частные подробности относительно обстоятельств гибели генерала А. Б. Самсонова и его армии в августе четырнадцатого года, я сообщил о них автору «Красного колеса», искренне желая ему добра, но не взяв в расчет меру самолюбия. Мне вообще «Красное колесо» не шибко

нравилось. Возможно, он это почувствовал. Хотя наши отношения разладились, я остаюсь при прежнем мнении о его высоком вкладе и в литературу, и в развитие общественной мысли. О его первой прозе, об «Архипелаге ГУЛАГ». Если бы он на этом остановился, удовлетворился бы Нобелевской премией!..

Крайне сомнительно, что Л. Маляров читал А. Некрича и А. Солженицына, вняв совету Бориса Слуцкого: «Надо книжки трудные читать!» Майкопский кавалерист и легкие-то, похоже, не брал в руки. При такой концентрации невежества и наглости можно было дослужиться до генерала. Когда бы не злосчастный «пятый пункт»...

Я храню в памяти наши товарищеские встречи с А. Солженицыным в редакции «Нового мира», его житейские советы в пору, когда он лишь вступал в литературу, получив поддержку Л. Копелева и А. Твардовского, пользуясь неизменной помощью им высоко ценимого редактора Анны Самойловны Берзер.

Двойственное отношение к А. Солженицыну не помешало мне резко отозваться о его книге «Бодался теленок с дубом» и не без труда на исходе 90-х годов опубликовать

статью. До «Двухсот лет вместе» было еще далеко. Однако с концом советской власти появилась возможность выражать собственное мнение, не остерегаясь, что его в своих политических целях способны использовать чуждые тебе силы. Я не принадлежу к первым, открывшим теневые, скажем так, стороны в творчестве и общественной позиции А. Солженицына. Недавно опубликована переписка Д. Самойлова с Л. Чуковской. В одном из писем 1979 года Давид Самойлов дает весьма мрачный прогноз грядущей роли А. Солженицына. Не поручусь, будто имя выдающегося поэта фронтового поколения Д. Самойлова что-нибудь скажет Л. Малярову. Пулеметчик Д. Самойлов кончил войну то ли сержантом, то ли старшиной. Зато Л. Маляров, пытаясь придать больший вес собственным откровениям, напоминает: я – «полковник в отставке», не догадываясь, что заслуженное, надеюсь, звание лишь позорит. Стоит ли при такой недогадливости лезть со своим мнением? Не зная собственного, кому-то указывать его место? Фронт многое мог дать человеку, но вряд ли был в силах повысить его культурный, его этический уровень. Ради такого повышения мой оппонент, в отличие от многих вернувшихся с войны, ничего не сделал в мирное время...

Близко общавшийся с автором «Одного дня Ивана Денисовича» ленинградский профессор Ефим Григорьевич Эткинд, исключенный из Союза писателей, лишенный ученой степени и возможности преподавать, эмигрировал во Францию и в парижской «Монд» в 1979 году сурово осудил А. Солженицына, дружбу с которым прервал по принципиальным соображениям. Издавна зная Ефима Григорьевича, я, недолго находясь в Париже, зашел в гости. Но в сумбурной беседе мы до Солженицына не дошли.

В советское время, я уже отмечал, выступить в отечественной прессе против Александра Исаевича значило так или иначе присоединиться к официальной травле. На это ни один уважающий себя литератор пойти не мог. Но и в наши дни я отнюдь не убежден, что любой невежда обладает моральным правом публично поносить автора «Архипелага ГУЛАГ», Да и откуда взяться собственному мнению, коль ничего из написанного А. Солженицыным и ныне общедоступного не читано?

Зато сплошь и рядом действует традиция, побуждающая подтвердить свою принадлежность к некогда взлелеянному советской властью племени горлопанов с их незабываемым принципом: «Я не читал, но уверен».

Л. Маляров уверен, будто Власов сдался в плен «со своей армией». Хотя дело обстояло совсем не так. «Неоднократно лично сталкивавшийся с власовскими головорезами» и будучи к тому времени офицером, Л. Маляров не называет ни одной власовской части, не упоминает о пленных, коих должен был бы «лично» видеть...

При полном отсутствии сколько-нибудь конкретных сведений надежда лишь на голосовые связки.

«Лехаим» правильно поступил, напечатав письмо из Майкопа. Евреи должны сознавать: в их среде попадаются экземпляры, работающие на антисемитизм. Работают чаще всего безотчетно, по «велению души», из суетного тщеславия, по недомыслию или выработавшейся привычки к горлопанству. Но вопрос о причинах второстепенен.

На фоне крикливых возгласов Л. Малярова выигрывают два других моих оппонента. Но не настолько, чтобы с ними согласиться.

Ничего равным счетом не зная о Власове и РОА, С. Уманский уверяет, будто власовцы «выслуживались перед нацистами... зверствовали не меньше немцев-эсэсовцев».

Но не приводит ни единого факта. Лично его беспокоят антисоветски настроенные люди. Не имея возможности поделиться своим беспокойством с земляками-эстонцами, он уверяет, будто «после лагерей смерти и гетто» люди «напрочь выздоравливали от антисоветизма». Достаточно странная форма выгораживания нацизма. Талантливый драматург Александр Гельман, чье детство прошло в гетто (он об этом потрясающе написал), не относился и не относится к советским ортодоксам.

На вопрос, от чего излечивали советские лагеря и тюрьмы, ответил не только А. Солженицын, но и Е. Гинзбург, мать Василия Аксенова, написавшая широко известный «Крутой маршрут».

Сохраняя безразличие к судьбам советских лагерников, С. Уманский крайне обеспокоен транскрипцией немецких названий и собственных имен. Надо, видите ли, писать «райх», а не «рейх», «Кайтель», а не «Кейтель». Но как быть с Гейне?

Мне бы ваши заботы, господин учитель! Тем более, что тоску С. Уманского по советской системе не могу разделить. Эта система, о чем С. Уманский, возможно, не догадывается, неотделима от антисемитизма в самых разных формах, начиная расстрелами и бандитскими убийствами и кончая дискриминацией при поступлении в вуз. Неизменно одно: ложь предпочтительнее правды. Потребностью в правде продиктован мой скромный «Узелок на память».

Генерал А. Власов, отвергая сталинизм и не принимая идеологию Гитлера, находясь по ту сторону фронта, помня о неотступной гестаповской слежке, полагал необходимым заявить об уважении к евреям – «одному из древнейших культурных народов». Заявить и приблизиться к так называемой «третьей силе».

Уровень, установленный моими оппонентами, не предполагает рассмотрения проблемы «третьей силы» и бытующей формулы «Власов между Сталиным и Гитлером», а также возвращения к полемике, разгоревшейся у нас в 90-е годы. Постараюсь лишь обозначить некоторые факты и события относящиеся к достаточно противоречивой фигуре командующего РОА, не сыгравшего сколько-нибудь значительной роли в военных действиях. Однако обнажившего не только «узелки», подлежащие сокрытию, но и целые «узлы».

Много ли известно о десятках советских генералов, попавших в плен? Трагическая судьба Д. Карбышева получила огласку благодаря американцам, освободившим Маутхаузен. До этого часа, подобно всем попавшим в плен, его числили изменником. Теперь же, посмертно, удостоили звания Героя Советского Союза.

Генерал С. Лукин, командовавший вземской группировкой, тяжело раненным попал в плен, где от имени пленных советских генералов предложил главарям рейха учредить русское контрправительство «против ненавистной большевистской системы», отстаивающее интересы России. Среди поддержавших С. Лукина два командарма. Однако Гитлер, уверенный в своем расовом превосходстве и победе (декабрь 41-го), вариант советских генералов отверг и не принял их поддержку. Как и поддержку других пленных советских командармов.

А. Власов, решив создать русскую освободительную армию, пошел дальше других.

Союз с Гитлером, пусть и не лишенный взаимного недоверия, не красит Власова. А союз Сталина с Гитлером в 1939 году (ему предшествовала отставка М. Литвинова, ублажавшая нацистов)? А пораженческая позиция Ленина в первой мировой?

Генерал П. Григоренко писал: «Мы превозносили большевиков, которые ради свержения царизма способствовали поражению страны, почему же тем, кто хочет свергнуть большевистское коммунистическое правительство, не представляется такое право?»

В принципе П. Григоренко прав. Но когда дело касается проблем такого рода, надо брать в расчет и конкретную ситуацию. Царская Россия действительно была «тюрьмой народов», и активное участие евреев в революции продиктовано желанием разрушить эту тюрьму. Не вина их, а беда – то, что далеко не все надежды сбылись. Тотализация советской системы вела к антисемитизму, шовинизму.

Генерал А. Власов, стремясь к демократии, выразил свое отношение к евреям, оказавшимся между Сталиным и Гитлером. Первый мог даже когда-то заявить, будто в СССР за антисемитизм расстреливают, но все неуклоннее сближался со вторым.

Власовское заявление по «еврейскому вопросу» – вызов первому и второму. Победа же «третьей силы» была нереальной. Победители, наступавшие с запада, видели во Власове скорее политическую фигуру, пусть и с демократическими побуждениями, чем полководца.

В начале войны Власов возглавлял мехкорпус, в боях за Киев – армию, был заместителем командующего Западным направлением. Под Москвой командовал 20-й армией, под Любанью – 2-й Ударной...

11 марта 42-го Илья Эренбург в «Красной Звезде», не однажды хвалившей Власова, писал: «Имя Власова связано с наступлением – от Красной Поляны до Лудиной горы».

Уже после войны, слушая академический курс «Истории войн и военного искусства», я ничего не узнал об успехах 20-й армии. Но лишь позже сообразил: квалифицированные лекторы предпочитали обходить молчанием одиозную фигуру. Разбираться же в несомненной власовской измене присяге им не представлялось возможным. Это было задолго до суждения генерала П. Григоренко, приведенного выше.

Сейчас, довольно много прочитав и передумав о Власове, избегая окончательного вывода, я вижу неоднозначность фигуры. В словах о евреях – вызов Гитлеру и Сталину. Один из наиболее определенных власовских поступков во главе РОА. Поступок этот достоин уважительного упоминания. Помимо всего прочего, и как свидетельство демократических устремлений генерала. Тем паче, что власовская пропаганда, подобно советской, не отличалась последовательностью. Провозглашенный Сталиным культ великих предков объявлялся спекуляцией. Хотя использовался – с дополнением имен Петра I, Багратиона, Скобелева, Брусилова. При построении взвизвался русский национальный флаг, звучал гимн «Коль славен наш господь в Сионе». Пели песню «За землю/ за волю...» из оперы «Тихий Дон». Присяга звучала так: «Я, верный сын своего отечества, добровольно вступаю в ряды войск Комитета по освобождению народов России. Перед лицом моих соотечественников торжественно клянусь честно сражаться под командованием генерала Власова до последней капли крови за благо моего народа, против большевизма».

Как, однако, сражаться против большевизма, не вступая в боевые действия против Красной Армии (по воле Гитлера, подозревавшего переход на другую сторону, или по иным причинам), не совсем ясно. Как и с «великим предком» А. Брусиловым – крупнейшим русским военачальником, верховным главнокомандующим при Временном правительстве. С 1920 года будучи на видных постах в РККА, «великий предок» А. Брусилов инспектировал буденновскую конницу...

Эклектика в армейском ритуале РОА напоминает эклектику в нашей современной государственной и армейской символике.

Более чем рискованное лично для А. Власова высказывание по «еврейскому вопросу» настолько определено, что ставит его вне политиканских и минутных расчетов. Оно могло свидетельствовать о демократических в принципе устремлениях командующего РОА. В таком духе оценил его Р. Конквист. Если моим оппонентам это имя ничего не говорит, напомню широко известную книгу Конквиста о советских репрессиях – «Большой террор». Роберт Конквист утверждает: «Власов отнюдь не симпатизировал нацизму – его единственной целью была демократическая Россия». И ссылается на власовский «Манифест Комитета освобождения народов России» от 19 ноября 1944 года. Мне удалось прочитать и «Манифест», и речь Власова. Соглашаясь с Р. Конквистом, лишь напомню: практические действия не всегда совпадают с манифестами.

Власов и вся верхушка РОА находились под неустанным наблюдением гестапо. Советская агентура проникла во все звенья власовской армии.

Командир второго полка знаменитой судоплатовской бригады особого назначения, в которой я служил первые полтора года войны и где принял участие в двух спецзаданиях, полковник Михаил Федорович Орлов, в мирное уже время беседуя со мной за чашкой чая, рассуждал о РОА без особого пиетета. Ему было известно о Власове абсолютно все – вплоть до ежедневного меню генерала. Поваром был посланец нашей бригады. Вместо подписи он по радио сообщал меню.

Почему наши не старались устранить Власова? Не имело смысла. Если первые листовки Власова вызвали в Главпуре переполох, то явное неучастие РОА в боевых действиях снизило напряжение.

По всей видимости, полковник Орлов, не выпуская Власова из сферы наблюдения, разделял мнение тех, кто видел в нем «человека минуты, а не часа». Принятое им на себя бремя руководителя «третьей силы», надо полагать, стало для него неподъемным.

Однако саму идею «третьей силы» я считаю достаточно существенной, позволяющей в дальнейшем прийти к существенным, реальным результатам. Помня о чудовищных вымыслах, подменяющих кровотокающую правду войны, я не впервые прилагаю усилия, дабы к этой правде приблизиться. Страшать меня непродуктивно. Как говорят поляки, видели мы карликов и покрупнее.

Пользуясь поддержкой А. Твардовского, я смог развенчать легенду о 28 панфиловцах, сражавшихся с 50 немецкими танками. Попутно напомнив, что никакого зала «Авроры» не было, что 23 февраля 1918 года красные полки потерпели поражение под Нарвой и Псковом.

Ожидая ответных атак, держал в памяти Иосифа Рапопорта, который еще в 1948 году на августовской сессии ВАСХНИЛ единственный пошел против Лысенко, уже праздновавшего победу.

Ложь о панфиловцах сочинил сотрудник редакции «Красной Звезды». Один из тех местечковых краснобаев, что, пытаясь скрыть национальность, корчат из себя эдакого рубаху-парня. (В той же переписке Л. Чуковской с Д. Самойловым содержится убийственная характеристика этого субъекта. Л. Чуковской довелось работать с ним в одной редакции.) Имея отдаленное представление о бое пехоты с танками, он нарисовал бездарно выдуманную картину, подкрепив ее случайными, а то и придуманными фамилиями. Поднял саморекламную шумиху, позволявшую чуть ли не ежегодно переиздавать свое творение, лишь сменяя название.

Ему удалось в ответ на мою статью спровоцировать целый скандал, организовать поток гневно-разоблачительных писем. Среди подписавших встречались не только провинциальные малограмотные отставники: имелся даже маршал. Правда, будучи интеллигентом, он впоследствии нашел возможность принести мне свои извинения.

Легенда о 28 панфиловцах приказала долго жить и вышла из пропагандистского употребления...

На чехословацкой медали, которой награждены многие участники последних сражений, выгравировано: «Правда победит». К сожалению, срок победы не указан.

Давненько я не имел дела с кадровиками и отвык от их вопросов. Но охотно отвечу оппонентам.

Ни на службе, ни в частных разговорах никогда не отказывался от своего еврейства, испытывая презрение к тем, кто поступал иначе.

Родился в 1921 году в Москве, в переулке, выходящем на Мясницкую.

Отец был врачом. В первую мировую – полковым. Мать – учительница. Работала в школе рабочей молодежи.

Имею два тяжелых ранения. Мой младший брат был ранен на Курской дуге столь тяжело, что чудом, после нескольких операций на груди и спине, остался жив. Кончил медицинский факультет в 1951 году. Был вызван в военкомат, где забрали «белый билет», поздравили со званием «старшего лейтенанта медицинской службы» и послали полковым врачом.

Я убедился, что брат – не единственный, с кем обошлись подобным образом. Москву избавляли от молодых специалистов-евреев. При этом в армейской прессе, в отличие от гражданской, антисемитских фельетонов не печатали, борьбу с космополитами не вели.

Зато в поезде Москва – Владивосток бросалась в глаза значительная прослойка представителей одной национальности. Прибыв к очередному месту службы, я убедился что в гарнизоне их необычайно много. Начиная с начальника гарнизона Спасска Дальнего и кончая молодыми офицерами в частях.

Поскольку причина этого специфического «многолюдства» не объяснялась, я вынужден был довольствоваться собственной версией. Не более чем версией. Еще в Москве, вручая назначение, мне довольно откровенно дали понять, что очередные военные события разыграются на Дальнем Востоке и послужат на первом этапе продолжением войны между Северной Кореей (за ней стоит Советский Союз) и Южной (за ней стоят США).

При такой перспективе в Приморском, Забайкальском военных округах и на Камчатке необходимы надежные офицерские кадры. Значительная часть их обречена пасть в первых же сражениях третьей мировой войны.

В поддержку своей версии приведу тот факт, что после смерти Сталина незамедлительно прекратились работы на секретной стройке коммунизма № 1 – рытье тоннеля, соединяющего материк с Сахалином. Ему, видимо, предстояло стать непотопляемой авиабазой для ударов по островам, Японии, быть может, Соединенным Штатам.

Началась массовая демобилизация офицеров. Среди воспользовавшихся ею был и автор этих строк.

От кипы до капы

Ááðáë á èñò íðèè áíèñá

Èñò ðí Èááí ò áéí

*Ñóáëé íðí-èò í èòíá è ñòáðáí ò èííá ñáçáí í óò ñ ááðáçí è, áí ò óáò ðáñíá è èé í áðáç «ááðáç-
ñíí ò òñ áíá». Í ðáñíò ááèáí íí ÷òóñ è è íá áñááá è èé áí ò èáí ù è èé í-èáðèè-ò ááí áò èñò. Í ðè áíáè ñáíáé
í ííííí è èé íá ò ááí áò ííá í áðáí ñò áí ááðáè, íáí áéí, èí áðò ÷áí íí ò ááí ò áó ù ñý è á áðáè ò è ááò ñí í ò ò á.
Á á èò ÷èñá - è á ááèí í áí ðí ò ááò, ò ðááðí ù èò ñèù è áíáíáí áóòá.*

*Í ñíí ò ðèí, èáè íá ñò ñó ð ááèá ñ ðááí è èí «ááðáè ñèíáí áíí ò ñíá» íá ðèíáí, íá ñáèí ñáí íá
íííí ò è ñá è ç, ÷ò èò ááèí í áí ðí ò á - áíèñ*

*...Á èçáí ò ííí è èíí ò è èñ á «Ðíèèè-3» íí èáçáíá ðò íí ò ðíí ù ñò áðíá Í è è èè, ò ðáí áðá,
ñá è ááò ááí Ðíèèè ÷áí í èííí. Ñáí íá ÷áí í èííá è ááðáò Ñèùáí ð Ñò áéèíá Ááçáèí ñý: á èááðá íí á
è èíá, áíí èíá è áóíáè è ááí è èòó Á çòíí áíáí è íáð í è-ááí ò áè áè ò áéñí íá, ò-èò ù ááç áéí ò è-áí èíá
í ò èííí áéáí èá ñá íá á èò áðá Ñò áéèíá - «Èò áéñí í èíá Á áðááòá» - íò áá íááíí èé í áí ù. Òáè áí ò,
Ðíèèè íá èáðè ò á íí áò í ò çá ðááèííí ñèíá ííí èíá èñíí è í è èò áí - «Èáèèòá». È ííí èá - èáí áðá
íá áááò í íá èñí ù è íáí çò í è è áá ò ðáí áðá ñí í ááí èñí «Í è è èè Áí èáí è èè»...*

*Áí òí-áí, çòí - íá í ò ñí ò í íá ñèò-áéíáç, á ñèíáá áíí èíá ò èí è-íáç áéç áí áðè áí ñèíáí áíèñá
ñèò-ááèç. Ááðáá ò áí áñááá áíèí á áííò á èá - è áí èòíá, è ò ðáí áðá è í ò ñí í ò ò áðá è áò ðí á èñí íá
Áá ò áéíá èá "ááðáè ñèíá çáñèùá" è íá ò èñíèí á áíèñá áí áðè áí ñèíí è í èíèí íáá. Í ðèñí ò ðèí ñý è
íá èíí ò ðí íá ðííáí íá ááðè éáí è ðíáíá ðèíá.*

*Ñèñòáí íáç ííáá-á í áò áðè áéá í ááðáç íá ðèíá è áí èðáí íáá ñèùí í íñèíá í áò ñý íá è è èáí
íáðáí áò ðíá ñááè èí ò ðíí - áðáí áíá, ñò ðáí ù, áñíáíá è áò ááðè è, í ò ðí áí èíí íá èñí ù á ðáçáí
áí èíáíá Á è ðíí á çò íá, áíá è ðáç íí áðáç íá ñá è á è èñò, è áò ðí á èñí ù, áá áíá è èò ò èò èñí è ò. í.
Ù-èò ù ááç çò áéíá è çíá è è èá íðè ò íá èò ñý ñò íèù áíáò á èò ð ò áí ò èçéááí ò ù «í áò íáíí ííáá-è
áðáçáðíñ».*

Уже на заре современного бокса – английского призового боя, чьи правила были обнародованы в 1743 году, мы сразу встречаем еврейский персонаж. Это – Даниел Мендоза (1763-1836), потомок испанских евреев, по прозвищу «Свет Израиля». Вот он-то и был сильнейшим боксером Англии в 1787–1795 годах. Именно Даниел Мендоза первым из боксеров стал применять тактику защиты – уклонов, блоков, уходов от ударов и т.д., за что поначалу снискал у публики, привыкшей к рубке в стиле купца Калашникова, репутацию труса. Но его победы и блестящая техника быстро убедили знатоков и любителей в преимуществах умного «еврейского бокса». Мендоза всегда подчеркивал свое еврейское происхождение и при этом отстаивал собственное национальное достоинство. Он был первым евреем, с которым разговаривал король Георг III. Блестящая карьера этого боксера, имевшая поддержку королевского дома и воспетая современными ему художниками и писателями, способствовала повышению статуса евреев в английском обществе. Образ Мендозы вывел в повести «Родни Стоун» (1896) сам король детектива и «отец Шерлока Холмса» сэра Артур Конан-Дойл.

Ààí èäë Ì áí äîçà

На страницах старинной спортивной хроники о товарищеском ужине лучших боксеров Англии запечатлены и другие еврейские бойцы. Например, «Голландец Сэм», чье настоящее имя Сэмюэл Элиас (1775–1816), – один из сильнейших тяжеловесов той эпохи. Его сын, по прозвищу «Молодой Голландец Сэм» (1808–1843) в 20–30-х годах XIX столетия считался чемпионом мира в полусреднем весе и за всю карьеру ни разу не потерпел поражения. Среди британских пионеров бокса почетное место занимает также Барни Аарон по прозвищу «Звезда Востока» (1800–1850). Он был признан сильнейшим легковесом мира в 1819–1834 годах.

Ýéá Àòòäë

Эти достойные иудейские персонажи были включены в «Международный боксерский зал славы», существующий с 1989 года. Здесь компанию им составили еще три десятка соплеменников, оставивших свой яркий след в мировой истории бокса. Да и за пределами этого почтенного элитного собрания осталось немало евреев-боксеров, в том числе чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр, призеров и участников этих и других престижных турниров любителей и профессионалов.

Кроме того, с 1981 года в израильском Институте физического воспитания и спорта им. О.Ч. Уингейта в Натании открыт «Международный зал славы еврейского спорта», в котором уже тогда значился 31 представитель бокса.

Краткая еврейская энциклопедия называет имена 22 евреев, бывших чемпионами мира по боксу среди профессионалов, и трех олимпийских чемпионов. Этот список отнюдь не полон. Ибо при перепечатке соответствующей статьи из «Энциклопедия Иудаика» в него почему-то не включили трех чемпионов мира в категориях, название которых начиналось со слова junior, видимо, решив, что речь идет о юниорах. Это чемпионы Джек Бернштейн, Муши Каллахан и Джекки Берг. Список этот еще и не точен: так, неправильно указана весовая категория знаменитого Бенни Басса.

Агагага Огггг

В истории спорта остались также имена еврейских боксеров, хоть и не становившихся чемпионами, но добившихся выдающихся успехов. Такие, как, скажем, Джо Хоинский и Лев Тендлер, удостоенные места в том же Зале славы (в отличие от некоторых чемпионов мира, например, Солли Кригера или Боба Олина). Поэтому из-за подобных досадных пробелов наш «метод подачи вразброс» будет достаточно широким.

Из Англии времен Мендозы перенесемся в Америку. Именно там расцвел профессиональный бокс по правилам Маркиза Квинсберри (введены в 1867 году), там он стал мощной индустрией, там явили миру свои таланты многие гении ринга. Впрочем, вполне понятны и причины, по которым уже в начале XX века дети еврейских иммигрантов из царской России стали преуспевать в боксе. С одной стороны, это – жестокая необходимость самоутвердиться на улицах разнообразных Ист-Сайдов в драках с ирландскими и итальянскими сверстниками. С другой – не менее жестокая необходимость зарабатывать на хлеб для многодетных еврейских семей. Наконец, с третьей – неизбывное стремление еврейской диаспоры преуспевать именно в самых популярных видах деятельности аборигенов. Отсюда – и достижения американских еврейских боксеров, бейсболистов, баскетболистов и футболистов (естественно, игроков в американский футбол, а не в европейский «соккер»). Подтверждением этому служит вышедшая в 1997 году книга Аллена Боднера с характерным названием «Когда бокс был еврейским спортом» (When Boxing Was a Jewish Sport).

Егггг Гаггггг.

Ярчайшим примером воплощения в жизнь этой темы является гений бокса Эйб Аттел – Абрахам Вашингтон Аттел (1884–1970). «Великий Эйб», чемпион мира в полусреднем весе в 1901–1904 и 1906–1912 годах, которого многие специалисты считают абсолютно лучшим боксером всех времен независимо от веса (pound per pound). Эйб Аттел получил вторую часть своего имени, поскольку появился на свет в день рождения

первого американского президента. Еще будучи подростком и живя в районе Южного Рынка в Сан-Франциско, Эйб дрался с ирландскими ребятами от 3 до 10 раз на день. Эта школа весьма пригодилась ему в августе 1900 года, когда он провел свой первый профессиональный бой, поклявшись маме, что этот бой будет и последним (в семье уже были два профессиональных боксера – старшие братья Сизар и Монти). Однако увидев гонорар в 15 долларов и неповрежденное лицо Эйба (он победил нокаутом во втором раунде), миссис Аттел поинтересовалась: «Эйби, а когда же следующий бой?» Эйб Аттел, по прозвищу «Маленький Чемпион», в продолжение всей своей карьеры боксировал в полуполулегком «весе пера», но при этом охотно дрался и с более тяжелыми соперниками – и успешно бил их. Его профессиональный рекорд составляет 165 боев, 92 победы (51 нокаут), 10 поражений, остальные бои завершились вничью или без результата. Он начинал как прямолинейный нокаутер (24 из 28 его первых боев), но затем два его великих учителя, Джеймс Корбетт и Джордж Диксон, научили Эйба искусству блоков и нырков, а, главное, внушили, что драться можно и нужно по-умному, сохраняя себя и не калеча противника. В таком красивом и благородном стиле Эйб Вашингтон Аттел продолжил и завершил свою славную карьеру.

Ауòòèèí àÈàèèí ñèè.

В том же 1901 году, когда 17-летний Аттел завоевал чемпионский титул в «весе пера» (полуполулегком), чемпионом мира в «весе петуха» (легчайшем) стал уроженец Чикаго Гарри Харрис (1880–1959) по прозвищу «Человек-Ножницы». Год спустя он прибавил в весе, перешел в другую категорию, где высших достижений уже не имел. Его достойными преемниками на чемпионском пьедестале в легчайшем весе спустя годы были четыре еврейских бойца. В двадцатые годы титулом владели американцы Эйб Гольдштейн и Чарли Розенберг, в пятидесятые – французские евреи, выходцы из Алжира Робер Коэн и Альфонс Халими. Это были прекрасные боксеры, о каждом мы еще поговорим.

Пока же вернемся в Сан-Франциско, где в 1888 году началась профессиональная карьера тяжеловеса Джо Хоинского (1868–1943) по прозвищу «Маленький Джо». Была у него еще одна весьма характерная кличка – «Калифорнийский Террор». Он не был чемпионом мира, но ему случалось драться на равных и нередко побеждать легендарных чемпионов – от Джеймса Корбетта до Джеймса Джеффриса. В 1901 году Джо Хоинский нокаутировал в третьем раунде будущего первого чернокожего чемпиона мира Джека Джонсона, впоследствии – в 1940 году – с большим уважением назвавшего Джо лучшим панчером за последние 50 лет. По иронии судьбы именно Хоинский тренировал Джеффриса в 1910 году перед его знаменитым матчем с Джонсоном. Кстати, тот нокаут был единственным в карьере великого негра до сомнительного боя с Джессом Уиллардом, «Великой белой надеждой», в Гаване в 1916 году, и таковым остался. Джо Хоинского считают лучшим еврейским тяжеловесом всех времен.

І àèñÁÿð

Но не будем забывать, что был в истории бокса блистательный и неповторимый Макс Бэр (1909–1959). Он, абсолютный чемпион мира в 1934–1935 годах, для многих знатоков бокса непостижимо не признаваемый еврейским боксером ни Институтом Уингейта, ни упомянутыми еврейскими энциклопедиями. И это при том, что на фотографиях и кадрах кинохроники отчетливо виден магендовид на его трусах! И что кинофильм, «Боксер и леди» (1933) открывший его славную карьеру в Голливуде, был запрещен к прокату в гитлеровской Германии именно по причине еврейского происхождения Макса Бэра (евреем был его дед по отцу). И еще чемпион широко рекламировал свое еврейство и пользовался поддержкой еврейских деловых кругов. Меня долгое время озадачивали причины игнорирования безусловно самого титулованного боксера-еврея. Уж не ел ли он, не дай Б-г, от плоти живой и не варил ли козленка в молоке его матери? Очевидно, дело не столько в квартеронстве его неалохической крови, хотя Эйхману этого хватило бы с головой, чтобы отправить боксера в газовую камеру, или в его образе жизни – многочисленные громкие романы с актрисами Голливуда, сколько, наверное, в том, что на Максе Бэре лежит грех убийства. В 1930 году, когда на его счету в 28 боях было 24 нокаута (а он обладал невероятной силы ударом), Макс убил на ринге Фрэнки Кэмпбелла, после чего имел проблемы с юстицией и даже бросал бокс. Вернувшись на ринг, он под руководством великого Джека Демпси освоил новую манеру боя, как бы укоротив свои чрезмерно мощные руки. Правда, его стали иногда бить, но зато греха на душу Макс Бэр больше не брал. В июне 1934 года он в феноменальном стиле победил тогдашнего чемпиона мира Примо Карнеру – этот двухметровый итальянский гигант 11 раз побывал в нокдауне до того момента, когда в 11-м раунде рефери остановил бой. Правда, гордый чемпионский титул Макс проносил всего год и потерял при первой же защите – проиграл по очкам Джеймсу Брэддоку, причем, исключительно из-за собственной небрежности и неуважительного отношения к сопернику, чего спорт не прощает даже гениальным внукам евреев. И если в «Зале еврейской спортивной славы» для Макса Бэра места не нашлось, то его присутствие с 1995 года, в «Международном зале боксерской славы» сомнений не вызывает.

Ì àéṣṣè Dìçáí àéṣṣì.

Однако вернемся в десятилетия прошлого века. В 1914 году средневес Эл Мак-Кой, чье настоящее имя Александр Рудольф (1894–1966), нокаутировал в первом раунде титульного боя Джорджа Чипа и стал первым в истории чемпионом-левшой. Звание держал три года.

В 1915 году чемпионом мира во втором полусреднем весе стал английский боец Тед «Малыш» Льюис, чье настоящее имя – Гершон Менделофф (1894–1970). В числе его достижений, помимо двадцатилетней карьеры и 283 боев (215 побед, 71 нокаутом) в шести весовых категориях, значится факт первого в истории использования защитной резинки для зубов – капы (1913). Чемпионский титул «Олдгейтский Сфинкс» (прозвище – от названия одного из районов Лондона) удерживал до 1919 года.

В 1916 году на трон чемпиона мира в полутяжелом весе поднимается Бэттлинг («Драчун») Левински из Филадельфии, настоящее имя Барни Лебрович (1891–1949). Бывший инструктор бокса в американской армии во время первой мировой войны, Бэттлинг владел титулом четыре года и оставил внушительный послужной список в 287 боев (192 победы).

Ààṣṣí è Dìṣṣí

В 1917 году восходит звезда (безусловно, шестиконечная!) величайшего еврейского боксера всех времен в легком весе Бенни Леонарда, настоящее имя Бенджамен

Лейнер (1896–1947). Его статистика потрясает: восемь лет владения титулом, уход непобежденным, в первый год – 14 защит (!), 213 боев, из них 180 побед (70 нокаутом). Бенни Леонард происходил из ортодоксальной нью-йоркской семьи и никогда не выступал в еврейские праздники. По словам одного из журналистов, «Леонард сделал для уничтожения антисемитизма больше, чем тысячи книг». Во время второй мировой войны он служил в военно-морском флоте США. После войны Леонард стал рефери, и умер на ринге дворца спорта «Сент-Николас Арена» от сердечного приступа во время боя, который он судил.

И, конечно же, после рассказа о Бенни Леонарде самое время упомянуть Льва (Лью) Тендлера (1898–1970), бойца из Филадельфии, которого одни считают самым великим левшой в истории бокса, а другие – самым великим из боксеров, не ставших чемпионами. У Льва Тендлера была только одна проблема – в его время в его весе выступал Бенни Леонард. Два их титульных боя (май 1922 и июль 1923) закончились победами чемпиона по очкам. Второй матч между Леонардом и Тендлером был на знаменитой арене «Янки Стэдиум» в Нью-Йорке первым титульным поединком. За 15 лет карьеры Тендлер выиграл 69 боев (37 нокаутом) при 11 поражениях. Он завершил свой жизненный путь удачливым владельцем ресторана в родной Филадельфии.

Аа́и è Èа́и а́а́

Пришли двадцатые годы. На мировых рингах засияли новые еврейские имена. Так, в 1923 году Джек Бернштейн (1899–1945) на семь месяцев прервал чемпионство знаменитого Джонни Данди в первом легком весе. В мае того же года в Нью-Йорке он победил чемпиона по очкам, но в матче-реванше (там же, в декабре) по очкам же и уступил.

В «весе петуха» (легчайшем) чемпионом мира в 1924 году стал Эйб Гольдштейн (1898–1977), а в 1925-м – Чарли Фил Розенберг (1902–1976). Чарли – редкий, если не уникальный боксер, за 65 боев профессиональной карьеры ни разу не побывавший в нокауте.

В том же 1925 году в полулегком весе наступила эра двух уроженцев Киева: Луис «Кид» («Малыш») Каплан (1901–1970) в Нью-Йорке в 9-м раунде победил Дэнни Крамера, – и завоевал чемпионский титул. Затем он перешел в легкий вес и там столкнулся с проблемой: лучшие бойцы этой категории отказывались от встречи с ним. В 1933 году Каплан покинул ринг непобежденным.

В 1927 году, когда Луис Каплан оставил титул короля полусредневесов, в спор за него вступили два других еврея – киевлянин Бенни Басс по прозвищу «Маленькая Рыбка» и Морис Каплан, выступавший под псевдонимом Ред Чепмэн. Победителем в их потрясающем бою, прошедшем в Филадельфии, был, к великой радости своих земляков,

Бенни Басс, родившийся, впрочем, в Киеве, а в Филадельфию попавший в двухлетнем возрасте. Он выступал на профессиональном ринге с 1921 по 1940 годы, провел более двухсот боев, одержал 172 победы, в 1927–1928 годах был чемпионом мира в полусреднем весе, а в 1929–1931 годах – в первом легком весе. Из 28 проигранных боев он лишь дважды уступил, попав в нокаут: в боях против легендарных чемпионов Кида Чоколита (в 1931 году, в 7-м раунде) и Генри Армстронга (в 1937 году, в 4-м раунде).

Віаад Ейті.

В 1926 году чемпионом мира в первом полусреднем весе стал Муши Каллахан (Винсент Шир, 1905–1986). Однако Муши Каллахан четыре года спустя проиграл Джекки Бергу.

В 1927–1929 годах чемпионом мира в «весе мухи» (наилегчайшем) был Иззи (Исроэл) Шварц по прозвищу «Капрал».

Две Олимпиады двадцатых годов XX века принесли золотые медали двум американским евреям – легковесу Сэмюэлу Мосбергу в Антверпене в 1920 году и полусредневесу Джекки Филдсу в Париже в 1924-м. Следует упомянуть о том, что первое еврейское олимпийское золото в боксе завоевал в 1904 году на Олимпийских играх в Сент-Луисе американский тяжеловес Сэмюэл Бергер.

Джекки Филдс из Чикаго (Джейкоб Финкельштейн, 1908–1987) сделал блестящую карьеру на профессиональном ринге. Он дважды завоевывал титул чемпиона мира во втором полусреднем весе (1929–1930, 1932–1933), причем сумел вернуться на ринг после автомобильной катастрофы, в которой ослеп на один глаз. Из 87 профессиональных боев выиграл 74 (30 нокаутом). Именно Джекки Филдс первым в истории бокса удостоился прозвища «Золотой мальчик», став прототипом главного героя одноименного фильма, известного режиссера Рубена Мамуляна (1939 год). При весьма курьезных обстоятельствах Джекки лишился титула: рефери, якобы по ошибке, после выигранного по очкам боя против Янга Корбетта поднял руку соперника, за что в раздевалке получил по морде от менеджера обворованного чемпиона. Потеряв в годы великой депрессии заработанный капитал, экс-чемпион позже доказал, что не напрасно прозван «Золотым мальчиком»: Филдс сумел вновь подняться в бизнесе и умер состоятельным человеком.

Одні Євреї

Тридцатые годы также явили миру немало чемпионских еврейских имен. В июле 1930 года в Нью-Йорке Эл (Абрахам) Зингер по прозвищу «Драчун Бронко из Бронкса» (1909–1961) в первом раунде нокаутировал Сэмми Мэнделла, сделавшись чемпионом мира в легком весе. В ноябре того же года Зингер уступил титул великому итальянцу Тони Канцонери. Но уже в апреле 1931 года в Чикаго Джек «Малыш» Берг из Лондона (Иеуда Бергман, 1909–1991) взял своеобразный еврейский реванш, нокаутировав Канцонери в третьем раунде. Берг, получивший на родине прозвище «Уайтчепельская Ветряная Мельница» (от названия района в Лондоне), провел 192 боя, из которых 157 выиграл (57 нокаутом).

Чемпион мира 1930–1934 годов в полутяжелом весе Макси Розенблюм (1904–1976) получил свое прозвище «Пощечина» за то, что иногда наносил удары открытой перчаткой. Удары же перчаткой закрытой принесли ему 223 победы в 299 боях, проведенных за 16 лет интенсивной карьеры. В статусе чемпиона Макси провел 106 боев и по этому показателю не имеет равных. Подобно своему тезке Бэру, он стал успешным киноактером и шоуменом. Подобно ему же, Розенблюм уступил титул гораздо более заурядному боксеру – Бобу Олину (1908–1956), примечательному для нас прежде всего своим еврейством. Традиции этих мастеров-полутяжей продолжил уже в более близкое к нам время Майк Россман (р. 1955) («Еврейский Бомбардир»). В сентябре 1978 года в Нью-Орлеане он победил техническим нокаутом в 13-м раунде Виктора Галиндеса и завоевал титул чемпиона мира в полутяжелом весе по версии ВБА. Впрочем, уже в апреле следующего года там же он проиграл тому же Галиндесу в 10-м раунде и с титулом распрощался.

Вернемся в тридцатые. Уроженец Туниса Виктор Перец (1911–1945) в 1931 году стал сначала чемпионом метрополии Франции. А в октябре того же года в Париже, нокаутировав во втором раунде Фрэнки Дженаро, Виктор Перец стал чемпионом мира в наилегчайшем весе. Он удерживал звание два года...

Виктор Перец вошел в историю бокса не только как чемпион мира. Его судьба сложилась трагически: в октябре 1943 года он был доставлен в Освенцим вместе с тысячей узников из Франции. Гестаповцы опознали бывшего чемпиона, и он был вынужден боксировать как гладиатор. Сюжеты кинофильмов типа «Триумф духа» или «Боксер и смерть», увы, не были вымышленными. К победной весне 1945 года Перец входил в число трех десятков узников, оставшихся в живых из той тысячи. В марте, перед эвакуацией концлагеря, нацисты расстреляли чемпиона.

Вторая мировая война сыграла роковую роль и в судьбе великого американского боксера Барни Росса, настоящее имя – Берл-Довид Розовский (1909–1967)

по прозвищу «Гордость Гетто». Его жизнь вообще была полна драматизма. Внук раввина, приехавшего из России, попал в сиротский приют после того, как его отец, служивший кассиром в магазине, был застрелен грабителями, а мать от пережитого горя сошла с ума. Подобно кинематографическому Рокки, юный Берл промышлял рэкетом на улицах Чикаго. Легенда гласит, что сам Аль Капоне запретил ему преступный бизнес, сказав, что внуку раввина не пристало быть гангстером, и дав 20 долларов на новую жизнь. В этой новой жизни талантливый еврейский парень состоялся сначала как классный боксер-любитель, а затем уже и как великий профессионал. Победив в 1933 году уже знакомого нам Тони Канцонери, он стал первым чемпионом мира в двух весовых категориях одновременно – в легкой и первой полусредней. С 1934 по 1938 годы он становился чемпионом даже в трех категориях, побеждая самых крутых боксеров и всегда предоставляя соперникам возможность реванша. Барни Росс отличался смелостью и благородством. В его послужном списке 74 победы в 82 боях и лишь 4 поражения, причем только по очкам. Ни разу он не был даже в нокдауне, хотя его последний в жизни бой против великого «Урагана» Генри Армстронга был невероятно тяжелым. Когда началась война, Барни Росс, не подлежавший призыву по возрасту, ушел добровольцем в морскую пехоту. В боях против японцев он заработал награды и кучу ран и болезней, включая малярию и дизентерию, от которых врачи спасали его морфием. Чемпион вернулся с фронта тяжелым наркоманом, постепенно скатился на самое дно, но нашел в себе силы пройти курс лечения и вернуться к достойной жизни. По книге его воспоминаний в 1957 году был поставлен кинофильм «Обезьянка на моем плече». В последние свои годы Барни Росс, повторяя судьбу первого абсолютного чемпиона мира Джона Салливена, ездил по Штатам и читал лекции о вреде наркотиков и алкоголя.

В тридцатые годы чемпионами мира в среднем весе побывали: в 1932–1933 годах Бен Джеби (Моррис Жебалтовски) и в 1938–1939 годах – Солли Кригер.

Годы пятидесятые открыли двух классных боксеров легчайшего веса, приехавших во Францию из Алжира, – Робера Коэна (р. 1930) и Альфонса Халими (р. 1932), о них мы уже упоминали. Судьбой обоих этих сефардов манипулировал известный французский промоутер Жильбер Бенаим (Бен-Хаим). В 1954–1956 годах титулом чемпиона мира владел Робер Коэн. Затем в странном бою с глухонемым итальянцем Марио Д'Агата судьи отняли у него заслуженную победу, а в апреле 1957-го итальянец ложится под Альфонса Халими, и тот становится чемпионом мира. В этой истории много тайного, но известно, что Коэн слишком часто боксировал в Бангкоке, где приобщился к миру наркотиков. Видимо, это определило кадровую политику Бенаима.

Соотечественник-соплеменник Коэна и Халими Фабрис Бенишу в 1989–1991 годах был чемпионом мира в полулегком весе по версии ИБФ. В разные годы чемпионами Европы становились английские боксеры: Аншель Джозеф (1910, полусредний вес), Мэтт Уэллс (1911–1912, легкий), Гарри Мэйсон (1923, легкий), Джонни Браун (1923, легчайший), Эл Филипс (1947, полулегкий) и французские боксеры: Альбер Ивель (1950–1951, полутяжелый), Жильбер Коэн (1978, первый средний) и Жиль Эльбилия (1983, полусредний).

Самым выдающимся из многочисленных советских боксеров-евреев является заслуженный мастер спорта СССР и заслуженный тренер СССР Лев Сегалович. Он был шестикратным чемпионом СССР в наилегчайшем весе (1940–1948) и воспитал Олимпийского чемпиона Вячеслава Лемешева (Мюнхен).

И, коль скоро мы заговорили о тренерах, нужно сказать о Чарльзе (Израэле) Гольдмане (1887–1968), воспитавшем четверых чемпионов мира, среди которых – великий

Рокки Марчиано. Вполне может быть, что именно из-за знакомства сценариста с его судьбой на экране и появился старый тренер-еврей у Рокки.

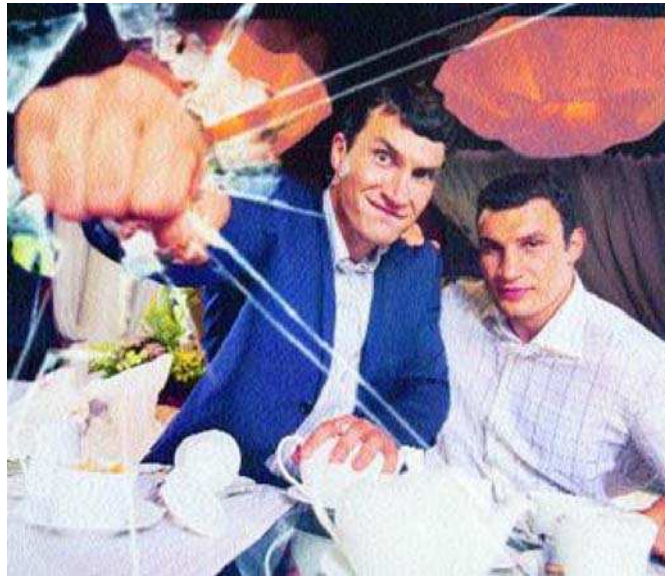
Нельзя не назвать самого успешного тренера в истории профессионального бокса Рэя Арсела (1899–1994). За семьдесят лет работы он подготовил более двух тысяч боксеров, в том числе двадцать чемпионов мира. Среди них пять наших героев: Э. Гольдштейн, Ч. Розенберг, Д. Берг, Б. Росс и Б. Олин, а также такие гиганты бокса, как Джеймс Брэддок, Эззард Чарльз и Ларри Холмс.

Когда питомец Чарли Гольдмана Рокки Марчиано побеждал великого черного чемпиона Джо Луиса в своем последнем в жизни бою, судьей на ринге был легендарный рефери Руби Гольдштейн (1907–1984). Настоящее имя – Реувен, прозвище – «Драгоценность Гетто». За долгое время судейской карьеры с 1943 по 1964 год он провел 39 титульных боев, в том числе: Джо Луис против Джерси Джо Уолкотта и Ингемар Юханссон против Флойда Паттерсона.

Множество еврейских имен мы найдем и среди известных менеджеров и промоутеров. Традиции знаменитого Майкла Штрауса Джекобса (1880–1953), организовавшего карьеры таких титанов, как Джо Луис и Рэй Робинсон, достойно продолжили в последующие годы другие его еврейские коллеги. Например, Сэм Беккер, Генри Марксон, Герман Тэйлор, Сэм Сильверман (организовал 32 боя Рокки Марчиано из 49), Арчи Литман, Джек Соломонс, а в наше время – Боб Арум и Седрик Кушнер.

В спортивной журналистике также остались славные имена еврейских специалистов бокса. Это, прежде всего, Нат Флейшер (1887–1972), опытнейший рефери и авторитетнейший историк бокса, основатель самого солидного журнала «Ринг» (1922) и самого престижного «Международного Зала боксерской славы». Это выдающийся радио- и телекомментатор Сэм Тауб (1886–1979), который провел первый в мире телевизионный репортаж с боксерского матча (1938), а всего их у него было более семи тысяч. Это Лестер Бромберг (1909–1989), многолетний обозреватель газет «Нью-Йорк Уорлд Телеграм» и «Нью-Йорк Пост». Их достойными наследниками сегодня являются Хэнк Каплан, Майкл Катц и, конечно же, Владимир Гендлин.

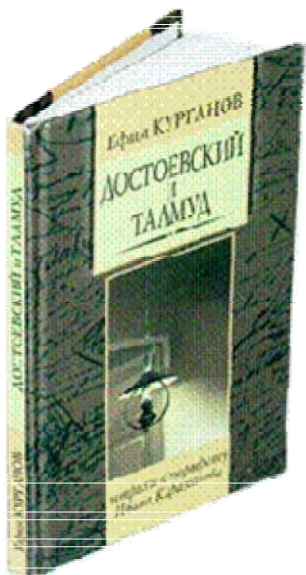
Отмечу, что не только у меня интерес к профессиональному боксу, но и у многих любителей этого мужественного вида спорта пробудили книги Стива Шенкмана «Восемь, девять, ауг...» и Валерия Штейнбаха «Бизнес большого ринга».

Адаоцү Еёё-ёі.

Напоследок – о земляках, современных звездах мирового бокса. Но сначала романтическая история... Украинское местечко заняли фашисты, и юный хлопец долгие месяцы с риском для жизни прятал в подполе юную еврейку Тамару Этинзон, чьи родные погибли от рук нацистов. Поженились, а после войны как бывших в оккупации их сослали. После сталинщины их сын Владимир стал офицером. Его сыновья, родившиеся в Киргизии и Казахстане, росли в Киеве и ныне живут в Германии. По-немецки у них «говорящая» фамилия: Klitsch – означает «удар», а окончание ее по боксерской терминологии в пору толковать как «нокаут» – К.О. Многие убеждены: двухметровые великаны-атлеты братья Виталий и Владимир Кличко были и еще не раз будут чемпионами мира.

Нужны ли еще какие-либо доказательства еврейского присутствия в боксе? На самом деле, их еще более чем достаточно, но вековые традиции милосердия предписывают закончить наш долгий рассказ.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2003 КИСЛЕВ 5764 – 12(140)

ДОСТОЕВСКИЙ И ГЕШТАЛТ – ПСИХОЛОГИЯ, ИЛИ РОССИЯ – РОДИНА
ТАЛМУДА

Ἀοεὶ Ἐδδαί τᾶ

Ἀποῖ τᾶ τᾶ εὐ δαεὶ αἶ

Ἰ ᾶ εῖ εἶ αἶ δῖ. «ῤῥῥῥ», 2002 –

142 ἦ

Ἰ εὐ δῶ εἶ Ἰ δῖ εἶ δῖ αἶ

Владимир Набоков в «Пнине» характеризует убогий уровень провинциальных американских университетов при помощи краткого перечня тем для «научных исследований» – тем заведомо дурацких, но, что называется, «проходных», способных вызвать интерес полуграмотных журналистов и тем самым заработать «паблисити». «Коммунист ли русский народ?», «Дон Кихот и Фауст», «Достоевский и гештальт-психология»... Если помните, гештальт-психология, – научное направление, возникшее уже после смерти Достоевского, рассматривала человека как целостность, и пыталась объяснять через гештальт-психологию внутренне противоречивых персонажей Достоевского заведомо лишено смысла.

Однако «Достоевский и Талмуд» – это, кажется, слишком сильно даже для провинциального американского университета. Г-н Курганов, «доктор философии и доцент русской литературы из Хельсинки», утверждает, что роман «Братья Карамазовы» несет на себе влияние Талмуда, что центральным «талмудическим» персонажем романа является Иван Карамазов и что его «талмудическая» программа отбрасывается Достоевским «не потому, что она плоха, а наоборот – потому что она во многом справедлива и, главное, в основных тезисах по-настоящему гуманистична» (с. 114,115). Психиатра заказывали?

«Логика» финляндского гостя поистине замечательна:

1) Иван Карамазов – талмудист, потому что логика Талмуда должна привести к выводам Ивана;

2) Достоевский «мог знать», что такое Талмуд, так как в 70-е годы XIX века были изданы две журнальные статьи о Талмуде, которые Достоевский мог прочитать (хотя автор «исследования» вынужден признать, что никаких свидетельств того, что Достоевскому было что-то известно об этих статьях, нет);

3) Достоевскому, несомненно, важно было узнать, что же на самом деле антихристианского в таинственном Талмуде (с. 25).

Итак, первый довод – Иван Карамазов – талмудист. На чем основывается подобное утверждение? Практически исключительно на том, что Иван отрицает искупительную жертву. Действительно, отрицание искупительной жертвы есть идея антихристианская. Но утверждать, что всякий, отрицающий искупительную жертву, есть талмудист, может означать одно из двух: либо противоположность христианского учения и талмудического дискурса сводится к вопросу об искупительной жертве, либо

неприемлемость искупительной жертвы является центральным вопросом Талмуда. Доказывать неправомочность обоих предположений излишне.

Ближе к концу исследования обнаруживается, правда, еще один «довод» в пользу талмудизма Ивана Карамазова. Направляясь к Смердякову, Иван сталкивается на дороге с пьяным мужиком и бросает его в сугроб. А, возвращаясь от Смердякова, видит его, лежащего все там же, и принимается яростно спасать. Расшифровать этот «загадочный» эпизод автор предлагает через талмудическое изречение: «Не толкай пьяного, он и сам упадет», которое, как он полагает, Достоевский мог услышать от философа Вл.Соловьева, увлекавшегося Талмудом. По этой логике талмудистом, впрочем, оказывается Смердяков: ведь до тех пор, пока Иван у Смердякова не побывал, он и в мыслях не держал, что не надо толкать пьяного. Да и таскать на себе пьяных... Сколько помню, талмудические мудрецы этим не увлекались...

Кстати, в исследовании (с. 76-79) излагаются идеи Ивана, которые истинный талмудист – верующий еврей – не может характеризовать иначе, как нелепость и кощунство. И утверждение г-на Курганова, что Иван «не говорил, что Б-га нет и все позволено, а только подчеркивал: если считать, что Б-га нет, тогда все позволено», просто-напросто противоречит тексту романа.

Почему не поискать карамазовской философии где-нибудь поближе Суры и Пумбедиты? У позитивистов XIX века, например, или у тех же русских «нигилистов», против которых был обращен пафос «Бесов»?.. Помесь западного материализма с экстремистским («остервенелым») гуманизмом русской интеллигенции в 70-е годы позапрошлого века давала что-то весьма близкое логике Ивана. Если вкусу вашему претят занудные писатели-народники (очень вас понимаю), достаточно перечитать мемуары Короленко, там таких Иванов с полдюжины разгуливает...

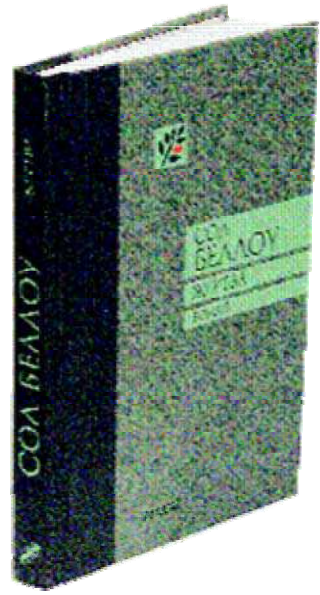
Довод второй: Достоевский «мог знать», что такое Талмуд. Далее по тексту утверждается, что он «определенно знал». Откуда? Ведь нет ни малейших свидетельств того, что Достоевский когда-либо читал хотя бы одну из двух опубликованных в то время на русском работ о Талмуде – книгу английского гебраиста Эм. Дейтша (СПб., 1877) или сборник афоризмов «Мировоззрение талмудистов», изданный годом раньше. Высказывается предположение, что писатель узнал о Талмуде от Вл. Соловьева, с которым он действительно встречался в 1878 году, когда разрабатывал идею «Братьев Карамазовых»: «При этом была затронута и судьба христианства. Я лично думаю, что они говорили и об антихристианстве. Тут-то и должен был всплыть Талмуд» (с.95).

Беда, правда, в том, что Соловьев заинтересовался Талмудом лишь в 1881 году. Но это Курганова не смущает: он обнаруживает, что в конце 1879 года Соловьев познакомился с историком и востоковедом Ф. Гетцем и под его влиянием заинтересовался Талмудом.

Что? Конец 1879 года тоже слишком поздно? Не беда: «Интерес русского философа к Талмуду сформировался даже до 1879 года, может быть, все с того же сборника “Мировоззрение талмудистов”, который, видимо, его заинтересовал сразу же по выходе» (с. 98, 99). Соловьев цитирует этот сборник – правда, только в работе 1886 года. Но Курганову этого достаточно: «Конечно же, Соловьев впервые прочел сборник “Мировоззрение талмудистов” не в 86-м, а именно в 76-м году, сразу».

И, наконец, довод третий: Достоевскому «важно было узнать таинственный Талмуд». Почему? Здесь никаких доводов вообще не приводится. «Несомненно» – и все тут.

В результате г-н Курганов дописался до того, что «в России в сфере художественного творчества, во второй половине 19 столетия существовала особенная талмудическая традиция» (с.82). И далее – что у русской образованности вообще «талмудические корни» (с.83). Бред, ахинея, Фоменко с фон Деникеном в одном лице? Может быть. Но ведь – печатают. Издают. СМИ вокруг хороводы водят... А докторам философии из провинциального Хельсинки того и надо.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2003 КИСЛЕВ 5764 - 12(140)

ЖЕРТВА ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Νῆ Ἀσέεῖα

Ἐὰδὸ ἄι

Ἰ. : Οἰεῖο, 2003 - 316 ἴ

Ἄι εὐὸδὲ Ἰ δῖεῖοῖα

Издательство предварило роман двумя аннотациями. В первой сказано, что «Жертва» рассказывает «о сложных отношениях, складывающихся с миром и самим собой у журналиста Асы Левенталья, которому то и дело напоминают, что он еврей». Во второй – что «журналист Аса Левенталь становится жертвой собственной порядочности и доброты». Слава Б-гу, авторский замысел гораздо глубже и интереснее обеих этих поверхностных формулировок, недаром Сол Беллоу – нобелевский лауреат и один из самых читаемых американских прозаиков.

У героя романа, Асы Левенталья, отношения с миром складываются как раз достаточно сносно. Не получив, за нехваткой денег, достаточно серьезного образования, он, тем не менее, сумел приобрести интеллигентную профессию и прочно войти в средний класс. Машины, правда, нет (на дворе сороковые годы, автомобиль могут себе позволить далеко не все), но приличный заработок, просторная квартира, вполне подходящая (может быть, даже любимая, хотя с любовью у Асы Левенталья получается хуже, чем с работой, – что поделать, американец) жена... Казалось бы – чего еще человеку надо?

Но вот что касается отношений с самим собой – тут у героя все плохо. Низкая самооценка, неуверенность в себе на грани патологии, постоянное чувство вины – вот три составляющие, которые обрекают Асу Левенталья на внутренний разлад. Его отношение к собственному жизненному пути исчерпывается истеричным: «Я продрался». Место в среднем классе представляется ему незаслуженным, случайным: он «чуть не смешался с той частью человечества, о которой часто раздумывал... С потерянными, отверженными, униженными, перечеркнутыми, гиблыми».

Соответственно, от окружающих он все время ждет удара – отсюда и отсюда, и ощущение, будто ему «то и дело напоминают, что он еврей». Что, собственно, в том, что человек в Нью-Йорке еврей? Текст романа достаточно густо населен еврейскими персонажами, которым не надо ничего «напоминать», они и так прекрасно знают, «откуда есть пошли», и у них с этим – никаких проблем. А Аса видит в своем еврействе (достаточно, впрочем, поверхностном, ибо сильно американизированном) прежде всего повод к тому, чтобы «другой», нееврей, ненавидел и/или презирал его, и/или замышлял против него недоброе. Недаром его друг Гаркави в конце концов характеризует Асу как носителя «психологии гетто».

Пока за таким человеком есть присмотр (жена, тот же Гаркави), пока кто-то оберегает его от действительных и мнимых бед, он еще способен функционировать нормально. Но вот он на время остается один – и не избежать ему стать жертвой обстоятельств. Только вот каких?

По сути, любые обстоятельства превратят его в жертву. Однако «жертвой собственной порядочности и доброты» Аса Левенталь выглядит не слишком. За время отсутствия жены на героя обрушиваются два несчастья – во-первых, тяжело заболевает племянник, а во-вторых, его принимается постоянно преследовать некий Керби Олби, американский вариант чиновника Мармеладова из «Преступления и наказания». В истории с племянником Аса ведет себя достаточно двусмысленно: он с самого начала понимает, что ребенка надо срочно госпитализировать, но долгое время предпочитает не ввязываться в конфликт с неряшливой золовкой и ее малограмотной мамашей. В результате малыш попадает в больницу слишком поздно и умирает. И тут обнаруживается, что наш интеллигентный Аса, способный с поистине «достоевским» мазохизмом копаться в собственных, подлинных и мнимых, обидах, не может по-человечески посочувствовать отцу ребенка – собственному брату. Он бежит, даже не попрощавшись.

Не следует, однако, думать, что автор осуждает своего героя. Скорее, ему Асу – опять же «по-достоевски» – жалко. И он подбрасывает своему герою – как бы для «уравновешивания» настоящей беды – «беду» комическую, Мармеладова-WASP, доставляющего уйму мелких неприятностей, но неспособного, разумеется, вызвать действительно глубокую эмоциональную реакцию.

Надо сказать, Керби Олби – существо настолько же литературное, насколько литературны все мазохисты Федора Михайловича. Как говорил другой русский (и американский) классик – «существо немножко слишком поганое, чтобы быть подлинным». Читателю вольно считать его воплощением подсознательных комплексов Асы Левенталь или даже его «альтер эго», хотя бы и преломленным в кривом зеркале (в пользу такого истолкования говорит отчетливое сходство двух истерических характеров и общая убежденность: «весь мир против меня»). Точно так же читатель может рассматривать Олби как концентрированное воплощение всего омерзительного, что окружает героя в этом мире, то есть в полном смысле слова антитезу Левенталь. Оба истолкования имеют право на существование – наверное, именно такая возможность противоположных истолкований отличает настоящую литературу. Так или иначе – поганец (писатель без еврейского опыта наверняка назвал бы его недочеловеком) превращает внешне налаженную жизнь Левенталь в комический вариант преисподней, ставит все вверх дном и тем самым...

А что – «тем самым»? Показывает хаос комплексов, беснующихся под тонким слоем «налаженной жизни» героя (вплоть до того, что, пытаясь покончить с собой, Олби чуть не отравил Левенталь)? Или наоборот – отвлекает героя от действительно горестных обстоятельств, помогая тем самым их пережить? Вот опять – предлагаются на выбор два взаимоисключающих истолкования, оба возможны, оба не противоречат тексту.

Чем может завершиться такая постмодернистская, по сути, обманка под Достоевского (или, если хотите, – попытка проверить Достоевского реальностью)? Разумеется – все должно вернуться на круги своя, все должно успокоиться. И действительно – приезжает жена Левенталь и простирает над ним свои заботливые крыла; затем вновь приходит на помощь старый друг Гаркави и устраивает ему более солидную должность. И даже Олби появляется в заключительной сцене «пристроившимся» возле стареющей кинодивы – на сей раз абсолютно не сходным с Левенталем (как, впрочем, и с самим собой – прежним: так измениться может разве только персонаж из сна или литературы). Все в порядке – даже более того, через несколько месяцев должен родиться младшенький Левенталь, плоть от плоти, кровь от крови... Гаснет свет в зрительном зале, билетерша проводит героя с женой на их места, и только где-то с предыдущей страницы

еще откликается последним эхом реплика Олби: «Когда ненавидишь себя, про всех остальных, видимо, забываешь»...

А ведь, по правде говоря, Олби не столько «ненавидел» себя, сколько жалел – мерзко, по-мармеладовски, юродиво, размазывая слезы и сопли по небритой физиономии. По внешним проявлениям вроде бы совсем не так, как жалел и продолжает жалеть себя Аса Левенталь...

Óèèèì Ðíò

(1933 ãä) – àì àðèèàì ñèèé ìèñòàèü Èàóðàòò ì ìíæàñòàì èèòàðàòòðíüò ìðàì èé. Á 2003 ãäó àìààèàèüñü ìà Ííàèèàèèòò ìðàì èð. Íðèíàðàèè èèðíèòòò èçàñòòííòü ñàíæ ìàðàé æà ìíàñòüò «Íðíàé, Èíèòí à» (1959). Ààòíð ðàñíèàçíà ðíì àííà ÿññà Ìèøàò Õ. Ðíò ìí ìðàèì òíàñòàò ì æèçíè ààðàèèèèòò èì ì èàðàì òíà à Àì àðèèà ìà àññì ìðíòÿæàííèè XX àèèà Ðàñíèàç «Àèòàà çà Ààðííà Áíèèà» ì àì à-àòàì à ñàìðíèèè «Ëò-øèà àì àðèèàì ñèèà ðàñíèàçíü 1959 ãäà».

Битва за Аарона Голда

Óèèèè Ðíò

В лагере было жарко. О чем-то щебетали две птички, а вдалеке Вернер слышал монотонный гул. Пока он тащился вверх по тропинке, гул становился все громче, и наконец он увидел впереди урчащий черный приземистый агрегат, около которого кружили человек пять мужчин. Мужчины делали дорогу. Тут Вернер и заметил, что идет не по грязи, не по траве, а по асфальту. Он поставил чемодан.

– А чем, по-твоему, я здесь, Анджело, занимаюсь, черт подери? – орал один из мужчин. На нем была клетчатая кепка, белая тенниска с надписью «Лагерь Лейксайд» на груди и рыжие брюки. – Ты хоть понимаешь, будет-то что? Анджело! Ты меня слышишь?

– Да слышу я тебя, Лайонел, слышу, – ответил смуглый крепыш в рабочем комбинезоне.

– А будет вот что: родители привезут сюда детей. Через пять дней, Анджело, через пять, чтоб им, дней.

– Слышу я тебя, Лайонел, слышу.

– И я, Анджело, хочу, чтобы они могли доехать на машинах прямо до коттеджей. Если ты не можешь доделать работу, я найму другого. Ты меня понял, Анджело?

– Я тебя понял, Лайонел. Я тебя слышу, и я тебя понял.

– Пять, чтоб им, дней, иначе я найду другого!

Анджело прошаркал к другому боку машины.

– Да, пять, чтоб им, дней, Лайонел. Все ясно. Хорошо. Пять, чтоб им, дней...

– Мистер Стейнберг! – позвал Вернер.

– Вернер! Вернер Самуэльсон! – Мужчина в кепке кинулся к нему, приобнял его потной рукой. В спортивной одежде он совсем не походил на того бизнесмена в сером костюме, который в марте неожиданно заглянул в гончарную мастерскую Вернера в Филадельфии и предложил ему работу. – Ну, как ты, Вернер?

– Жарковато у вас.

– Переодевайся и иди на озеро – окунись, Б-га ради, – ты же за городом. – Мистер Стейнберг неожиданно убрал руку с плеча Вернера. – Анджело! – И он кинулся за крепышом. – Вернер, – прокричал он на ходу, – мы с тобой потом поговорим... Анджело, бога ради!

Вернер не без труда отыскал новую гончарную мастерскую, где ему предстояло и жить, и преподавать. Приняв душ и распаковав чемодан, он уселся за гончарный круг, стоявший на веранде бревенчатого домика, и принялся мять и крутить кусок глины, превращая его то в вазу, то в тарелку, то в чашку, а ту – сначала в блюдце, а потом снова в вазу. С веранды ему были видно озеро, большое и синее, а за ним – холмы и пологие зеленые склоны Беркширских гор. Он вспомнил, что с 1940 года, когда немцы выгнали его из мастерской в южной Австрии, ему не случилось проводить лето за городом; последние четырнадцать лет денег от филадельфийской мастерской едва хватало, чтобы кое-как перебиваться, а уж ни о каком отдыхе и речи быть не могло. По сути дела, не предложи ему Стейнберг учить детей гончарному делу за шестьсот долларов плюс жилье и питание, Вернеру, видимо, пришлось бы опять во время жарких летних месяцев, когда заказчиков днем с огнем не сыскать, есть и вовсе раз в день. И в довершение всего, вполне вероятно, ему бы пришлось отказаться от единственного, что у него осталось, – от мастерской. А теперь, когда наступит сентябрь, он, с шестьюстами долларов в кармане, да если хоть чуточку повезет, может еще разок попытаться счастья с мастерской. Да, его ожидают девять недель в обществе ста визгливых мальчишек, но все равно предложение Стейнберга было подарком судьбы.

На другом берегу озера, на верхушке белой деревянной вышки Вернер увидел человека в белых плавках, махавшего ему рукой. Он выглядел так, словно его взяли за волосы и окунули в бронзовую краску. Мистер Стейнберг упоминал о том, что больше Вернера будет получать только некий мистер Лефти Шульберг, инструктор по плаванию, – скорее всего, это он и был. Стейнберг сказал, что раньше Лефти Шульберг был профессиональным баскетболистом и в каком-то фильме про Тарзана боролся под водой с Джонни Вайсмюллером. Вернер увидел, что человек перестал махать рукой, подпрыгнул и бросился головой вниз с вышки в озеро, напоминая при этом, подумал Вернер, скорее самолет, чем чайку.

Гончарная мастерская находилась в дальнем конце лагеря, более чем в полумиле от входа. Дни мелькали один за другим, и Вернер слышал, как асфальтовый каток, грохоча, продвигается от подъездной дороги к самому лагерю. Не через пять дней, как того требовал мистер Стейнберг, а уже через четыре Анджело выровнял и заасфальтировал дорогу. Однако шум не прекратился. Это начинание пришлось по вкусу многим родителям, и мистер Стейнберг заасфальтировал и другие магистрали лагеря; парни Анджело должны были начать с дороги, спускавшейся серпантинном к озеру Лефти Шульберга. Вернер радовался, что выбор не пал на тропинку, ведущую к гончарной мастерской.

В тот день, когда первая дюжина мальчишек вторглась в мастерскую Вернера, гул мотора – он был еще сравнительно далеко – не очень беспокоил. Предыдущим вечером Вернер узнал, что согласно расписанию каждый мальчик должен был проводить в гончарной мастерской три часа в неделю, но не более часа в день. В конце концов он пришел (понимая, что тем самым нарочно тянет время) к решению, что в первый день позволит им походить и поприглядываться. Однако по истечении первого получаса, когда мальчишкам надоело ходить и присматриваться – один из них уже стукнул приятеля

костлявым локтем по темени, – Вернер собрал их у гончарного круга и стал показывать, как работать с глиной. Пока он этим занимался, все двенадцать тупо смотрели на него. Чем слегка вывели его из равновесия.

– Это, – сказал им Вернер, – называется гончарным кругом. Покончив с терминологией, он не слишком уверенно переключился на историю. – Человек использовал его много сотен лет для изготовления красивых и полезных вещей.

На двенадцать мальчиков это не произвело никакого впечатления, они продолжали пялиться на Вернера. Он, хотя никакой необходимости в этом не было, откашлялся. – При помощи гончарного круга люди собственными руками создавали вазы и кувшины, чашки и блюда, горшки и миски, сосуды и... и бутылки. Они делали такие большие сосуды, что в них запросто могли бы поместиться двое вот таких, как вы, мальчишек. – Толстый мальчик во втором ряду заволновался. – Но держали они в них зерно, иногда воду, – поспешно добавил Вернер, – только не мальчишек. – Послышался вздох облегчения.

– Люди – кто их знает, кто они были, – всегда старались, чтобы эти сосуды получились покрасивее и пофигуристее. – Кто-то хихикнул. – Они раскрашивали их золотым и алым, голубым и зеленым, а по бокам рисовали картинки – из легенд и преданий. Прошло сотни лет, и люди наконец поняли, насколько счастливее они были бы, если бы окружали себя красивыми вещами – прекрасными произведениями искусства.

– Послушайте, – крикнул мальчик в очках и бейсболке, которая была ему велика. – Послушайте, мистер Вернер, а можно я поработаю на круге? – Снова посыпались смешки.

– Да, – сказал Вернер. – То есть, нет. Не сразу. – Смешки перешли в ритмичную, с интервалами в полминуты, икоту. – Чтобы научиться им пользоваться, нужно время.

На это мальчик в бейсболке презрительно крикнул – непочтительность была умеренной, ею можно было и пренебречь, и Вернер, загнанный в угол, поспешно предложил: вместо того чтобы работать за кругом, пусть каждый возьмет по пригоршне глины, сядет на скамейку – их на веранде было несколько – и спит, что захочет. Глину расхватили, и Вернер прошмыгнул на другую сторону веранды покурить – иначе ему было не выдержать; ему уже казалось, что на веранде не двенадцать мальчишек, а гораздо больше.

Он прикурил сигарету, бросил горелую спичку на дорожку и, чтобы успокоиться, стал считать желтые подсолнухи, клонившиеся на дорожку. Он курил долго, глубоко затягивался; вместе с дымом он вдыхал чуть заметный запах асфальта.

На середине второй сигареты он услышал три настойчивых свистка, затем еще три. Тут же на той стороне террасы загрохотали скамейки, зашаркали подошвы, а когда Вернер прибежал посмотреть, что случилось, половина мальчиков уже выскочили наружу, а остальные, повскакав со скамеек, торопились за ними следом.

Вернеру удалось ухватить одного мальчишку за синие шорты.

– Куда это вы?

– Чего? У нас сейчас плавание, мистер Вернер. Дядя Лефти только что дал свисток. Нам пора плавать.

– Вот как?

– Слышите, отпустите меня, а? – Мальчик дернул головой в сторону зажатых в кулаке Вернера шортов.

– Извини.

Мальчишка рванул прочь, одним махом перескочив через три ступеньки. Вернер взглянул на озеро. На вышке Лефти Шульберг поднес ко рту мегафон и нацелил его на гончарную мастерскую.

– Парни с глиняной фабрики, давай сюда! Плавать пора! Бегом марш! – Мегафон держал мальчишек под прицелом. – Кто доберется сюда последним, получит по заднице!

Мальчишки завизжали, а Лефти расхохотался в мегафон.

Вернер оглянулся на скамейки: четыре из двенадцати кусков глины так и лежали комки-комками; еще пять были ловко скатаны – шары, очевидно, означали бейсбольные мячи. Два были блинами размазаны по скамьям. Один, по-видимому, так и задумывался блином, а на другом были вырезаны инициалы. Либо это была пепельница без бортиков, либо блин с инициалами. Так и не обнаружив двенадцатого куска, Вернер собрал остальные вместе и направился в кладовку. Но тут заметил, что в дальнем углу веранды что-то стоит на полу, и пошел туда. Это оказалась маленькая глиняная фигурка – судя по всему, рыцарь, на чьей груди красовались доспехи и чьи хилые ножки вряд ли сослужили бы ему службу в битве с драконом покрепче и пошустрее. Вернер смял все бейсбольные мячи и блины в один ком и, взяв шаткую фигурку рыцаря в правую руку, отнес все в кладовку.

Спустя несколько дней, которые выдались жаркие и солнечные, в мастерскую ворвалась та же дюжина мальчишек, но Вернер не стал спрашивать, кто слепил рыцаря. Он просто раздал глину и начал прохаживаться между скамейками. И, естественно, через пять минут один из мальчиков уже сидел по-индейски на корточках в углу, повернувшись к остальным спиной в линиялой тенниске. Когда шесть раз просвистел свисток и все кинулись к озеру, Вернер подошел к мальчишке и сказал, что хочет с ним поговорить. Он спросил, как его зовут.

– Аарон, – ответил мальчик.

– А дальше как?

– Аарон Голд, мистер Вернер, – сказал мальчик. – Я теперь буду играть со всеми, обещаю.

– Что?

– Вы будете на меня жаловаться? – спросил Аарон.

Вернер ответил, что ему просто понравился рыцарь Аарона, и, если понадобится, он готов ему помочь.

– Можно мне одному поиграть? – спросил Аарон. – Дядя Ирв говорит, мы должны учиться играть вместе.

– Кто такой дядя Ирв?

– Он здесь старший – то есть старший вожатый. Он говорит, не надо нам играть поодиночке. И дядя Лефти то же самое говорит. Это вредно.

Вернер оглядел мальчика с головы до ног. Лет восьми, худенький, недокормленный, на вид усталый. Волосенки светлые, тоненькие – точно мишура, глаза огромные, карие, а на щеках удивительный светлый пушок, словно на персике.

– Тебе надо идти плавать.

Мальчик не пошевелился, только так низко склонил голову, что подбородок чиркнул по впадине на груди.

– Давай, отправляйся плавать.

Мальчик не тронулся с места.

– Да нет, – вздохнул Вернер. – Жаловаться на тебя я не буду, обещаю.

Вечер выдался жаркий, воздух был вязкий, и поэтому Вернер вышел прогуляться по дорожке. Он размышлял о том, как побудить мальчиков перейти от блинов и мячей к следующей стадии, и тут столкнулся с мистером Стейнбергом и Анджело. Мистер Стейнберг размахивал руками и тыкал ими в небо – так, словно злился на луну, а Анджело шел, засунув руки в карманы.

– ...если родители хотят ездить по асфальту, значит и я хочу, чтобы они – я тебя умоляю – ездили по асфальту. Анджело, если ты меня не хочешь понять, может, кто другой поймет? Ты думаешь, что у меня тут, черт подери?

– У тебя тут лагерь, Лайонел, детский лагерь. Всё будет сделано, Лайонел. – Анджело дернулся в сторону. – Отпусти меня домой, а?

Вернер, не выходя из-под деревьев, поздоровался со Стейнбергом.

– Вернер! – Стейнберг тут же поспешил к нему. – Прогуляться решил, а, Вернер?

Вернер сказал, да, именно что прогуляться.

– Вот и хорошо, Вернер, – сказал Стейнберг. – А я как раз разговаривал с Анджело. Он будет асфальтировать твою дорожку, чтобы успеть к родительскому дню. Вернер, сделай одолжение, как он начнет, води детей в обход, по траве, ладно?

Вернер кивнул.

– Очень хорошо, – улыбнулся Стейнберг. – Да, кстати, – будто бы между прочим продолжил он, – Лефти Шульберг сегодня утром слегка обиделся. Вроде бы мальчишка Голд пришел на плавание на пятнадцать минут позже. Ты уж подумай, что с этим можно сделать, а, Вернер?

– Что-что?

– Я вовсе не хочу сказать, что ты его задержал. Я детей знаю – они уж как заведутся или там заиграются... Ты уж напоминай ему, чтобы он вовремя уходил. – Он понизил голос и добавил доверительно. – Лефти говорит, мальчишка со странностями. Плавать его учить – сплошная морока.

– Со странностями?

– Ага. Сам понимаешь, родителям чего хочется – приехать и увидеть, что их чада плавают как рыбки.

Вернер ответил, что да, похоже, это так.

– Да только понимаешь, Вернер, – сказал, уходя, Стейнберг, – даже старина Лефти не может научить того, кого нет на занятиях.

– Мистер Стейнберг...

– Чуть не забыл, – обернулся Стейнберг. – К родительскому дню каждый из парней должен что-нибудь сделать. Родители хотят видеть, что они получают за свои деньги.

Вернер вспомнил мячи и блины.

– Должно быть, вы правы, мистер Стейнберг.

Прошла неделя, и каток переместился на тропинку к гончарной мастерской. А Вернер принял в мастерской первый закон. Он долго решал, насколько разумно устанавливать законы, но, окончательно зайдя в тупик, все-таки установил: больше никаких мячей и блинов. И теперь почти все мальчишки решили, что они хотят вылепить. Большинство предпочло змей, на второе место вышли черепахи. Аарон был единственным, кто решил лепить человека. Какое-то время он лепил одного рыцаря за другим, потом принялся за большого рыцаря в доспехах, занесшего меч, но на кого – неясно. Поначалу он не мог решить, на кого. Вернер сказал, что это и не важно – раз того, в кого он метит, все равно он лепить не будет, но Аарон считал, что важно. Вернер предложил багряного дракона с шестью головами и двумя хвостами. Аарон помотал головой. Они обсудили это подробнее. В конце концов решили: пусть будет багряный дракон с шестью головами и тремя хвостами. На чем и согласились.

А в четверг на следующей неделе, минут через двадцать после того как мальчишки умчались на озеро, Вернер наткнулся на Аарона, сидевшего на корточках под скамейкой и сосредоточенно лепившего рыцаря.

– Аарон, ты что, свистка не слышал?

– Слышал.

– Так почему же ты не пошел плавать?

– Я работал.

– Дядя Лефти будет ждать. Давай, иди. Сейчас же.

– Не могу я, дядя Вернер. Вот, поглядите. – Он сунул глиняную фигурку Вернеру под нос. Ноги – хлипкие и недостойные рыцаря – стали крепкими и красивыми.

– И как это тебе удалось? – изумился Вернер.

– Вчера вечером, когда мы легли, я постарался представить свои ноги, дядя Вернер. Они вовсе не похожи на те, что лепил я, вот я их и переделал. Дядя Вернер, можно я останусь и их закончу?

Вернер промолчал.

– Можно я их закончу?

– Разумеется, – сказал наконец Вернер. – Ты что, думаешь, я на стороне дракона?

Вернер не зря опасался, что вечером у него будут гости: так оно и вышло.

– Вернер! – В дверном проеме мастерской возник Стейнберг. – Тебе еще повезло, что пришел я, а не Лефти.

– Заходите, мистер Стейнберг, – сказал Вернер. – А то мошкара налетит.

Стейнберг захлопнул сетчатую дверь. Пришлось начинать заново.

– Говорю, повезло тебе, что не Лефти пришел. Он рвет и мечет из-за того, что этот парень Голд вообще не пришел сегодня плавать. Он всех собак спустил на мальчишку, а теперь хотел и к тебе явиться. Я сказал ему, что сам разберусь.

Вернер промолчал: разберется, это что значит – уволит?

– Слушай, Вернер, давай начистоту. Это хорошо, что ты так ответственно относишься к работе, за детьми присматриваешь, и все такое. Только вот чего нам здесь не надо – так это одностороннего развития. Я об этом и родителям говорю, да и они сами хотят того же: чтобы в лагере было всестороннее воспитание, понимаешь? А если ты, Вернер, будешь разрешать одному мальчишке весь день возюкаться с глиной, что, черт возьми, скажут мне родители? Я тебя умоляю, давай взглянем на это трезво: одни только глиняные горшки их не устроят.

– Мальчишки горшков не делают. – Вернер снял с полки рыцаря Аарона, еще не вполне законченного.

– Это хорошо, Вернер, очень хорошо. Только не говори мне, что на такое уходит сорок часов в неделю, – ухмыльнулся Стейнберг.

Вернер не мог решить, отвечать или нет.

– Почему, собственно? – сказал он наконец.

– Да я тебя умоляю – мы за семь дней заасфальтировали всю подъездную дорогу целиком и еще стоянку. За семь дней, а ты стоишь тут и спрашиваешь, почему бы мальчишке не тратить сорок часов на то, чтобы – тоже мне дело – слепить пару ног. Ты, Вернер, шутки со мной не шути.

– А я и не пытаюсь, – помимо воли выпалил Вернер.

– Ты, черт возьми, чем, думаешь, я тут занимаюсь? Ты больше парнишку не задерживай – я такого не потерплю! Лефти говорит, он знает, ты парнишку нарочно так долго держишь. – Мистер Стейнберг выдержал паузу. – Не стану повторять, но он черт знает что наговорил про тебя и этого мальчишку. – У двери он обернулся. – Вот что я тебе скажу: если каждый из мальчишек к родительскому дню что-нибудь сделает, лето мы закончим вместе. Если Голд вылепит эту штуковину с ногами что надо, тем лучше! – Он хлопнул дверью, и лампочка над головой Вернера закачалась.

Той ночью пошел дождь, холодный и противный, лил он четыре дня, и озеро стало мрачным и бурным. В первое дождливое утро Вернер с веранды наблюдал за тем, как мальчишки в плащах и прорезиненных шляпах идут колонной по одному в спортзал «для занятий, предусмотренных в дождливую погоду». Впереди вышагивал с непокрытой головой и в брюках, аккуратно заправленных в армейские сапоги, Лефти Шульберг, а за ним, словно пристегнутый цепью, плелся мальчик в чересчур широком желтом дождевике и черной шляпе. Он нес, обхватив обеими руками, как обмочившегося младенца, баскетбольный мяч. Шел он не в ногу.

– Раз-два! – громогласно начал отсчет Лефти.

И дети радостно подхватили:

– Раз-два! Три-четыре! Раз-два... Три-четыре...

И тут вся колонна хором захихикала.

– Эй, Голд, живот-то втяни!

Остальные мальчишки покатались со смеху. Аарон чуть не выронил баскетбольный мяч.

Утром четвертого дня, проснувшись, Вернер понял, что дождь перестал: на дороге гудел каток. Чтобы не наткнуться на мистера Стейнберга, Вернер пошел на завтрак попозже. Стейнберг со своими требованиями поторопиться не шел у него из головы все эти четыре дня, и он наконец пришел к решению: в конце концов Стейнберг – его работодатель, он ему платит зарплату, а Вернер всего лишь наемный рабочий. И в это лето ему совсем не светило, чтобы его уволили.

В то утро Вернер сказал в конце занятия мальчикам, что хочет попросить их об одной услуге.

– Ничего особенного, – сказал он. – Я просто хотел бы, чтобы те, кто работает медленно, постарался прибавить темп. Хоть немножко. – Он повернулся к Аарону спиной. – Мы все хотим, чтобы к воскресенью, когда приедут наши родители, у нас были

законченные вещи... – Говорить во множественном числе ему казалось полным идиотизмом. – Разве не так? – добавил он. Это известие никого в ужас не привело.

Он не успел продолжить, потому что раздались три свистка, потом еще три и послышался оглушительный крик:

– Плавать! Парни, вперед! Бегом марш! – Мальчишки побросали свои работы и кинулись на улицу. – Плавать! Все-все! Вас, сэр Ланцелот, это тоже касается!

Вернер поднял голову и взглянул на озеро. Лефти Шульберг помахал ему с вышки. И снова поднес ко рту мегафон. – А ну, шевелись! Бегом марш!

Вернер наблюдал за тем, как с визгом и криками мальчишки мчатся к берегу. Вот и упитанные ляжки последнего мальчишки скрылись за мысом.

– Дядя Вернер!

Вернер обернулся.

– Аарон! Аарон, ты сейчас должен идти плавать. Давай, отправляйся.

– Дядя Вернер, – сказал мальчик сердито, – я быстрее работать никак не могу.

– Слушай, Аарон, сейчас не время объясняться. Лефти ждет.

– Я к воскресенью не успею, дядя Вернер! Просто не успею.

– Придется. Всё, Аарон, иди!

Вернер подтолкнул его в сторону озера. Мальчик развернулся.

– Послушайте, дядя Вернер, вы за кого?

– Что? – выдохнул Вернер.

– Вы за кого – за меня или за дракона? – Глаза мальчика потемнели.

Вернер легонько шлепнул его.

– Ладно, ладно. Можешь быстрее не работать. Теперь – к Лефти. Бегом марш! – Вернер отвернулся и пробурчал себе под нос. – А если кто заплачет...

– Огромное вам спасибо, мистер Вернер, – раздался вопль со стороны озера. Вернер повернул голову – уголком глаза он видел, как Аарон бежит со всех ног, – и разглядел на вышке Лефти. Тот, прижав руку к груди, ни с того ни с сего отвесил Вернеру низкий поклон.

Родительский день был в воскресенье, но к пятнице жужжание катка – ни дать ни взять надоедливая муха – достало Вернера окончательно. После обеда он выглянул посмотреть, как далеко продвинулись рабочие Анджело. Низенький человек с косой шел

вдоль тропинки и медленными уверенными движениями сносил под корень подсолнухи. Это был сам Анджело.

– Как вы полагаете, вам еще долго? – спросил его Вернер. Анджело встрепенулся как испуганная белка и покосился на него через плечо.

– Я вам так скажу, если Стейнберг упрется, – он снова покосился через плечо, – мы всю эту работу в десять минут закончим.

– Понятно.

Анджело опять покосился.

– Ага, а потом закатаем в асфальт треклятое озеро. – Тут на дороге внезапно появился мистер Стейнберг. Анджело поплевал на ладони и снова принялся рубить подсолнухи.

Вовремя скрыться в мастерской Вернер не успел.

– Вернер, Вернер! – закричал мистер Стейнберг. – Анджело закончит вам вашу тропинку к концу дня.

Вернер взглянул на него и сказал, что очень рад.

Мистер Стейнберг, перепрыгивая через ступеньки, взлетел на веранду.

– Хочу вас поблагодарить: Лефти говорит, теперь все ребята приходят вовремя. – Мистер Стейнберг хихикнул. – Дети, они такие – у них надо над душой стоять, не то они будут слоняться без дела.

Вернер пошел в мастерскую. Мистер Стейнберг последовал за ним. Вернер все это время молил Б-га, чтобы Стейнберг сюда до родительского дня не зашел: Вернер хотел быть уверенным, что лето они доработают вместе.

– Что ж, все выглядит вполне неплохо, Вернер, вполне неплохо.

Он подошел к полкам и вертел в руках законченные работы. Визит был явно неслучайный.

– Чертовски симпатичная пепельница, – сказал мистер Стейнберг.

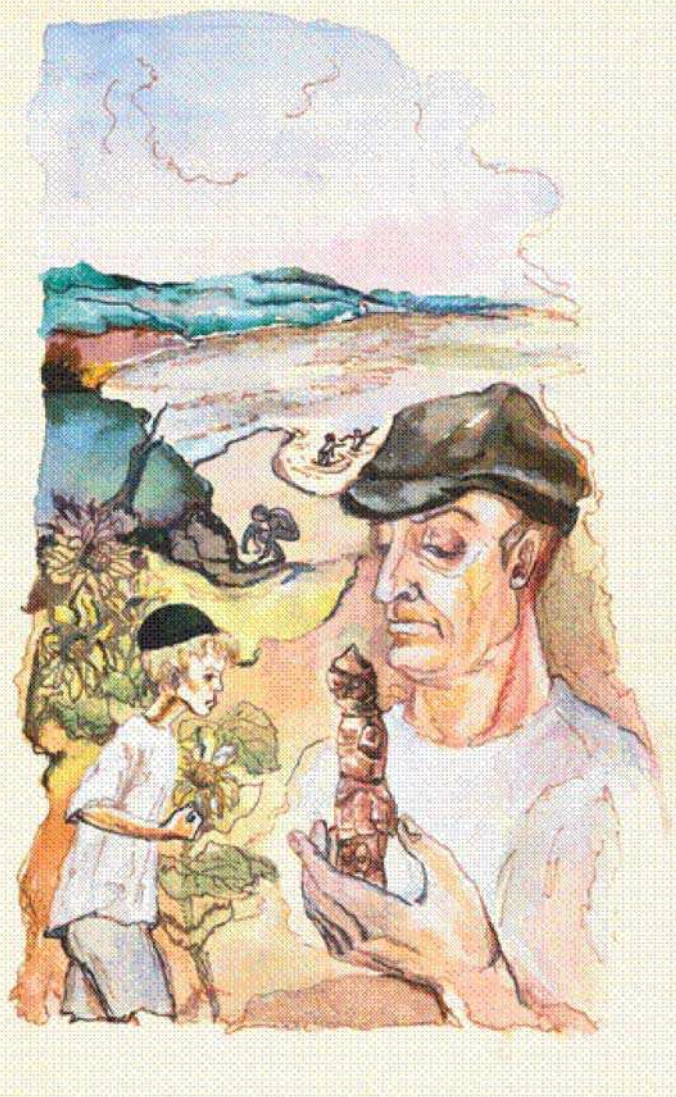
Вернер дал ему понять, что делает кое-что и для себя.

– Чертовски симпатичная змейка, Вернер, чертовски симпатичная.

Мистер Стейнберг молча проверял остальные полки.

– А это что? Это что такое?

Вернер поднял глаза.

– Это не закончено.

– Не закончено? Чье это?

Вернер помедлил.

– Аарона Голда, – сказал он.

– А когда он собирается заканчивать?
– Стейнберг вертел в руках безрукого и безглавого рыцаря. – Завтра?

– Завтра у него занятий нет.

– А что же он, черт возьми, родителям покажет? – Мистер Стейнберг набыл голову. – Что, я вас спрашиваю?

– Вот это.

– Вот это? Вернер, да ты что, ты, черт возьми, в какие игры играешь? Слушай, я человек занятой. Я плачу хорошие деньги за то, чтобы работа была сделана. – Он стиснул в кулаке незаконченного рыцаря. – Анджело дороги вовремя делает. Лефти детишек вовремя плавать выводит. И – я тебя умоляю – им не

надо говорить, что делать. – Он швырнул рыцаря на стол. – Вот погоди, вот Лефти узнает про эту чертову штуковину. Ты сам-то погляди! – Он уставился на

Вернера. – Я, Вернер, сыт по горло... В какие игры вы с этим поганим мальчишкой играете?

Он резко развернулся и вышел, с грохотом хлопнув дверь, прокричав уже снаружи. – Я тебя умоляю!

Все было кончено. Вернер закурил. Мистер Стейнберг сыт по горло, но он его не уволил – даже не упомянул об этом. Вернер вертел в руках недоделанного рыцаря и думал о том, что же на уме у мистера Стейнберга. Несколько минут он ломал голову – и вдруг его осенило: родительский день на носу. В лагере не может быть всестороннего воспитания, если в нем завели гончарную мастерскую, а преподавателя в ней нет. И так. Мистер Стейнберг его своими «я тебя умоляю» чуть с землей не сравнял, но уволить не уволил. А уж после родительского дня, когда инцидент забудется и никакие крайние сроки поджимать не будут, его уж точно не уволят. Так что свои шестьсот долларов он получит.

Вернер разглядывал рыцаря. Действительно, что бы сказал Лефти, увидев эту штуковину? Он мог подумать лишь одно: битву за Аарона Голда – а Лефти, безусловно, считал это битвой – он проиграл. Лефти наверняка проигрывать не любит, но Вернер настоял на своем, так что если для Лефти это не был проигрыш, то в лучшем случае – ничья. Но Лефти, вероятно, и ничья не устроит. Может, он придет и даст ему по морде. Нет, Лефти на такое не пойдет. Слишком уж это просто. Но что-нибудь он придумает.

Только что? Ответ пришел мгновенно: вероятно, Лефти отравит Аарону Голду жизнь. Он на это способен.

Вернер переключал рыцаря из руки в руку. Он потушил сигарету, встал, пошел к ящику с глиной, отколупал большой кусок. Вернувшись к столу, он взял рыцаря и приступил к работе. Через десять минут он уже приделал шею и голову. Потом взялся за руки, но сначала задумался о том, на какую из невидимых голов невидимого дракона нацелить меч. Вариантов было несколько.

– Ладно, – произнес он вслух. – Не умничай. Меть ему в пузо, не промахнешься.

К девяти утра воскресенья температура подскочила до тридцати градусов. Вернер, обливаясь потом, расставлял на полках работы мальчиков. Повернулся, чтобы взять стакан с водой, и увидел, что в дверях мастерской стоит Аарон Голд; в последний раз он его видел за день до визита Стейнберга.

– Здравсьте, – сказал Аарон. На нем были отутюженные, только что из прачечной, тенниска и шорты, светлые волосы аккуратно приглажены. Образцовый ребенок.

– Аарон, ты же должен быть на завтраке.

– Я сбежал.

– Почему?

– Так захотелось.

Вернер шагнул к раковине.

– Воды хочешь?

– Нет.

Вернер выпил сразу полстакана.

– Если тебя хватятся, будут неприятности, – сказал Вернер.

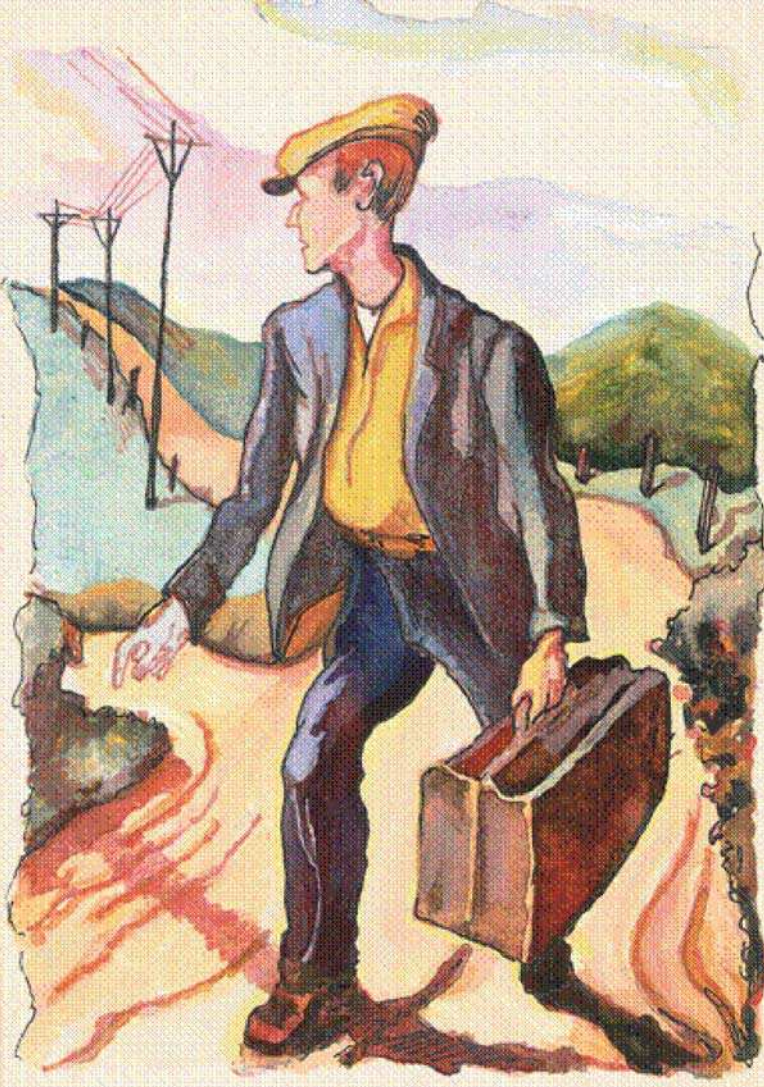
Аарон смотрел широко раскрытыми глазами куда-то в район пупка Вернера. Он сначала согласно кивнул головой, но тут же яростно замотал ею из стороны в сторону, сам удивляясь своему упрямству. Вернер пошел к полкам, чувствуя, как по позвоночнику течет тоненькая струйка пота. Наконец он повернул голову к Аарону.

– Подойди-ка сюда.

Аарон словно на коньках скользнул к нему.

– Что? – спросил Аарон. От него пахло зубной пастой.

Вернер ткнул пальцем на полку.

– Гляди.

Посреди верхней полки стояла линованная каталожная карточка с надписью:

ÐÛÖÄÐÛ, Ì ÎÐÀÆÀÐ ÛÈÈ ÄÐÀÈÎÎÀ

Ààðí Áíëä

Рядом с карточкой стоял рыцарь, с руками и головой. Аарон посмотрел на рыцаря, потом на Вернера и снова на рыцаря. Тенниска Вернера намокла и липла к телу.

– Он теперь с руками, дядя Вернер.

– Угу.

– Он теперь с руками.

Вернер кивнул.

– Кто ему сделал руки?

– Я, – ответил Вернер.

– Он теперь с руками, – повторил Аарон.

– Не думал же ты, что он будет сражаться без рук, – сказал Вернер, не спуская с него глаз.

Аарон не шевелился. Вернер протянул руку к его плечу, но Аарон отпрыгнул, словно они играли в салочки, и, если бы Вернер до него дотронулся, то Аарону пришлось бы водить.

– Аарон...

– Вы его испортили, – закричал вдруг мальчик, вцепившись в свои светлые волосенки. – Вы его испортили. – Он кинулся к сетчатой двери и стал колотить по ней ногой. – Вы его испортили, испортили...

Выбежал на улицу и помчался по берегу озера – так спасается из горящего леса дикий зверек.

Вернер плюхнулся на стул. Он ощущал запах собственного пота. В руке у него был рыцарь – он и не заметил, что снял его с полки. Поставив рыцаря на стол, он внимательно осмотрел его, словно это был скульптурный шедевр. С минуту он рассматривал его, после чего, как кувалдой, стукнул по нему кулаком. Фигурка разлетелась на мелкие кусочки, а он все крушил и крушил их. От рыцаря осталась лишь

глиняная пыль, а он никак не мог остановиться. Разбил в пух и прах – куда до него дракону.

Час спустя Вернер уже побросал вещи в чемодан, надел чистую рубашку и старый вельветовый костюм. Распахнув ногой сетчатую дверь, он вышел и тут заметил, что правая рука все еще в глине. Вернулся, оттер ее, снова взял чемодан и покинул мастерскую.

В лагере было жарко. Над новой дорогой, черной и еще липкой, струилось марево. Откуда-то от озера доносился гул машин, и Вернер, минуя озеро с чемоданом в руке, покосился в ту сторону. Черные, красные, бежевые машины медленно катили к озеру, останавливались у лодочного сарая, а на вышке стоял Лефти Шульберг, как всегда в белых плавках, и что-то говорил в мегафон. Похоже, Лефти собирался продемонстрировать родителям и детям какой-то особенный прыжок. Он громко приветствовал публику в мегафон.

– Как дела, Майк? Усади своих родителей вон там... Ага, вот умница... Джефф, приятель, ну что? – Имена сыпались снопами искорок и тут же гасли в удушающем зное. – Арти, молодчина... Привет, Джо, ты как?... Ба, а это кто у нас? Голди! Как дела, Голди, дружок? Это твои родители? Отлично, давай, сажай их впереди. Рад встрече!

Лефти помахал мегафоном родителям Аарона Голда. Мистер Голд в белой рубашке и серых бермудах помахал в ответ, миссис Голд кивнула. К их сыну, здесь, похоже, относятся неплохо.

А Вернер шел по раскаленной извилистой дороге прочь из лагеря.

Í aóóáá Á. Í óóóóóó

אי עויל ד נאי וואו

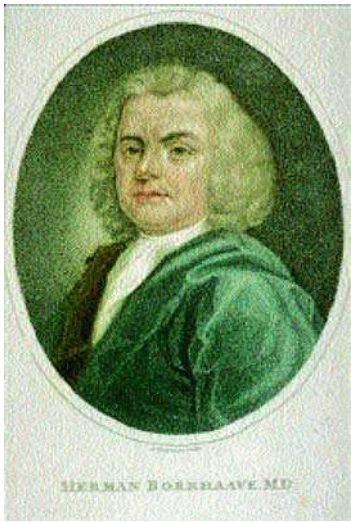
עאָל-י אַעע עי י אדאָ דעוו אַעמאָוו י אַו די אַי וי

נאי עע אַדוואַי אַאדא

אַרעויל אַוילעל נאי וואו י דעיאַעאַעו ע גיאַי אַרעוואַעויל אַדא-אי XVIII נויאַעו, א יאַעוילוואַ יאַוויליאַעוווואַ אַא אַעטע, נאַיאַי ווא י ודעמילאַאַיאַעאַי ע אַדעמילאַאַיאַעאַי, א אַווואַע נואַיאַע וואַעוואַדו אַעו יוילע, אַ עוילוויל יי אַעע י דע דאַנעיל אַאדא י יווי וי יאַ עאַעוילוו וי אַוווילוו מאַדאוו דאַדויליאַי ווא א י אַעוועוילע ע א דאַנעיל עוילדע-אַיאַע עעוואַוואַ יוואַעוו ווא עאַיאַעו, יי עוילוויל י יאַייל אַויל אַו מוואַעוו נאַיאַעו י-אַדע אַעטע ע אַיאַוואַעוו יווע יויל אַ צאַי א-אַוואַעוו יאַ -אַי אַעאַ

Полное имя его – Antonio Nunes Ribeiro Sanchez. Но французы пишут его фамилию Sanches, в русских документах он именуется то Санхец, то Санхес, а иногда еще Санжес, Саншес или Санше. Правильнее называть его Санхец – по португальскому произношению. Он родился в городе Pegna Macor, в Португалии, 7 марта 1699 года.

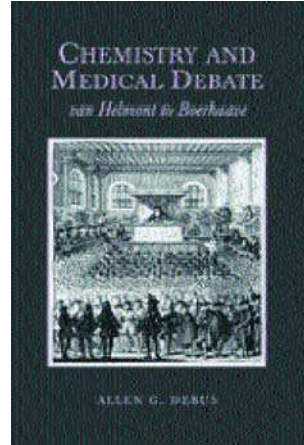
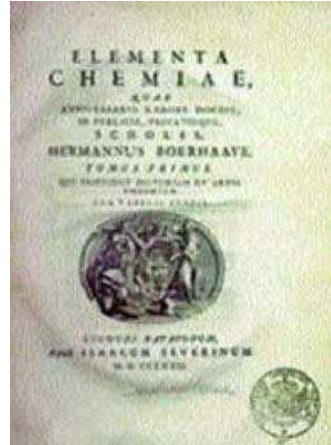
О родителях его известно, что отец его, Simon Nunes, был коммерсантом. Несомненно, что семья его принадлежала к зажиточным и весьма образованным семьям Португалии. В Лиссабоне жил его дядя, юрист, занимавший видную должность. Он предлагал племяннику заняться изучением юриспруденции и сулил ему блестящую карьеру. Но юноша питал влечение к медицинским наукам и стал изучать их под руководством другого дяди, Диего Нунеса, врача, практиковавшего в Лиссабоне. Систематическое медицинское образование он получил в Саламанке, где в то время был недурной медицинский факультет. В 1724 году, став обладателем докторского диплома, поселился в г. Bonaventí. Но томимый жаждою знания, он отправился для усовершенствования в разные города, пробыл два года в Лондоне, некоторое время в Париже, Монпелье, Генуе. В 1727 году он познакомился с сочинениями знаменитого Бургаава (Boerhaave) и настолько увлекся ими, что решил поехать к Бургааву в Лейден.

Аади ай Аооааа (1668 - 1739). Й идо дао XVIII а

Ἐστὶ ἀθάλαττα ἐν αἰθέρι ἰδὸν Ἄ. Ἀόθῳῳῳῳ ἰὰ ἢ ἄθῳῳῳ ἰεῖ ἄθῳῳῳ ἰεῖ εἰς ἢ δῳῳ Ἄἰεῖῳῳ ἄεε.

Ὀεὸ ὀεῖῳ ἰεῖ εἰς ἰ δῳῳ εἰς ἰ ἰ ἄ ἔθῳῳῳ ἔῳ ἰεῖ ἄ ἰεῖ ἄ ἰεῖ ἰ δῳῳ Ἄόθῳῳῳ «Ἰ ἢ ἰ ἄἰ ὀεῖ εἰ» ἔ ἰ ἄ ἰεῖ ἔ ἰ ἄ ἰ ἰ ἄ ἔθῳῳῳ ἔῳ.

Необходимо сказать два слова о Бургааве. Положение, занимаемое им в истории медицины, совершенно исключительное. Он первый применил к медицине великие идеи эпохи Возрождения и вывел медицину из области отвлеченного схоластического мудрствования, в которой она находилась на протяжении всего средневекового периода. Он ввел давно забытые классические приемы изучения болезней, существовавшие в древней Греции, признав единственными источниками врачебного знания непосредственное наблюдение у постели больного и посмертное анатомическое исследование. Бургаавом была устроена первая по времени клиника для научного исследования болезней. Идеи Бургаава произвели переворот в умах врачей всего мира. Его клиника в Лейдене сделалась средоточием нового умственного движения. Приверженцы Бургаава расходились в разные страны как апостолы и являлись на своей родине основателями нового медицинского учения. Так, ученик его Галлер, сделавшийся профессором в Берлине, считается основателем современной германской школы; нынешняя венская школа ведет свое начало преименно от другого ученика Бургаава – Гергарда Ван Свитена.

*Αἰεὶ ὁ Ἄσπαστος - ἡ αἰεὶ οὐκ ἀθάνατος, αἰεὶ αἰεὶ ἐστὶν ὅτι ἐστὶν
ἡ αἰεὶ ἰσχυρὸς αἰεὶ ἰσχυρὸς ἰσχυρὸς ἐστὶν ὅτι ἐστὶν ἰσχυρὸς ἰσχυρὸς.
Ἀσπαστος XVIII αἰ*

*Ἐστὶν ὁ ἀσπαστος ἐστὶν ἡ αἰεὶ αἰεὶ αἰεὶ ὁ Ἄσπαστος
XVIII αἰ*

В этот именно новый храм возродившейся врачебной науки вступил Санхец в 1727 году. Здесь он усердно работал три года и стал одним из лучших учеников Бургаава. Вероятно, и ему, как его товарищам, предстояло сделаться в своем отечестве родоначальником новой академической семьи. Но были обстоятельства, мешавшие ему возвратиться на родину, и его судьба сложилась иначе. В 1730 году русское правительство

обратилось к Бургааву с просьбой рекомендовать ему трех ученых медиков для наиболее ответственных врачебных должностей в России. Бургаав предложил Санхецу поступить на русскую службу, и когда тот согласился на это, он рекомендовал его русскому правительству как достойнейшего из известных ему кандидатов.

Санхец прибыл в Россию в 1731 году и был назначен «физикусом» при медицинской канцелярии в Москве. На его обязанности лежало готовить фельдшеров, повитух и фармацевтов (аптекарских гезелей). Вскоре его перевели в военное ведомство. В 1735 году он находился при армии в Ново-Павловске. Вообще он, как сказано в предисловии к его книге о банях, «не малое время находился при войсках, с которыми неоднократно бывал в походах».

Àèìáðáðò Ááèèáð (1708-1777), ó:áí èé Á. Áóðáááá, ó ááéóáðñèéé áñò áñò áí èíí ùò àò áèù òèçèíèíáè ïíýò.

Òèò óéíí ùé èèñò íáí íá èç òíí íá íáó:ííñ òððáá Á. Ááèèáðá «Elementa Physiologiae Corporis Humani», 1757-1766.

Затем он был переведен на службу в Петербург – медиком при сухопутном шляхетном корпусе. В это время он пользовался уже большим авторитетом, о чем можно судить по тому, что на его заключение посылались протоколы вскрытий по особо важным делам. В столице он скоро прославился как искусный врач. 3 марта 1740 года он назначен гоф-медиком, а вслед затем – вторым лейб-медиком при правительнице Анне Леопольдовне и юном императоре Иоанне Антоновиче. Сохранилась изготовленная для него, помеченная 5 ноября 1740 года, инструкция, содержащая указания, как ему исполнять обязанности императорского врача совместно с первым лейб-медиком (архиятером) Фишером. Анна Леопольдовна так верила в Санхеца, что из Риги посылала ему на просмотр рецепты, которые ей там прописывали находившиеся при ней врачи. При

дворе ему приходилось лечить многих членов царской фамилии. В 1744 году ему удалось вылечить от опасной болезни Екатерину Вторую, в то время еще 15-летнюю невесту принца Петра Федоровича. Об этом важном случае своей жизни Екатерина упоминает в своих записках. При императрице Елисавете Петровне Санхец также состоял в должности второго лейб-медика. В 1747 году. Санхец заболел глазами и подал в отставку. Его отпустили из России с большими почестями. От двора ему был выдан следующий аттестат, копия которого сохранилась в архиве придворной медицинской канцелярии.

Копия с абшида, данного доктору Антонио Рибейро Санхесу при отпуске его из России.

«Α-æεάε ì εεῖπὸῦρ ì ù Ἀεεῖπᾶοὸ Ἄ Èì ì ἄδᾶὸδεῶᾶ è ì ἰδ

Γεαζὸαεῦ ἡᾶ, Ἰ ἀεεεῖῦ Ἀἰεοῖδ Ἀἰοῖεῖ Βεάαεῶτ Ἡαῖοᾶ, ἀἡεῖᾶῖ è ἰδεῖγὸ αῦε ἁ ἡεεαῶ Ἰ ἁοῶ ἡ εἰεὸὲεῦεᾶ è ἁ 1731 ἡᾶᾶ, ἡ εῖοῖδῖᾶ ἡῖορ Ἰ ἁοῶ ἡεεαῶ, ἁ εῖἡ δᾶᾶεῖ è è ἡ εῖεῖπὸῦρ ἁᾶ ἡ ἀεεεῖῖεῖᾶ ἁᾶᾶ, ἁῶᾶ-è ἁ δᾶῖ ἡῶ ἡ ἡῶᾶῶ, ἡῖῖῖᾶ ἡ δᾶῖδᾶῖᾶεε, εᾶε εῖεῖπῖῖ ὀ ἡἰεοῖδῶ è ÷ ἡῶῖῖῖ ὀ ÷ ἡἰᾶᾶῶ ἡ ἁᾶᾶεῶ, ἡἡᾶῖῖῖᾶεῖῖῖ; ὀᾶε ÷ ὀῖ ῥᾶ ἡεαζᾶῖῖῖ ἁ ὀῖ ἁᾶ ὀδᾶῖ è εῖεῖπὸῦρ Ἀἡῖ εεῖπὸεᾶεῶ ἰὸ Ἰ ἡῖ ἡἡεῖῖᾶῖ è ἡ ἄδᾶὸαεῖῖ ἡ δὲ Èì ἡ ἄδᾶὸῖδῖεῖ Ἰ ἁοῶ Ἰ ἡᾶᾶ ἁοῖδῖῖ εᾶεᾶ-ἡ ἀεεεῖῖ ἡ δᾶῖ ἡῖ Ἀεεῖπᾶεὸαεῖῖῖᾶ Ἡὸᾶῖῖᾶ Ἡῖᾶῖεῖᾶ, ἁ ἡῖᾶεᾶ ἡῖ, ἡἰεοῖδ ῥᾶ ἡἡεαῖῖ è, εῖοῖδῖῖ è ἡῖ ἡᾶᾶεᾶῖ, ἡδῖῖε εῥ ἡεεαῦ ὀᾶῖῖῖ ἡῖεῖ, ὀῖᾶ δᾶᾶε ὀεαῥᾶε È ù ἁᾶῶῖ ἡ ὀ ἡᾶε ἁᾶεᾶ ῥᾶ ἡᾶῖῖῖ ἡῖδῖ-ἡῖ ἡῖᾶῖεῖᾶῖ. Ἀεεῖπᾶοὸ ἡ. Ἰ ἄὸ ἁᾶᾶῶᾶ Ἡᾶῖ ὀῖᾶῶῖ 4-ᾶ 1747 ἡᾶᾶ».

Èῖᾶῖ VI Ἀἰὸῖῖᾶε÷, ὀᾶῖῖῖ ἡῖῖῖ è ἡᾶᾶᾶᾶ, èì ἡ ἄδᾶὸῖδ (1740-1741).

Почтила Санхеца и императорская академия наук. Академия и раньше имела с ним сношения. В 1743 году она приобрела у него редкий экземпляр Ветхого Завета на голландском языке. В 1745 году академия в лице всесильного ее советника и секретаря, Ионанна-Даниила Шумахера, вела через Санхеца переговоры с доктором Авраамом Кау Бургаавом, племянником лейденского ученого, о поступлении его на должность профессора академии. При отъезде Санхеца академия, по просьбе последнего, избрала его в свои почетные члены. Этот акт записан в летописях академии в следующих выражениях:

«1747 ἁ ἡᾶῖ ὀῖᾶῶῖ 1-ᾶ ἡῖ. ¹ 726 Ἰ ἡῖᾶεᾶ ἡᾶῖᾶῖῖεῖῖ ἁ ἡεεαῶ Ἀᾶ Èì ἡ ἄδ Ἀᾶε÷ ἡῶᾶ ἡᾶῖῖῖῖεῖῖ ἡᾶῖῖῖ è ἁοῖδῖεῖ εᾶεᾶ-ἡ ἀεεῖ Ἀἰὸῖῖᾶ Ἡᾶᾶεῶτ Ἡᾶῖᾶῖ εῖοῖδῖεῖ ἡῖῖῖῖῖ ἁ ἡᾶῖ ἡῶᾶ-ἡῶᾶῖ, ἡδὲ ἡῖῖῖῖῖ ἡᾶῖῖ ὀδᾶῖᾶεῖ,

÷òíáú áã, ãñíáëíà Ñáíæáã, ó:éíèòú ïí:áðíúì ïðè áëáááì èè ÷éáííì, ñ
 íáúéííááíúì ïðè òíì íáíñéíííì, è íí á íòá:áñòáì ñáíáì áóóó:è çà ì íðáì á ñáíæ
 íáðéá äëý çááóíáé áëáááì èè ðáçí úá íúáñú è äëññáðòáðèè ïðèñíéáòú áóóáò, òíá ðááè
 óéáçó Áý Èì ì áðáò ïðñéíá Ááèè:áñòáì éáí óáëýðëý áëáááì èè ïðèéáçáèè: áì ó, ãñííáëíó
 Ñáíæáã, áúòú ïðè áëáááì èè ïí:áðíúì ÷éáííì ðèçè:áñéíá èéáññ, ñ íí ðáááéáí éáí
 Áý Èì ì áð. Ááèè: æáëíááí èý ïí 200 ðá. íá áã» è ò.ä

Áííà Èáíííéúáíáí, ïðááèòáëíí èòá ðññèè ïðè ì áëíéáòíáì ññíá (1740-1741).

В то же время Императорская библиотека (не выяснено, академическая или публичная) приобрела у Санхеца его богатое книгохранилище. Историк русской медицины Рихтер говорит об этом: «Многочисленная библиотека Санхеца по отъезде его из России в 1747 году соединилась через покупку с библиотекою Императорскою, которая через сие получила приращение в медицинских книгах». О дальнейшей жизни Санхеца Рихтер говорит: «Санхец из Петербурга отправился в Париж, где и прожил довольно времени в тишине и ученом отдыхе». В Париже Санхец исполнял различные поручения академии. Между прочим, ему пришлось заступиться за знаменитого географа и астронома Делиля, состоявшего русским академиком и отрешенного от должности в 1747 году. Вообще, отношения между Санхецом и академией были вполне мирные. О тишине и ученом отдыхе Санхеца в Париже говорится также в краткой биографии, составленной проф. Прокшем для «Biographisches Lexicon».

О состоявшемся решении президент академии К.Г. Разумовский известил Санхеца в январе 1749 года, причем предписал ему возратить свой академический диплом русскому резиденту в Париже Гроссу, но причины исключения из академии не объяснил. Застигнутый неожиданной бедой, Санхец исполнил приказ, вручил Гроссу свой диплом, но в то же время написал Разумовскому письмо, в котором просил объяснения. Полагая, что опала постигла его вследствие обвинения в политической неблагонадежности, и припоминая случай, который мог подать повод к неблагоприятным для него толкам, Санхец в этом письме оправдывается, доказывая свою невиновность. Разумовский переслал это письмо канцлеру Бестужеву, находившемуся тогда в Москве при Елисавете. В ответ на это Разумовский получил следующее письмо Бестужева.

«I eēīnōēātē Āīnūādū Īā īēnū ī, ēēēī īī-ōēēī īāīy Āāōā Nēyōāēūnōāt, y īīāō īōāōōōū ÷ōī ā Nāīōān īāāīīēīāī īānōīyōāēūnōātī, ēīōīōīā āīānīā āūēī īīāīāī ē āī īīāēā Āy Ēī īāōāōīōēīā Āāēē-ānōāī īī-ēōāāō ō-āīūō ē īīēōīāēōāēūnōāīō īāōēāī ē ēīēōūnōāū ā āūnōāē nōāīāīē. Īī īīā ōī-āō ōāēāā ÷ōīāū ÷ēāīū āā āēāāāī ēē āūēē āīāōūī ē ōōēnōēāīāī ē, ā īīā ōīāēā, ÷ōī āīēōīō Nāīōān īā īōēīāāēāēō ē ÷ēēō ōāēīāīō Ē ōāē, nēīēūēī īīā ēānōīī, īōē-ēīīp, īī ēīōīōē īī ēēōēēīy ī ānōā nāīāā, āūēī āī ēōāēnōāt, ā āīānīā ēāēēā ēēāī īīēōōē-āīēā īānōīyōāēūnōāā».

Письмо это помечено: Москва, апреля 1749.

Граф Разумовский передал содержание этого письма Санхецу в нижеследующем письме:

«I eēīnōēātē Āīnūādū Āū ī-āīū ōīōīōī nūāēāēē, īēāāā īīāēīīāīēā īīāēāīēp Āy Ēī īāōāōīōēīā Āāēē-ānōāā Īīā īōīāā āāēānī īā āāīīā çā ēāēīē-ēēāī īōīnōōīīē ēēē īāāōīīnōū nāāōāīīūā īāūīnōāūnōāūīī īōīōēā Īāā Īī Īīā īīēāāāō ÷ōī āūēī āū īōīōēā Āā nāānōē ēī āōū ā Nāīāē Āēāāāī ēē ōāēīā ÷āēīāēā, ēīōīōīē īīēēīōē çīāī y Ēēnūā Ōōēnōā ē āāōēēīy āāēnōāīāāōū īīā çīāī āīāī Ī īēīy ē āāōīçāāōīūō īōīōēīā Āīō, Ī eēīnōēātē Āīnūādū, ēnōēīīāy īōē-ēīā Āāōāē īīāēū».

**Ààò Èèèèè Ðàçòì íàíèèè(1728-1803), ì ííàéàòíèè áàíí áíí ùì ì ðàçèááí ò
Í àò áàáòáíèé Àèáááì èè Í àóé.**

Дальше идут денежные расчеты за книги, купленные у Санхеца. По-видимому, между Санхецом и графом Разумовским еще продолжалась переписка. Но она не опубликована. Санхец прибегал также к заступничеству знаменитого математика Эйлера, который состоял членом академии с самого ее основания. В письме от 11 августа 1749 года Санхец писал Эйлеру:

**«Í àíáóíàèì í, ÷òíáú ý áàì ìííáúèè, ÷òí ðàçèèà íáí ì íá Èì ìáðàòíðíèáý
Àèáááì èý. Á ìðíðááòáì ýíááðá ì áíýòá ý ìíèó-èè ìðááìèíáíèá á ìðàçèááí òà áðàòà
Ðàçòì íàíèíá ìòáàòù ì íè àèìèíì á Áðííí, ÷òí ý èíííèíèè, íáíèíáá á òí æá áðáì ý è
íáì ó, ÷òí ì íè íáðàç áàèíòáèé íá çàíèóæèááò ìíáíáííá íáðáúáíèý ì ì ííð. Á
ìðàçèááí ò ìòáá-àè ì íá, ÷òí áà èì ìáðàòíðíèíá áàèè-áíòáí íá ì áááàòíý íá ì áíý íè çà
èàèíè ìíèèòè-áíèèè ìðíì áá, íí ÷òí áà ìíááíòù íá áíçáíèýáò, ÷òíáú ý ìíòááèíý á
àèáááì èè, èíáá èííáááòð èóáàèíèòð ááðá ß ìòáá-àè íá ýòí ñ áíèùóíè
òí áðáíííòùð, ÷òí òáèíá íááèíáíèá èíáèí è áíòù òáì áíèáá èèááòà, ÷òí ý
èàòíèè-áíèíè ðáèèáè, íí ÷òí ý íá çááí-òíí ìíðíááðá óòù ýòí, ìíòíì ó ÷òí ì íá ìò
ðíæááíèý ìíæááíí, ÷òíáú òðèíòèáíá ìðèçíááàèè ìáíý çà ááðáý, á ááðáè çà
òðèíòèáíèá, è ìááðò òíá Íðíæááíèáì ýòí ìðááíáçíá-áíí èðíáè, òáèóáíæ á ì íèò
æèèáò, òíè ìáì íè, èíòíðáý áúèà è ó íáðáíò ìíýòùò òáðèáè è ìá áíííòíèíá
óíèæáííúò, ìðáíèááíááííúò è ì ó-áííúò ìðè æèçíè, ÷òèì úò è ìíèèííýáì úò ìííèá èò
ì áðòè»...**

Áεàòáδείà Π ι δέ αἰοσίεαίεε ί à ί δαῖοίε.

Ί ί δό δαίò Á. Υδείνί à

Эйлер принял сторону Санхеца и в письме от 29 августа 1749 года на имя секретаря академии Шумахера с изумлением говорит о распоряжении насчет знаменитого врача, прибавляя при этом: «Я сильно сомневаюсь, чтобы подобные удивительные поступки могли много содействовать к распространению славы академии наук».

На этом дело остановилось. Между тем Санхец, лишенный пенсии, очутился в Париже в бедности. П. Бартнев, очевидно на основании русских данных, говорит, что Санхец «занимался исключительно наукою и лечил даром бедных людей, что расстроило его средства, и русские помогали ему». Действительно, материальные лишения не мешали ему очень деятельно работать в это время для науки. Он вел обширную научную переписку со своими знаменитыми товарищами по клинике Бургаава – Пренглем, Ван-Свитеном, Гаубом, а также Вандермондом. Пренглю он писал о наблюдениях своих над «тюремной горячкой» (вероятно, сыпным тифом), которые он делал, состоя на русской службе в Азове. Ван-Свитену он сообщал о своих опытах лечения сифилиса внутренним употреблением сулемы. В письме к Колинсону он говорит о своих опытах применения ревеня, корни которого он впервые получил из Китая через посредство тамошних миссионеров. Вандермонду он написал обстоятельное сообщение о древнем периоде истории сифилиса и в этом исследовании обнаруживает большую начитанность в библейской письменности.

В это же время он закончил и издал на французском языке первую свою большую работу – о происхождении и лечении сифилиса. Книга эта доставила автору громкую известность, была дважды переведена на немецкий язык, затем вышла снова на французском языке со значительными дополнениями и до сих пор, спустя 150 лет, не утратила своего значения, так что она часто цитируется в современных наших руководствах. Нельзя не упомянуть еще об одной работе, выпущенной Санхецом в этом периоде, свидетельствующей о его сильной привязанности к своей родине Португалии.

В России у Санхеца были друзья; к их числу принадлежал и президент академии наук Разумовский. Но известно, что Елисавета очень сурово относилась к лицам не христианского исповедания и свои отношения к евреям выразила в достопамятной резолюции: «От врагов Христовых не желаю корыстной прибыли». А потому рассчитывать на улучшение участи Санхеца в ее царствование не было никакой

возможности, и даже Разумовский, хотя он был, как известно, очень близок к императрице, не решался замолвить пред нею доброе слово за подозреваемого в отпадении от христианства. Но тем энергичнее он заступился за Санхеца, когда настал удобный для этого момент.

Елисавета скончалась 25 декабря 1761 года, и уже через неделю, 1 января 1762 года, гр. Разумовский прислал в академическую канцелярию докладную записку о восстановлении прав Санхеца. В этой записке он писал, что Санхец был лишен звания почетного члена академии «по напрасному оклеветанию его товарищей» и далее объяснял: «Санше в последующем времени невиновность свою доказал и особливо, живучи в Париже, по всегдашнему своему усердию к России, приезжающим туда для приобретения себе в науках и художествах вящего знания россиянам оказывал всякие полезные услуги, коих бывшие в Париже довольно похвалить не могут». Ввиду этого гр. Разумовский предлагал возвратить ему прежние звание и пенсию.

Это было в царствование Петра III. Ходатайство оставалось без последствий. Екатерина II вступила на престол 29 июня 1762 года, и уже полгода спустя она отдает Олсуфьеву нижеследующий письменный приказ.

Список с приказания Екатерины II А. Олсуфьеву о пенсии доктору Санше

«12 1762 ă Áúâœàì ó 1áì áðââ ñââ á çâœí áé ñœœáá äáé-ì äâœîì, íúíá œá íáðâðâðúâì áüü á 1áðœáá äíœòíðò Ñáíœá íðíœçâíâœòü èç êîì íàðííé ñâ ì ù íáíñéíó íí òúüŸ-á ðâœœáá íà äüä, íí ñ äðòü äâ, äéü òíâ, œòí íí ì áíŸ, çà ííí íùüŸ Á-œèð, íò ñ äðòè ñ'âñ.»

Хотя это далеко еще не было полной реабилитацией Санхеца – звание члена академии ему не было возвращено, – тем не менее милостивый приказ Екатерины, свидетельствовавший о снятии опалы, значительно улучшил положение Санхеца. Приезжавшие в Париж русские вельможи, которые, по-видимому, и раньше негласно поддерживали с ним добрые отношения, теперь стали открыто дружить с ним. Так, гр. М.А. Воронцов в письмах своих из Берлина к И.И. Шувалову в Париж пишет: «Прошу сказать дружеский поклон г. Саншесу». Был с Санхецом в переписке и Бецкий. По настоянию последнего Санхец переслал в Россию для перевода на русский язык свою французскую рукопись, содержащую прославившийся впоследствии трактат о русских банях.

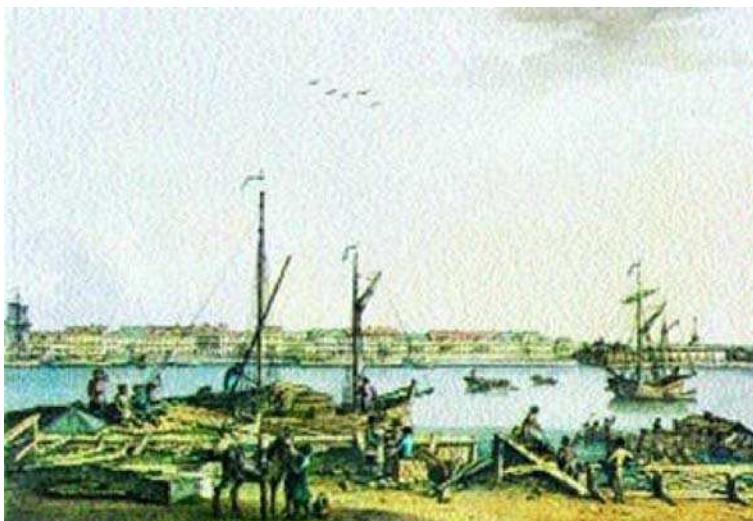
А́нна А́нна́ II, ѿи́мле́нная́ е́и і́а́нна́ де́о́а (1762—1796).

В русском издании книга эта озаглавлена «О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здоровья. Сочинение г. Санхеса, бывшего при дворе Ея Императорского Величества славного медика. Переведено с французского рукописания, доставленного Императорскому воспитательному дому для издания в пользу общую». Книга начинается так: «При оканчивающихся днях моей жизни, посвященной службе Империи Российской, не могу, кажется, совершить с большею для оныя пользою, как показав свойства бань, употребляемых ее обывателями со времен глубокой древности. Чудно покажется, что я первый осмелился писать о свойствах бань российских, особливо, когда уже тому более ста лет, как в России, при дворе и армии, всегда были искусные врачи немцы, англичане, голландцы, италианцы и греки, из коих однако ж еще ни один не писал о банях». Эта книга, первое по времени и чрезвычайно обстоятельное всестороннее исследование о действии бань, стала классическим произведением всемирной медицинской литературы и до сих пор остается в своем роде незаменимым сочинением, сохранившим крупное значение. Она была переведена на несколько европейских языков.

Санхец дожил до глубокой старости. Автор биографии его, помещенной в «Biographie Universelle», основываясь, по-видимому, на сообщениях друга Санхеча, доктора Андри, очень хвалит его характер, говорит, что он, хотя очень любил живой обмен мыслей, однако избегал горячих споров, был снисходителен к людям. Прокш называет Санхеча «bescheidener, friedenliebender, ja angstslicher Mann». Вдали от светского шума, в тиши своего ученого жилища, Санхец скончался 11 сентября 1783 года на руках своего друга доктора Андри. Парижская медицинская академия почтила его память особым заседанием, в котором Вик д'Азир произнес траурную речь, вошедшую, как все некрологи знаменитых врачей, в издание «Eloges historiques».

После смерти Санхеча в бумагах его были найдены 28 законченных рукописей in folio. В большинстве из них трактовалось о различных естественно-научных и медицинских вопросах. Одна рукопись трактует о причинах преследования евреев («L'origine de la persecution contre les juifs») и, по словам французского биографа, «манера, с какою Санхец разбирает вопрос, заставляет думать, что он сам был еврей». Далее французский биограф говорит: «Он питал глубокое отвращение к инквизиции, жертвами

которой сделались некоторые из его родных и его друзей. Одна из его рукописей озаглавлена «Размышления об инквизиции. Для моего личного употребления». Не будь этого обстоятельства, он возвратился бы в Лиссабон вместо того, чтобы поселиться в Париже». Из прочих рукописей Санхеца одна – о лечении сифилиса – была издана д-ром Андри; судьба остальных неизвестна. Может быть, они пущены в продажу вместе с богатой библиотекой покойного, которая была распродана с аукциона Дебюром в декабре 1783 года.

Ὁ ἀεὶ ἰ γὰρ ἀεὶ ἀοὺ Ἰ ἀὸ ἀδαὸ ἀἰτὸ ἰδ Ναι ὀαῶ, ἰ ἰ ἐεῖ ἀἰ ἰἰ.

Α. Ἰ ἀὸ ἀοῖ. Αἰ ἀεὶ ἐεῖ ἀἰ ἰ ἀαὸ ἀαεἰ ἀἰ ἡ Ἀἰτὸ ἐἰ ἀεἰ τἰ ἰ ἡ ὀ δἰ ἰἰ

Если после всего вышеизложенного поставить вопрос: «был ли Санхец евреем?», то придется, прежде всего, принять во внимание, что самый факт, подавший повод к обвинению его в принадлежности к иудейству, остается до сих пор не выясненным. Существует даже предположение, что опала Санхеца была вызвана чисто политическим, а не вероисповедным обстоятельством. Так, Прокш говорит: «Санхец был безвинно вовлечен в политический процесс (Staatshandel), из-за которого он был лишен покоя и даже подвергался опасности смертной казни (ihn das Richtschwert furchten liess), и вскоре придворным интригам удалось вытеснить этого безобидного человека, жившего только своей специальностью». П. Бартнев упоминает о французском авторе, утверждавшем, что Санхец должен был оставить Россию «по причине своей приверженности к предшественнику Елисаветы Петровны», то есть к Иоанну Антоновичу, при котором он был лейб-медиком. При этом Бартнев прибавляет: «Стоит отметить, что он уехал от нас вскоре после ссылки Лестока». Но в русских, довольно многочисленных данных о Санхеце мы не находим ни малейшего указания на что-либо подобное прикосновенности к какому-либо политическому процессу. Утверждение цитируемого Бартневым французского автора, что Санхец был заподозрен в приверженности к Иоанну Антоновичу, опровергается тем убедительным фактом, что Санхец по воцарении Елисаветы не только не подвергся опале, подобно всем сторонникам ее предшественника, но был оставлен в должности лейб-медика, в каковой оставался 5 лет. Самый текст «абшида», данного Елисаветою Санхецу при его отставке, устраняет всякую мысль о подозрении его в политической неблагонадежности. Стало быть, причиною опалы Санхеца надо считать только его иудейство, как это и высказали Бестужев и Разумовский. Труднее решить вопрос, действительно ли Санхец был евреем. Несомненно, что он был еврейского происхождения. Об этом он сам заявляет в своем письме к Эйлеру. Судя по тому, что

он ненавидел инквизицию, «жертвами которой сделались некоторые из его родных и друзей», надо думать, что семья его принадлежала к тем маранским семействам, которые тайно исповедывали иудейство и за то подвергались преследованиям со стороны инквизиции. Что касается лично Антония Санхеца, то можно предположить, что во время трехлетнего пребывания его в Голландии, где в первой половине прошлого столетия жило много маран, португальских выходцев, открыто принявших иудейство, Санхец сошелся с подобными еврейскими неопитами и под их влиянием проникся верою своих предков, хотя и не принял ее открыто. Это религиозное чувство могло в нем временно заглухнуть в Москве и Петербурге, частью вследствие молодости и увлечения профессиональными обязанностями, частью ввиду полного отсутствия в русских столицах еврейского элемента, который напоминал бы ему о его религиозных идеалах. Но в пожилом возрасте, когда он очутился в Париже, в нем могли вновь воскреснуть старые, заглушенные чувства... Может быть, он в Париже стал сходить с евреями, и, подобно всем маранам, тайно присутствовать при исполнении еврейских обрядов, и об этом разведал и донес в Петербург кто-либо из русских, находившихся в Париже. Несомненно, что он до самой смерти сохранил искреннее сочувствие к иудейству, иначе он не стал бы на старости лет, среди обширной научной деятельности, писать трактаты о происхождении юдофобии. Очевидно, в нем теплилось то сидящее во всяком еврее инстинктивное влечение к иудейству, которое евреи называют «Das punktele Jud», чувство, которое тысячи колеблющихся ограждает от ренегатства и сотни ренегатов тянет обратно в еврейство, – то неуловимое нечто, что представляет, в сущности, бессознательное преклонение перед вечными идеалами равенства и любви, воплотившимися в религии Моисея.

Было бы чрезвычайно желательно разыскать рукописи Санхеца о преследованиях евреев и об инквизиции. В них, без сомнения, нашлось бы много материала для характеристики душевного мира этой, во всяком случае, достопримечательной личности.

«Аттиа», 1898

Эйсава Шалева холоден, замкнут. Так сложились жизненные обстоятельства: мать прокляла его, орн остался без семьи и сознает, что проклятие сделало его одиноким навеки. Библейский сюжет об Эйсава лишь пунктиром присутствует в романе. В каком-то интервью М. Шалев говорил: «Я не собирался писать роман о современном Эйсава. Первичным моим замыслом было написать историю о хлебе. Я обходил пекарни, собирая материал. Одного из братьев я изначально задумал назвать Яаковом... И только в процессе работы над романом понял, что рассказчик – Эйсава».

Так или иначе, но Яаков из романа Шалева проходит огонь, воду и медные трубы, а его брат-близнец Эйсава припеваючи живет себе тем временем в Америке. Вспомним, что и библейский Эйсава устраивается в Эдоме, тогда как Яаков не знает покоя. Роман «Эйсава» сразу после выхода в свет стал бестселлером и переиздавался еще не раз и не два.

В 1994 году увидел свет третий роман М. Шалева – «Как несколько дней». Подобно двум предшествующим, эта книга тоже о давних временах. Писатель продолжает повествовать о бытии еврейских поселений в Езреэльской долине в период между двумя мировыми войнами. Место действия на этот раз – то же, что и в «Русском романе». Главной сюжетной линией становится любовь трех мужчин к одной женщине – матери рассказчика; в деревне ее называют «Юдит Рабинович». Повествование ведется от имени ее сына; мальчик носит странное для ребенка имя «Зейде», с идиша оно переводится как «дедушка». Сама Юдит так объяснила сынишке, в чем тут дело: «Прилетит ангел смерти, – сказала она, – увидит маленького мальчика по имени Зейде, сразу поймет, что ошибся, и полетит себе в другое место».

Надо отметить, что жизнь не слишком баловала Юдит; у нее поэтому, наверное, были основания дать сыну столь странное имя. Первый муж этой женщины долго жил в Америке, а когда вернулся, узнал, что у жены в его отсутствие был любовник, она встретила его беременная. Тогда он забрал их общую дочь и вновь уехал в Штаты. Уже навсегда. Второй ребенок Юдит родился мертвым... Женщина жила одна, перебиваясь с хлеба на воду, пока не нанялась работать к фермеру Моше Рабиновичу, оставшемуся вдовцом с двумя детьми после гибели жены. Рабинович влюбился в Юдит, как, впрочем и еще двое мужчин в деревне – хитрый торговец скотом Глауберман и мечтатель, пылкий романтик Шайнфельд. Из-за страсти к Юдит Шайнфельд потерял свою жену Ривку, некогда первую красавицу в деревне.

Обо всех коллизиях, связанных с этим любовным «четыреугольником», а также о других событиях в жизни поселенцев рассказал Зейде Яаков Шайнфельд. С тех пор мальчик считает себя сыном всех трех мужчин: «От Моше Рабиновича я унаследовал хозяйство, хлев и льняные волосы. От Яакова Шайнфельда – красивый дом, изящную посуду, пустые клетки для канареек и сутулую спину. От Глаубермана, торговца скотом, – мешок денег и огромные ступни».

В предыдущем романе Шалева, «Эйсава», тоже действует герой по имени Яаков. Библейский праотец, как мы помним, служил за свою возлюбленную Рахель семь лет, и они пролетели для него «как несколько дней». Не отсюда ли название романа Шалева? Яаков Шайнфельд тоже ухаживал за матерью Зейде долго и настойчиво, совершая немыслимые, экстравагантные поступки: в знак любви к Юдит он выпускал в небо тысячи канареек, научился танцевать танго, готовил восхитительные свадебные блюда и даже сшил для своей возлюбленной роскошное подвенечное платье. Прийти-то невеста пришла, да в последний момент передумала и решила выйти замуж за Рабиновича... Яаков пережил этот удар мужественно и с достоинством, однако с тех пор с ним что-то

произошло: он постоянно ходит на автобусную остановку и приглашает людей к себе на свадьбу.

Израильские критики высоко оценили новую работу писателя.

Уже и прежде отмечалось, что Меир Шалев традиционно обращается к сюжетам, предельно близким библейским. Один из любимых Шалевом героев – праотец Яаков, современный тезка которого, в чем-то повторяя судьбу древнего своего прародителя, присутствует в каждом произведении Шалева. Сам автор говорил об этом в одном из своих интервью: «В любом своем романе я сосредотачиваюсь на одном из качеств характера праотца Яакова. В “Русском романе” – это его способность руководить людьми, в романе “Как несколько дней” – терпение, а в “Эйсаве” – умение переносить страдания».

Порой автор иронизирует над древним мифом, истолковывая его на собственный лад. У Моше Рабиновича из романа «Как несколько дней» пышные и длинные волосы, словно у библейского Самсона; отсюда и шутки по поводу мужской силы героя. Впрочем, воспроизводя в той или иной форме библейские сюжеты и библейских персонажей, Шалев оставляет за собой свободу вымысла: «Я... присваиваю себе право писать, как мне вздумается. Ведь мне позволено лгать... Таково мое ремесло... Я хочу рассказать историю, вот и все».

Оценивая три первые романа Шалева, критика по-разному – и не всегда положительно – относилась к его манере прямо или косвенно использовать библейские истории. Однако это не помешало читающей публике, авторам литературных рецензий и обзоров дружно приветствовать появление в современной ивритской литературе яркого и самобытного писателя. От Меира Шалева ждут многого.

В 1995 году писатель выпустил книгу «Главным образом о любви», написанную на основе цикла лекций, прочитанных им студентам Иерусалимского университета в 1994 году. Этот сборник эссе посвящен исследованию важных для литературы вопросов любви и ненависти, страданий и наслаждения. Речь идет также о роли памяти в художественном творчестве. Ключевым пунктом концепции Шалева стал греческий миф о Мнемозине. Произведения искусства, считает автор, создаются в основном силой памяти, и все самое оригинальное и новое берет начало в прошлом. М. Шалев полагает, исходя из этого, что «творчество является порождением не спонтанного вдохновения, но кропотливой, почти каторжной работы, напоминающей по своему характеру раскопки».

В 1999 году литератор опубликовал еще одну книгу эссе – «Секрет обмана зрения», об особенностях создания художественных образов в детской литературе. В основу ее также положен курс лекций, который Шалев читал студентам Тель-Авивского университета.

Два последних романа Шалева отличаются тем же особым авторским вниманием к внутреннему миру человека. Речь идет о книгах «В его доме в пустыне» (1998) и «Фонтанелла» (2002). Название последней можно перевести как «Темечко», и оно

несет скрытый смысл: у героя при рождении не заросло темечко; в результате он живет, как говорят на иврите, с «открытой головой», что можно понимать двояко: это и человек, широко мыслящий, и человек, чью голову раскроили сильным ударом. Сам автор считает, что его последняя книга «еще более “русская”, чем “Русский роман”».

В России практически неизвестно творчество М. Шалева для детей, а оно, надо заметить, весьма своеобразно. В 1993 году прозаик издал книгу «Папа совершает ошибки», а в 1995-м выпустил сборник «Потоп, змей и два ковчега». Это наиболее популярные библейские истории, пересказанные в форме, доступной для детей в возрасте от 3-х до 8 лет. В сборник вошли шесть рассказов: об Адаме и Еве, о Ноевом ковчеге, о Вавилонском столпотворении, об Аврааме и Сарре, об Иосифе и его братьях и, наконец, о Моисее. Книга создана на основе магнитофонных записей М. Шалева с известным эстрадным певцом Шломо Арци. Записи были сделаны в середине 80-х годов и были очень популярны у израильских детей. «Дети тогда прямо-таки обезумели от восторга, – вспоминал писатель. – Это было поголовное увлечение. Они устраивались на полу прямо перед магнитофоном и слушали истории из Танаха...»

Произведения Меира Шалева переведены более чем на двадцать языков. Последние годы писатель ведет постоянную колонку в субботнем приложении к газете «Едиот ахронот». Его шутки, парадоксы, его искрометный юмор снискали ему славу выдающегося полемиста.

Меир Шалев – чрезвычайно доброжелательный, открытый и остроумный человек. Во время наших встреч в Иерусалиме и Москве он охотно рассказывал о себе, своей семье и увлечениях. Меир – страстный автолюбитель; много лет он водит мощный спортивный мотоцикл и «джип». Несколько лет назад Шалев занял третье место в «Ралли, пересекающем Израиль». 500-километровый маршрут этого четырехдневного состязания проходил по труднодоступным районам Негева. «Очевидно, я – лучший водитель среди писателей и лучший писатель среди водителей», – шутит Шалев...

Ààîð è ïàðàñà:èé - À. Êðéîá

ФЕЙС АП

Ī ēōāēē Nāāīāēēē

Из глубины безмолвного душного июльского полдня надвигалась гроза. Блюма Моисеевна, сутулая старуха с красивой головой, переваливаясь на кривых ногах, спустилась с крыльца и стала собирать лежавшее на траве белье. Потом она зашла в дом, разложила рубашки, полотенца, наволочки, салфетки на стулья, на спинку дивана, на кровать и принялась задергивать занавески на окнах.

– Зачем это, ба? И так темно!

– А! – пожала левым плечом Блюма Моисеевна. Она всегда так делала, когда была возмущена тем, что люди не понимают самых простых житейских вещей. – А! – развела она руками и продолжала начатое.

Она ужасно боялась шаровых молний с тех пор как однажды в эвакуации видела красивый желтый шар, скользивший по крыше дома. Потом он перескочил на столб и вдруг разорвался со страшным грохотом, расщепив древесину до самой земли, расплавив провода и расколов изоляторы. Блюма тогда страшно испугалась, но философски произнесла: «Всё! Теперь легче станет!» Что она имела в виду, никто не понял, потому что вся деревня потом три дня сидела без света. Но громкоговоритель-колокольчик, висевший на стене правления, вдруг в субботу на той же неделе передал потрясающие сводки об успехах Красной Армии на фронте. Все бежали послушать еще и еще раз, потому что сводку радостно повторяли. Людям действительно стало легче на душе, хотя паек не прибавили и хлеб не подешевел. Но Блюма Моисеевна и тогда не упустила возможности высказать свои мысли вслух: «Вот вам и шабес! Гут шабес! Гликлех зол мир зайн!»^[1]

С тех пор не только домашние, но и все, кто хорошо знал ее много лет, не пропускали мимо ушей ни одного соображения этой немного странной женщины с гордо посаженной на короткую шею головой. Она была немногословна, но обо всем имела свое мнение.

Это она спокойно сказала, когда Фира уронила ребенка и так закричала, что с гвоздя рухнул медный таз для варенья и на грохот прибежали соседи с огорода:

– Музыкантом будет! – Она даже не посмотрела на свою невестку. Проверила у ребенка ручки, ножки, шлепнула его по голой попке и добавила: «От ир вет зен!»^[2]

Пришлось подождать какие-нибудь двадцать лет – так что? Это такие мелочи. И теперь этот внук стал ее лучшим другом, потому что если он не на гастролях – сидит дома. Сидит! Это только так говорится – «сидит». Он встает, как только все разбегаются на работу, и начинает пилить. Он пилит и пилит часами. Он уже перепилил всех композиторов на свете. Но если за это платят такие хорошие деньги – она согласна терпеть и готовить ему завтрак, и даже стелить ему постель, потому что именно стелить постель он не любит больше всего на свете.

Сегодня у нее, конечно, особенный день. Лёнчик этого не помнит... А что он вообще помнит, кроме своей музыки?.. Но сегодня ровно семь лет, как не стало Наума.

Семь лет... это... это целых семь лет... Ему бы тут многое не понравилось... Но... эйх мир а пурец...^[3] А в лагере на нарах ему нравилось? Но ничего – вытерпел же... раз надо... Мог бы и потерпеть... Тут же не лагерь...

Короче, Лёнчик обещал отвезти ее на кладбище. Он сделает перерыв и отвезет. У нее, слава Б-гу, некого навещать там, и поэтому внук никак не может понять, зачем ей туда надо и на какое кладбище...

– Их же тут много, ба! Полно!..

– Так что? – удивилась Блюма Моисеевна. – Мне же на все не надо. А со старухой не стыдно ехать на кладбище, это же не с девушкой...

– Ба, слушай, как это ты все умеешь видеть не так?

– Не так? Почему не так? Это мне надо удивляться, сколько вокруг слепых... Не так... Что я вижу не так?

– Что? – Лёнчик задумался и смотрел на бабушку, стараясь представить себе, что это совсем незнакомый человек, чтобы вернее оценить ее и ответить. Но у него ничего не получалось. – Знаешь, когда ты меня больше всего удивила?

– А! Я его удивила!.. Когда? – все же поинтересовалась она и села на краешек стула, опершись расплюснутыми от работы ладонями на свои колени.

– Помнишь, когда по дороге сюда мы в каком-то штетле под Веной еле успели покинуть свои чемоданы в окна и сами еле втиснулись в вагон, и навалилась такая страшная тишина, что, казалось, все действительно раздавлены и никогда уже никто не сможет поднять голову. И я тебя спросил тогда: «Ба, тебе плохо?» – И что ты ответила?

– Я помню? Конечно, я помню! Я помню стих, который учила в третьем классе!..

– Ну при чем здесь стих?!

– А при том, что я помню!.. – Она на секунду опустила голову и, как показалось внуку, повторила все в абсолютно той же тональности, что и пять лет назад, – А тебе хорошо? А! Это же так понятно – они потом опять засунут нас в бараки, и все сразу скажут спасибо.

Теперь они замолчали оба и сидели, понуриив головы, перенесенные памятью в ту страшную ночь. Случилось совсем другое. Их выгрузили на перрон, оцепленный солдатами, потом построили по четыре в ряд и так повели сначала вдоль состава, а потом через весь вокзал на площадь. По бокам шли те же солдаты в касках с автоматами наперевес и рычащими и рвущимися с поводков овчарками. Люди еле передвигали ноги, падали в обморок от страха и пронизывающей душу мысли: «Зачем мы это сделали, зачем стронулись с места?» Гортанная немецкая речь подстегивала их, и всем показалось, что сейчас их втиснут за колючую проволоку и выстроят на пороге газовых камер. Они столько раз уже читали об этом и столько раз видели в кино. Завыла сирена, машины с красным крестом подкатили прямо к колонне и забирали тех, кто не выдержал этого натиска и испуга. Тогда она поманила скрюченным пальцем перепуганного внука, подняла голову и сказала совершенно не подходящим к моменту заговорщицким тоном:

– Смотри, они боятся!

– Кто? – он совершенно растерялся.

– Да ты посмотри, посмотри на них, разве ты не видишь?! Посмотри, какие у них лица!

И что? Репортеры тогда не упустили момента, и назавтра по чистенькой, уютной гостинице, куда их поселили, ходили люди и показывали друг другу черные смазанные снимки в газете, подпись под которыми рассказывала, что колонну эмигрантов сопровождали солдаты с собаками, потому что власти очень боялись арабских террористов.

– Ну, ба! Ты... ты... – он не нашел подходящего слова и только погладил ее по гладким тугим волосам, а потом отвернулся и быстро вышел, чтобы она не заметила, что глаза у него мокрые. – Так ты готова? – закричал он через мгновение из другой комнаты.

– Я туда всегда готова, – проворчала старуха. – Но Он, – она подняла глаза кверху и вздохнула, – Он, наверное, забыл про меня, когда забирал Наума.

Они долго петляли по тенистым зеленым улицам городка, пока добирались до этого огороженного невысоким забором склона, сплошь утыканного сероватыми приземистыми камнями, впрочем, выложенными довольно ровными рядами.

Лёнчик остановил машину, обошел ее и помог выбраться бабушке.

– И что ты тут будешь делать?

– Я посмотрю.

– Что ты помотришь?

– Посмотрю! – сердито мотнула головой Блюма Моисеевна. – И не ходи со мной! – Она угрожающе подняла руки. – А где здесь контора?

– Какая контора, ба?

– Какая контора? Контора! На каждом кладбище есть контора.

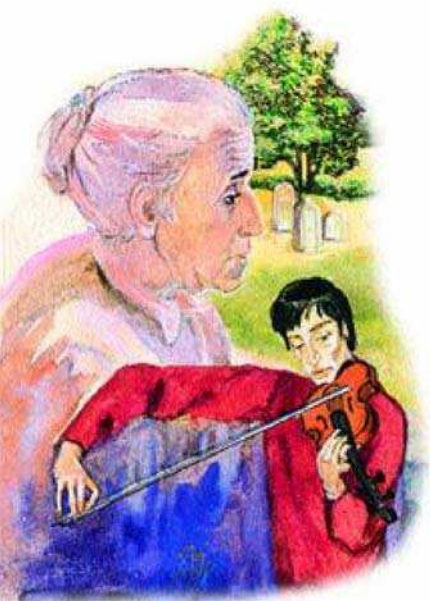
– Контора? И что ты там будешь делать? В этой конторе?

– Мне надо поговорить...

– Поговорить? – изумился Лёнчик. – Как же ты с ними будешь разговаривать? Ты же не знаешь языка!

– А! Так что – я опять должна иностранный язык учить?

– Почему опять, ба?

– Почему! Сначала я учила польский. Когда мы из местечка вырвались. А когда уже нас присоединили к Белоруссии – так опять иностранный: русский... Мне уже хватит... Б-г меня и так поймет, я расскажу ему все мои цорес на идише! Не ходи за мной! Не ходи... – Она наклонилась вперед, чтобы легче было идти вверх по склону, и ее сутулая спина закачалась из стороны в сторону в такт шагам.

Накануне соседка по улице сказала ей, что узнала, сколько стоит здесь похоронить человека, и она пришла в ужас. Раньше она как-то об этом не думала. Но теперь, когда эта балаболка Малка сказала, что похоронить «безо всяких таких штучек» стоит восемь тысяч долларов, она просто оторопела от ужаса и решила сама проверить, так ли это и нельзя ли как-нибудь устроить все это дело подешевле, потому что сама не претендовала ни на какие оркестры... Она почему-то вспомнила сейчас, как папа говорил ее старшему брату в трудную минуту: «А нефеш, а нефеш, генг нит ди коп! Зажигай по субботам свечу, и Б-г увидит тебя!» Она это помнила всю жизнь. И эти слова помогали ей, когда, казалось, ничто уже не спасет и не поможет. Когда болели дети, когда умирала мама без лекарств, а денег не было, когда они замерзали в эвакуации на башкирском морозе и когда река хотела проглотить их пароходик, клонившийся то на один, то на другой бок от бегавших в панике по палубе людей, а люди боялись налетающих сверху самолетов с крестами на крыльях, сыпавших на их головы бомбы. И когда сидел Наум, и даже пару носков нельзя было ему передать, а их, как семью врага народа, просто выкинули на улицу... Зачем ей так много денег тратить? У нее за всю жизнь столько не было! Зачем? Пусть лучше отдадут на синагогу и прочтут хороший кадиш... и камень ей можно попроще... Не такие глыбы, как у них там, на Игуменке... зачем лежать под огромным камнем – это же такая тяжесть, что невозможно дышать! Она оглянулась на камни вокруг и удовлетворенно пошла дальше – все одинаковые, небольшие и безо всяких «штучек».

Так неспеша она добрела до сложенного из камней домика, вросшего в землю. Дверь была закрыта. На щитах под деревом были выписаны разные правила и объявления. Она шарила по ним глазами, пока не наткнулась на некое расписание: слева что-то было начертано словами, а справа, напротив, стояли цифры долларов. «Ага! Это прейскурант!» Блюма Моисеевна вцепилась в него глазами, но скоро разочарованно перевела взгляд на другие таблички – эта ей явно была не нужна: слишком небольшие цифры значились в этом столбике. «Эх, – вздохнула Блюма Моисеевна, – может быть, они и правы... Но не в школу же идти учить язык... И где эта школа...» Когда поляки кричали «жид!», было все понятно, хотя не так обидно – ну нет у них другого слова. Да, что учить язык! Потом русские кричали «жид!» – тоже было все понятно, потому что у них есть другое слово. Может быть, они торопились, а это слово короче. Но вскоре они сравнялись. Эти слова. Сколько плакал Лёнчик, что его дразнят «евреем!» Как можно дразнить «евреем»...

– Они тебе завидуют, Лёнчик! – успокаивала его Блюма.

– А чего же дразнят?

– Так я ж тебе говорю – от зависти! Они же не могут стать евреями!

– А им хочется? – удивлялся любопытный внук.

– Хочется? – сомневалась Блюма Моисеевна. – Думаю, что нет... Но... Еще захочется! – уверенно завершала она...

«А!» Потом так и вышло, когда все стали уезжать! За то, чтобы стать евреем, платили большие деньги... Она насторожилась, сзади ей послышался скрип гальки под ногами, и она чуть глянула назад через плечо: «Не выдержал-таки! Мальчик. Золотой мальчик... Сколько он из-за меня не “допилит” сегодня! Ему же надо заниматься! Он говорит, что если один день не занимается – мучается сам, а если не занимается два дня, так мучаются слушатели! Это же надо, как он слышит, – весь в меня!» Она медленно повернулась к нему и смотрела, как он при каждом шаге, поднимаясь к ней по склону, словно пробивает головой упругую преграду.

– Как же они хоронят, Лёнчик? – спросила она, когда он подошел.

– Как?

– Ну, нет же ни сторожа, ни мастерской, где камни точат... Ну, не с кем же поговорить!

– Ба! Ой, ба, ну перестань! Я тебя прошу! Ты за этим сюда ехала? Я же тебя спрашивал, зачем ты едешь. Я бы тебе дома сказал – они не тратят денег зря! Наверное, есть контора такая, которая этим всем занимается! Тебе-то зачем? – возмутился Лёнчик.

– Зачем? – возмутилась в ответ Блюма Моисеевна. – Мальчик! Ты так привык ко мне?

– Ба! Я сейчас разозлюсь! – И он шагнул по склону обратно. Блюма помедлила мгновение и поплелась следом, упираясь пятками в склон. «Какой он нервный все же, – думала она, – эти звуки на скрипке всю душу вынимают. Лучше бы играл на рояле... Но как его возить с собой? Он такой большой». Внизу она остановилась перед автоматом с разными напитками и бессмысленно смотрела на надписи: «Везде таблички, везде... И эти зеленые деньги с разными портретами... ничего, довольно солидные люди... серьезные... хорошо выглядят».

– Ты хочешь пить? – услышала она над собой голос внука.

– Нет, – она протянула руку и указала на надпись над рисунком доллара. – Что тут написано?

– Здесь? – Лёнчик тоже ткнул пальцем. – Фейс ап.

– И что это значит?

– Лицом вверх.

– Вверх? – переспросила Блюма Моисеевна и скорбно подняла глаза к небу.

– Ба! Ну ты что? – вдруг неудержимо засмеялся Лёнчик. – Это его лицо кверху, понимаешь...

– Понимаю, – перебила его Блюма. – Понимаю. Твой прадед, мой отец, всегда говорил мне... еще я маленькая была, слышала, он говорил брату, а потом мне: «Генг нит ди коп!»^[4] Понимаю. Я понимаю...

^[1] *Αἰάδιε πατρίου! χολάι ἡ π-αἰοέεαι αἰέε!*

^[2] *Ἄτο αἰεεοά!*

^[3] *Ὀρεάι ἰά αἰδέι...*

^[4] *Ἰά αἰοαέ αἰεἰά!*

Нескучный сад

יְהִי עִיבָּרֵי

Наш близкий знакомый Юд (на иврите) – сравнительно немолодой сценарист Ю (на кириллице) – взялся экранизировать «Первую любовь». Повесть Тургенева трактовалась по Достоевскому: соперничество Отца и Сына, нагло-прекрасная беззащитная Героиня...

И еще – Мать. Тихая, робкая. Весьма заурядной внешности. В молодости – без гроша. Почти приживалка в доме богатого дядюшки, который завещал ей имение и доходы. И вот, по страстной любви, вышла за неимущего, очень красивого Отца... Теперь терзается ревностью.

Фильм открывался современными кадрами. Выставочный зал. Затерянные среди публики бродят Отец и Сын, Героиня и Мать – пока разобщенные, не составляющие семьи и сюжета. Порознь останавливаются у небольшой бытовой вещицы, изображающей мужскую компанию в далеком веке.

На полотне только что отобедали. Или отужинали. Кто-то снимал салфетку, кто-то отодвигался, кто-то закуривал... Внезапно картина оживала:

Хозяин позвонил и велел принять со стола.

– Итак, это дело решенное, – промолвил он, глубже усаживаясь в кресло. – Каждый из нас должен рассказать историю первой любви. За вами очередь, Сергей Николаевич.

Сергей Николаевич, кругленький человек с пухленьким овальным лицом, посмотрел сперва на хозяина, потом поднял глаза к потолку.

– У меня не было первой любви, – сказал он наконец. – Я прямо начал со второй.

– Это каким образом?

– Очень просто. Мне было 18 лет, когда я приволокнулся за весьма миленькой барышней. Но ухаживал так, как ухаживал потом за другими. Собственно, в первый и в последний раз я влюбился лет шести в свою няню... Подробности наших отношений изгладились, но если бы я припомнил, кому интересно?

– Так как же быть? – Хозяин огляделся. – В моей первой любви тоже не много занимательного. Моя сказка двумя словами сказывается: отцы сосватали, мы с женой полюбили друг друга... Я, господа, поднимая вопрос, надеялся на вас, не скажу – старых, но и не молодых холостяков. Разве вы чем-нибудь нас потешите, Владимир Петрович?

÷òí ìíñòýçàòíŷ ñáàòðíí

á ò àèíé æá áñòáñòááí ííñòè,

èàè áíèíñí, –

ááæè ò ì àèíí-èè-Ñíí,

íí òíáó ááèæáí èŷ

í òáí áðáæèŷ í òèðíáá

Прежде чем развернется фильм, – полагал Юд, – пусть зритель проникнется, что действие происходит не где-то там, в истории, на неведомой глубине, а в нашем городе, между такой-то улицей и таким-то проспектом. И потому сейчас, прямо на глазах, на месте вечного гастронома, вырастает дачный ампирный особняк с оранжереей и службами. На крылечко выходит Мать. Смотрит из-под руки на бегущего Сына, на удивительное изменение мира...

Сценарист Ю застал еще Большую Калужскую (нынче Проспект) и одноименную плешку (прежде – Калужскую) с кинотеатром в бывшем соборе. А Калужская застава (еще без Ракеты) была границей города. И два дома, устремленные в областные просторы, поставленные по дуге, горстями черпали солнце – утреннее, дневное, вечернее. Заря и закат играли с окнами, приветствуя-провожая гостей.

Аккурат правое полудужье, если смотреть из области, и обратилось (двумя абзацами выше) в желтый ампирный домик, который покинула Мать, неприятзательно одетая, с мешкообразною скромной котомкою. Поглядывая на Сына, вернувшего луг автомобильной развязке, Мать смешалась с толпой на современном проспекте, что обернулся внезапно Большою Калужскою первых послевоенных лет.

И снова сделавшись мальчиком той эпохи, сценарист Ю увидел тогдашнюю мостовую с одинокими «эмочками», «газиками»-полуторками, «зисами-101», с патрульным «виллисом», трофейным «опелем», синим троллейбусом, новенькою «победой»...

Каждый своим маршрутом – Мать и Сын направлялись к Нескучному. Он стоял, где стоит, прихорашиваясь по сезону. Зеленые листья желтели и жухли. Их сгребали, жгли. Дым уходил паром, падая снегом, дождем.

Вплотную к Нескучному подвели забор с воротами и бюро пропусков. Подъезжали грузовики. Ворота медленно отворялись. Из будочки выходил охранник. Шофер, тоже в форме, высовывал накладную. Машина, как виделось сценаристу, была «студебеккер». Рокоча, вкатывалась на территорию.

Забор опоясывал ее по периметру, выгораживая строительную площадку. Оставляя на свободе Нескучный и зеленый обрыв к реке, и улицу, и Окружную дорогу (Третье, – поздняя сноска, – транспортное кольцо). Внутри, отделенные забором, копошились и гоношились. Разгружали «студебеккер». В большой ржавой бочке варили битум.

«В бочке-печке», – хотел написать Юд.

Дребезжала распахнутая заслонка. Красный огненный чуб мотался под ветром. Отец, в офицерской робе, присевши на корточки, кормил пламя отбракованными паркетинами. Из временки, увешанной лозунгами, что, мол, труд в Нескучном есть дело чести, доблести и героизма, – из конторы-прорабки выскакивала прекрасная Героиня, более наглая, чем беззащитная. На черной графленой доске, стуча и царапая, выводила мелом проценты: отделочники... маляры... паркетчики... Подбегала сзади к Отцу. Одной рукой толкала, другою – удерживала. Сдвигала его офицерскую фуражку, обнажая жесткие завитки, курчавые и седые. Такие же бархатные, как черный артиллерийский околыш.

Мать и Сын сошлись около дома. Невдалеке от забора, спрямлявшего вогнутый фасад. Сын перенял у Матери сумку – скромный мешкообразный сверток. Задравши голову, стояли под самой почти стеной и будто искали кого-то глазами.

Часть стекол была вставлена и чисто вымыта. В них, по указанию сценариста Ю, отразился смешанный историко-современный пейзаж – леса и пашни, воссозданные на бегу мальчиком-Сыном, плюс уцелевшие по неизвестной причине более поздние сооружения, скажем, научный институт с куполом самоварного золота, которое (золото) желтым блеском полыхало в окне.

Иные проемы были пусты. С прислоненными рамами, выпущенным на волю малярным валиком, бунтами проволоки и проводки, обойными рулонами...

В сквозном проеме, склонившись друг к другу, обнявшись, стояли Отец и Героиня. Она – в платочке, положивши голову ему на плечо, улыбаясь и смеживши очи. Он – низко надвинув фуражку, в козырьке которой плавало самоварное золото.

Снизу, с улицы, из-за ограды, махал Сын, за спину перекинув котомку Робкая Мать приподняла руку...

Героиня открыла глаза, усмехнулась и еще теснее прижалась к Отцу.

– Эй ты! – крикнула звонким голосом. – Хватит тебе шляться, проститутка! Отдавай последнюю передачу и уваливай! Еще раз на вахте увижу – морду расцарапаю.

ЗАТЕМНЕНИЕ, написал Юд, КОНЕЦ ФИЛЬМА

Ènńĩáí úá ì àò àdèàèú:

È. Òòdńĩ áá Í ádńáú èpáíáú

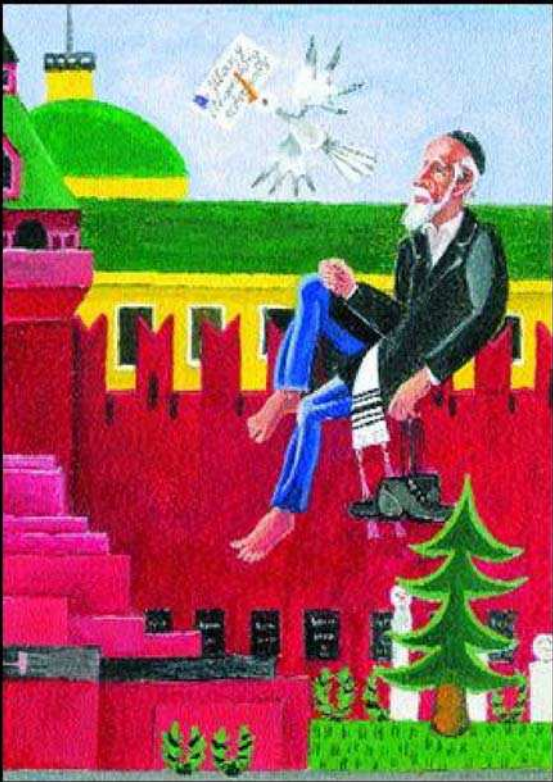
À. Nńéæáí èòúí. Á èdńáí ì ádńáí.

Í ì çáí ýý ñ ñńéá:

Действие происходит в Нескучном саду, на месте огромного дома, который вскоре после войны возвели заключенные. Был среди них и Александр Исаевич Солженицын. В день его рождения, 11 декабря 1973 года, данный текст и написан.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2003 КИСЛЕВ 5764 – 12(140)

Письмо младшему брату

Àḍi-Èḗá

Ивану Ивановичу Иванову

С наступающим, Ваня!

Ты спрашиваешь, откуда мой оптимизм. Сейчас расскажу. Но зафиксирую предварительно так называемый «местный комплекс».

Вы, Ваня, местные, боитесь исчезнуть. Такого страху нагнало на вас двухсотлетнее восточное иго. Были, наверное, и другие причины. Однако же и по сей день избываете вы смертный тот ужас.

Отсюда, в частности, чрезмерный патриотизм с воплями о несусветных достоинствах. Все вам мерещатся какие-то внешние силы, что подомнут и раздавят. Между тем один мудрый немец заметил: если России суждено погибнуть, то от внутренних потрясений.

Ḑiñḗḗ - òèèéíà Ḑiñḗḗ - í ḑàḑ

À í fḗḗò áúòü Ḑiñḗḗ - ò fḗḗéí fò ḑḗḗ -

писал Георгий Иванов.

Опасение рассеяться, раствориться, не оставить следа и памяти – главная ваша забота. Вспомните, Ваня, как Достоевский настаивал на резервации для евреев – «черте оседлости». Мы, говорит, русские – народ-ребенок. И разные древние нации сделают с нами, что захотят: заведут и не выведут.

У страха глаза велики. Василий Витальевич Шульгин возражал против смешанных браков. И до того увлекся, что вычеркнул из русской культуры Пушкина, Жуковского, Вяземского, Герцена, Фета...

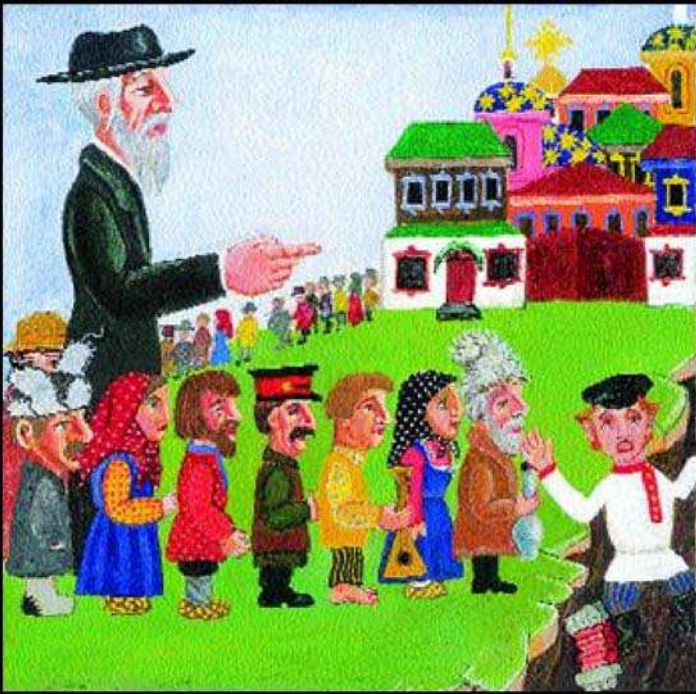
Что поделаешь? Охота пуще неволи! Ежели, рассуждает, евреи (которых в империи пять миллионов) и русские (которых сто) переженятся... Вот именно, что же получится?

По логике и статистике евреи, похоже, обратятся в «фу-фу». А по Шульгину:

Можно с уверенностью утверждать, что из десяти русско-еврейских детей девять унаследуют черты родителя-еврея.

То есть при стомиллионном арифметическом перевесе в аккурат русские, полагает Шульгин, и прекратятся. Он разделяет идею классика насчет «народа-младенца». И выдвигает противоположную – «народ-старец». Который, согласно другому классику (полуполяку Некрасову), «все, что мог, уже совершил»... Только в одном отказывает Шульгин местному населению – в зрелости.

А где, Ваня, грань между зрелостью и незрелостью?

По-моему, зрелость, как бы там ни было, всегда продолжает. А незрелость, с тем же упорством, всякий раз стремится разрушить, дабы начать сызнова.

Черт, – говорит мыслитель, – есть начатое и неоконченное, которое выдает себя за безначальное и бесконечное.

И юдофоб – с такой точки – порождение Дьявола. Ведь если верить другому философу, антисемитизм – не образ мысли, а страсть. Страсть как охота разделаться с прошлым и заварить кашу по новой!.. Но пока мы, евреи, существуем реально и въявь, история

человечества прозрачна. И просматривается на всю глубину.

Ваня, вы меня знаете. Я – Арье-Лейб, старенький старичок. Вечный Жид на кладбищенской ограде. Мне шесть тысяч лет.

Меня продали в рабство, распавав до основания родимый Иерусалим. Изгнали из одной страны. Преследовали в другой. Травили в третьей. Сажали на кол в четвертой. Убивали в пятой, шестой, седьмой, восьмой, девятой...

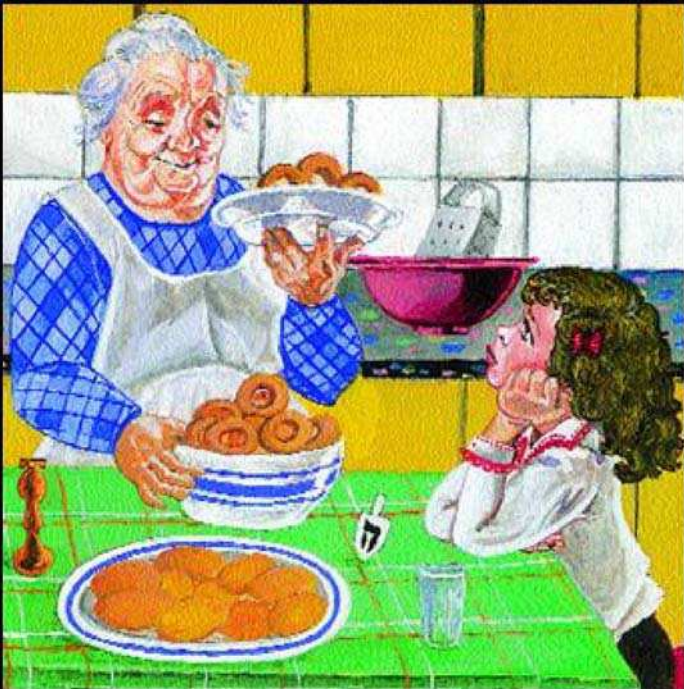
Говорят, я выдумал автомобиль-душегубку. И отравляющие вещества. Был загазован на Западе. Восстал на Востоке из мерзлоты – вечной, как я. Открыл теорию относительности.

И объявляю из глубины (с высоты) своего опыта:

Ваня, оставьте страхи! Вы не пропадете, раз не пропали мы. Заверяю как старший брат. Хотите, от имени истории выдам справку с печатью?.. Например, из книги «Россия и евреи», изданной в Берлине в 1924 году:

Русский народ, что бы с ним ни случилось, что бы над ним ни проделывали, останется сидеть плотной и грузной массой на своей земле, такой же необъятной, как он сам. Его потери велики, жертвы неисчислимы. Он может обеднеть и на время утратить свободу. Но ничто не угрожает ему в целом, ничто не в состоянии ни исчерпать русского моря, ни расплескать. Земля русская и народ русский едины. Этого великана и врата адавы не одолеют. Иначе мы

Но тут, Ваня, начинаются наши, еврейские комплексы.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2003 КИСЛЕВ 5764 – 12(140)
וַיְהִי בַּיּוֹם הַהוּא וַיְהִי עֵשֶׂת יָמִים אֶתְּמַלֵּךְ

Эмма Коган

Вечером с кухни потянуло вкусеньким. Ага, опять бабушка что-то затеяла. Ну и я тут как тут. Смотрю, она уже тесто замесила и шарики катает.

– Садись, помогай! Будем пончики печь. А после картошку натрем и сделаем латкес – драники.

– А зачем пончики? – спрашиваю. – Почему драники?

– Потому что сегодня – Ханука. Праздник света, радости. Я тебе хануке гелт припасла... ханукальные денежки... и волшебный волчок.

– Волшебный?

– На боках – погляди – буквы: НЕС ГОДОЛ АЯ ШАМ – ЧУДО ВЕЛИКОЕ БЫЛО ТАМ.

– Прямо стишок, – говорю, – АЯ ШАМ – БЫЛО ТАМ... Что за чудо?

– Чудо с кувшинчиком масла. В память о нем – и пончики с драниками. Только обязательно на большом масле.

– Ой, как интересно! Расскажи, пожалуйста!

– Ладно. Слушай внимательно и не перебивай.

Что рассказала бабушка

Сначала – про Александра Македонского. Он-де великий полководец, да зачем стулья ломать... Так вот, Александр Македонский ничего понапрасну не разрушал.

Подступил к Иерусалиму, а навстречу – старейшины с первосвященником. Достоинно приветствуют, вручают ключи от города... Молодой император соскочил с коня и почтительно новым подданным поклонился. А первосвященнику – до земли.

– Я, – говорит, – с детства, в родимой моей Македонии, мечтал покорить мир. И та картина, что нынче наблюдаю в натуре, являлась мне в сновидениях. Вы, мудрый Первосвященник, благословляли меня... Теперь понимаю: сон мой был вещим. – И принес жертву Б-гу Израиля.

По всей империи, от Дуная до Инда, повелел Александр воздвигнуть свои статуи. На Балканах и Адриатике, в Египте и Персии, на Кавказе, в Средней и Малой Азии... Кроме единственной провинции – Иудеи. Нас от мраморных идолов освободил. Из

уважения к заповеди: не сотвори себе кумира. И в благодарность нарекались сыны израилены императорским именем...

– Оттого и дедушка твой, – сказала бабушка, – Сендер...

Когда Александр умер, империя развалилась.

Сирийскими греками правил Антиох IV по прозвищу Эпифан («прославленный», «великолепный»). Четырнадцать долгих лет, оторванный от семьи и родины, провел в Риме – заложником, и характер его малость подпортился. Так что отдельные лица (допустим, еврейской национальности) поддразнивали владыку (опять же по-гречески) Эпиман («безумный», «психованный», «шиз»).

У государя, – хоть «прославленного», хоть «шизика», – две заботы: расшириться и утвердиться.

Антиох воевал с Египтом.

Подстрекаемый ложной вестью, будто бы царь убит, Израиль восстал. Эпиман-Эпифан («Псих Великолепный») штурмовал Иерусалим, тысячи защитников уничтожил, тысячи продал в рабство... Опустошенный город заселил греками.

Тревожась о всеобщей сплоченности, заставлял евреев (под угрозой смерти) отринуть веру отцов и обратить Иерусалимский Храм в капище Зевса Олимпийского. Многие подчинились: кто – из страха, кто – с радостью...

Древняя Эллада гордилась воинской доблестью и гражданской свободой. Развивались науки и ремесла, искусство и философия... Веселые греки привлекали вольными нравами, театральными представлениями, публичными зрелищами, спортивными состязаниями...

Но «великий безумец» Эпиман-Эпифан царским указом отменил субботние праздники и еврейские пищевые запреты, и молитвенные собрания в синагоге. Осквернялись священные свитки. А нечистые, по Моисееву завету, животные становились священными – жертвенной

трапезой языческих

идолов.

Настали «свинские времена». Эпоха «хрю-хрю». Хочешь жить – присягай. Сирийская империя – монолит. Перс, грек, иудей – без разницы!.

И старый священник Мататия – а-коэн Матисьёу – изрек:

ПУСКАЙ ВСЕ НАРОДЫ В ПОДВЛАСТНЫХ ЦАРЮ ОБЛАСТЯХ БЕЗРОПОТНЫ И ПОСЛУШНЫ, ИЗМЕНЯЯ ВЕРЕ СВОИХ ПРЕДКОВ. НО Я, МОИ СЫНОВЬЯ И БРАТЬЯ – МЫ НЕ ОТСТУПИМ НИ НА ШАГ. НИ ВПРАВО, НИ ВЛЕВО.

– Знакомые слова! – сказала бабушка. – Зимой сорок первого говорили: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва». И придумал это военный корреспондент по имени Зяма... Зиновий... С юных лет – коммунист, комсомолец. Но

родился в 1910 году. И кое-что ухватил из нашей еврейской истории... от папы-портного или сапожника...

Старец Матисьёу крикнул: «Кто с Б-гом – за мной!» – и обнажил меч.

Началась древняя партизанская война. Возглавил борьбу после смерти Матисьёу его сын Иеуда – Маккавей (молот). Кузнечный инструмент впервые сделался символом.

Âçãùì àéíŷ àúeá

íàø òŷæééé ì íéŕò!

Высоко залетело бывшее орудие труда: разом с серпом – на советский герб... А фашисты оповещали в листовках, что кремлевская верхушка – сплошные жида. Например, народный комиссар (министр) иностранных дел Молотов. Кто же еще изберет себе такой псевдоним?! В стихках и частушках клеймили Вячеслава Михайловича: еврей Макковой!

«Прославленный сумасшедший» Эпиман-Эпифан снарядил две армии. В обозе – богатые купцы с большим капиталом. Чтоб после победы на поле брани, как говорится, «не отходя от кассы», гуртом закупать пленных – евреев-рабов.

Далекие наши предки сражались мужественно и умело. Иеуда Макковой удалил робких и нерешительных, наладил разведку. Не дав сирийцам соединиться, напал на головную колонну.

Тогдашние танки – боевые слоны – шли впереди карателей. На широкой спине, в круглых железных башнях, покачивались лучники. Золотые и медные латы сверкали на солнце, слепили глаза...

Брат командующего, Элеазар Макковой, о котором заглазно шушукались «парень-молоток» (Элеазар на иврите – «с нами Б-г»), шустрый Лазик нырнул под могучее слоновье брюхо и вонзил клинок. Даже не пошатнувшись, будто живая арка с подрубленными опорами, слон рухнул.

– А Лазик? – спросила я.

– Лазик погиб, – ответила бабушка. – Но память бывает не только печальная. Бывает веселая память. Потому что мы живы. – И рассказала про дедушку Сендера.

Он служил в полку, куда навечно зачислен Александр Матросов, закрывший собой фашистскую огневую точку. Солдаты – что в обед, что на завтрак с ужином, – вечно просили добавки, пересмеивались:

– Пойду... забью амбразуру! – И шмыг к раздаточному окошку.

А еврейские дети играют в «слона». Трое, четверо, пятеро важно топают, накинувши серое одеяло. Хоронясь и крадучись, маленький Лазик атакует. Одеяло спадает. Слон опрокинут. Детишки визжат и прыгают. Нестройным веселым хором наперебой с Лазиком расппевают:

Ōāī ōēà! Ōāī ōēà!

Ī ðàçāī ēē äēÿ ðāīÿò!

Ōāī ōēà! Ōāī ōēà!

Ī āī ūēē ā ðÿò.

Ōāī ōēà! Ōāī ōēà!

Āīñāī ūāī āē īīāðÿā!

Иеуда Макковей (в сегодняшней ивритской традиции – Иеуда Маккаби) разгромил неприятеля. Захватил богатые трофеи, много оружия, а еще больше – денег, припасенных купцами, чтобы платить за евреев-рабов.

В 25-й день месяца кислев (в нынешнем, 2003 году – 20 декабря) совершилась торжественная молитва в разграбленном и восстановленном Иерусалимском Храме.

Ханука на иврите – «освящение», «новоселье».

А где свято – там светло.

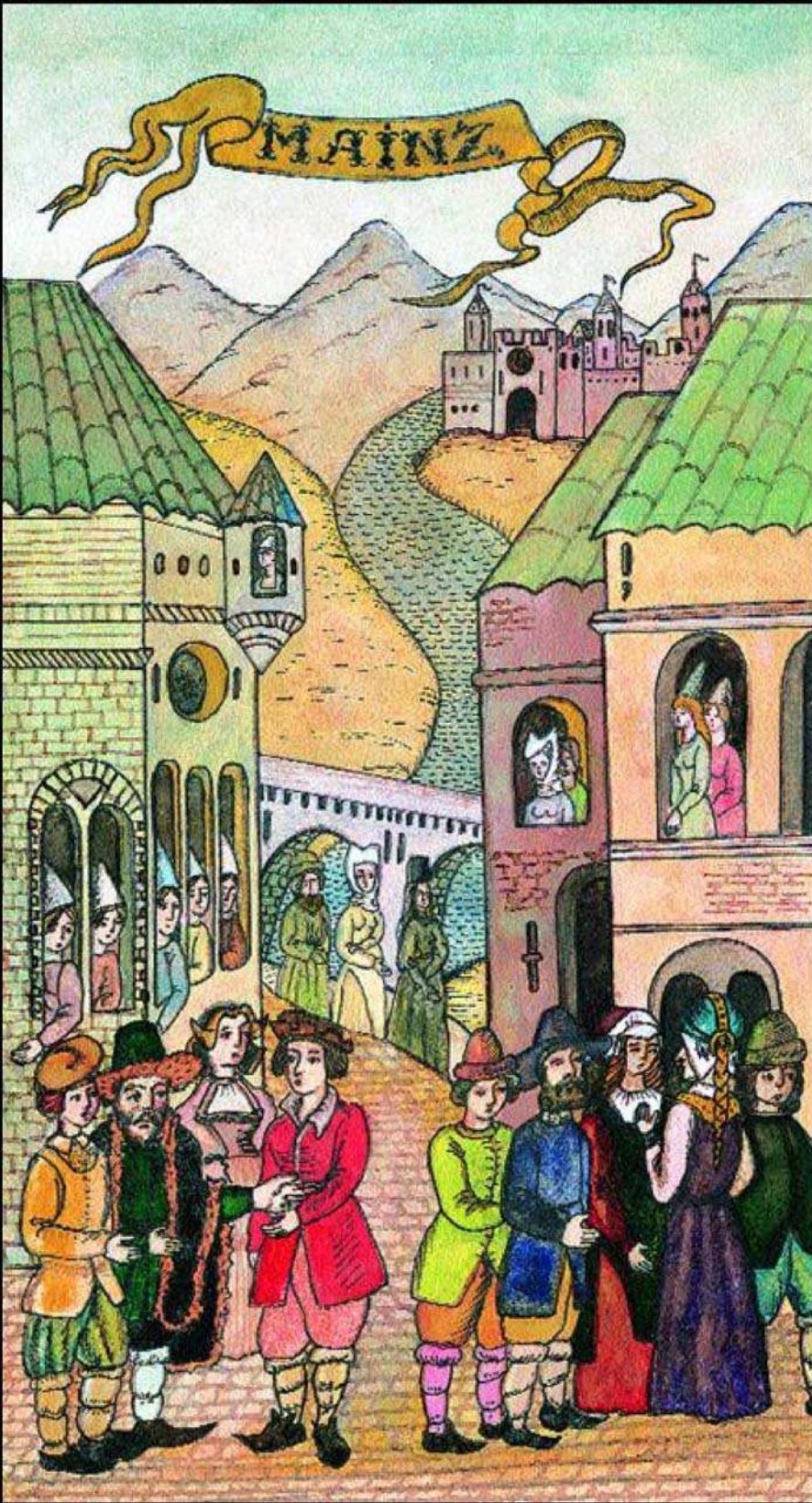
Требовалось зажечь святую Менору: могучий ствол и по сторонам – три тяжелые ветви с масляными чашами. Центнер чистого золота – 100 кг.

А масла – всего ничего. Маленький сосуд со священным елеем. Глиняный узкогорлый кувшинчик емкостью что кофейник на быструю утреннюю заварку...

Но Всевышний сотворил чудо, и горела Менора восемь дней.

Мы с тобой, внученька, поставим ее на окошко. Сейчас, знаешь, самые длинные ночи в году. И слабый наш огонек рассеет долгую зимнюю тьму.

Рабби Элхонан

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

עֵינֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ יְהוָה

Знакома ли вам, дорогие читатели, та дивная река, что, петляя, спускается с предгорий величавых Альп и устремляется к широкой равнине, и струится по благодатным землям, где под жаркими лучами солнца зреет лучший на свете виноград? Слыхали ли вы когда-нибудь имя ее, восславленное стихами лучших поэтов? Не помните? Неужто до сих пор не поняли вы, что речь идет о великом Рейне? Значит, не бродили вы бесчисленное множество раз по его берегам, не глядели подолгу и неотрывно в его бледно-зеленые воды...

Что же, тогда следуйте за мной: я поведу вас вдоль течения по древним и новым городам, которые рассекает Рейн: это и Страсбург, город серебра, и Кельн, город железа, и Майнц, город золота.

В златоглавом Майнце мы задержимся на время, и вы услышите одну из самых

удивительных историй в жизни нашего народа. Историю о преданности и вере, о высшей доблести и подвигах во славу Всевышнего. Она тут и произошла, и многие десятилетия передавалась нашими соплеменниками из уст в уста, из поколения в поколение.

Майнц не просто очень красивый город, он еще один из старейших городов Германии, и дух седой древности овеивает его. Возник он в те незапамятные времена, когда германцы сами еще не умели строить города. Здесь, где сливаются две реки – Рейн и Майн, где могучие горы окружают долину и на полях сегодня растет виноград, из которого делают самые дорогие вина, римляне некогда основали поселение; Юлий Цезарь перекинул тяжелый мост через Рейн, а Друзиус построил внушительную крепость.

Многие из сынов Израиля, изгнанные в те поры из родной земли, поселились в этом городе и создали в нем большую и процветающую общину; члены ее с великой любовью хранили и изучали главное сокровище, принесенное их народом в изгнание, – Тору Всевышнего. В Майнце жили два крупнейших представителя ашкеназского еврейства; с неслыханным самозабвением объясняли они Тору своим многочисленным ученикам. Это были великий рабби Мешулам и рабейну Гершом Светоч Изгнания, прозванный так потому, что был он для евреев негасимым маяком во тьме голуса. Тот самый рабейну Гершом, который ввел в жизнь народа несколько важнейших установлений, известных до сего дня под названием «Херем дерабейну Гершом».

История наша повествует о временах, когда в раввинском кресле Майнца сидел духовный наследник этих мудрейших евреев, рабби Шимон, прозванный впоследствии Великим. Рабби Шимон был тогда молодым человеком, его стихи еще не стали частью молитвенного канона, но несмотря на молодость он уже удостоился благодаря своим выдающимся способностям и успехам в изучении Торы высокого звания учителя и главы одной из самых известных общин Европы тех лет.

Итак, рабби Шимон одиноко сидел в учебной зале, погружившись в размышления. Питомцы его только что ушли. На столах оставалось несколько фолиантов; то были преимущественно различные трактаты Вавилонского Талмуда. Однако не они занимали сейчас мысли Шимона. В эту минуту его постигло воистину б-жественное вдохновение. Глаза рабби стали подобны двум огромным пылающим углям, взгляд устремился куда-то в глубину, и, презрев все преграды на пути, словно проникал в невидимое. Губы шептали слова, рожденные сердцем и слагавшиеся в стихотворные строки, а гусиное перо, сжатое пальцами, чертило их на пергаменте.

Он сочинял проникновенный и возвышенный гимн, которому предстояло открывать молебен во второй день Нового года. Гимн возносил славу Всевышнему Царю, даже в недостижимом своем величии помнящему все великие и ничтожные деяния каждого своего подданного. Слова ложились на пергамент звучные, точные, целиком соответствуя ощущениям автора. В стиховом ритме слышалась музыка, рифмы нанизывались одна на другую словно жемчужины ожерелья, строки располагались в алфавитном порядке, но в текст искусно вплеталось имя самого сочинителя. То на губах его играла счастливая улыбка, то лицо обретало выражение глубокой сосредоточенности. Неожиданно дверь тихонько отворилась, и в комнату проскользнул удивительно красивый мальчик лет четырех. Неслышно ступая, он приближался к столу, за которым сидел рабби Шимон, и склонился над ним, пытаясь разглядеть написанное.

В этот миг гимн как раз был завершен. Рабби Шимон поставил последнюю точку и пробежал глазами текст.

– Ой, папочка! – радостно воскликнул ребенок, замерев на мгновение от восторга. – Ты же вписал в стих мое имя!

И взволнованно, с поразительной для такого маленького мальчика серьезностью громко продекламировал:

Э-лхонан¹¹ – Г-сподь свою милость

Простер над уделом своим,

Во благо стезю их спрямляя.

Рабби Шимон усадил златокудрого малыша к себе на колени и нежно поцеловал.

– Да, дорогой мой Элхонан, я и твое имя сюда вставил. Теперь наши имена будут упоминать всякий раз, когда евреи возносят молитвы Творцу в день суда. А скажи, в том, что ты сейчас прочел, все ли слова тебе понятны?

– Не все, отец. «Г-сподь свою милость простер над уделом своим» – это ясно. Удел – конечно же, народ Израиля, но вот дальше... Что такое «стеэю их спрямляя»?

– Стезя – это путь, предназначение. Наша стезя, наш путь в этом мире, наше предназначение – это служение Всевышнему. И Г-сподь, избравший евреев из всех других народов, направляет нас теперь так, чтобы служение это было более совершенным. А ты, Элхонан, всякий раз, как назовут тебя по имени, вспоминай эти мои слова!

Мальчик взял в руки пергамент и начал повторять про себя:

Эл-хонан – Г-сподь свою милость

Простер над уделом своим...

Отец следил за ним взглядом, полным любви и гордости.

– Отец! – воскликнул Элхонан. – я выучил эти три строчки наизусть! Мне кажется, я никогда их теперь не забуду! И все, что ты мне сейчас объяснил про то, что они значат, я тоже буду помнить!

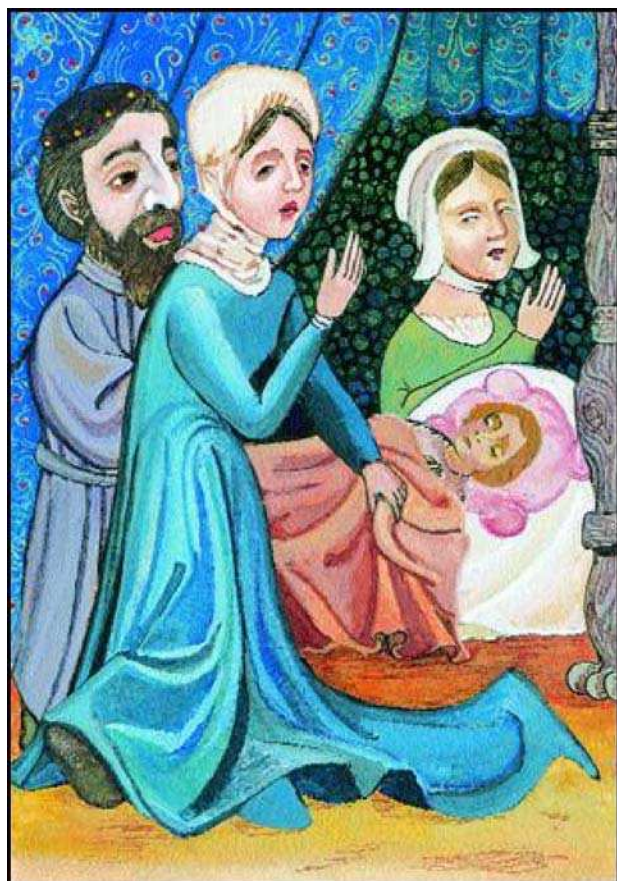
Счастливым отец обнял сына и прижал к сердцу.

Āēāāā āō īōāy

Āēēī ū dāāāī ēā ā īī āīī īōēē

Беда пришла в дом рабби Шимона неожиданно. Элхонан в одночасье тяжело заболел, мальчик метался в жару, бредил и стонал. Отец и мать в оцепенении сидели возле его кроватки и только иногда тихонько плакали. Их верная служанка Маргарита (из христиан) самоотверженно ухаживала за больным ребенком. Ей одной время от времени удавалось напоить Элхонана, который почти не мог глотать, лекарством, приготовленным специально для него лекарем рабби Натаном.

Мальчика трясло, лицо его пылало, руки и ноги сводили судороги, со стонами он все метался и метался в постели. Порой в бреду что-то бормотал о своих товарищах, родителях. Как-то долго звал няню Маргариту, а когда она подошла к нему, он, привстав, с силой, громко крича, оттолкнул ее от себя. Видимо, его мучили кошмары. Потом,

обессиленный, он упал на подушку и долго лежал в изнеможении совершенно неподвижно. Спустя несколько минут вдруг снова приподнялся и отчетливо произнес:

Э-лхонан – Г-сподь свою милость

Простер над уделом своим...

В эту минуту в комнате появился рабби Натан. Услышав слова мальчика, лекарь замер, пораженный, потом обратился вопрошающий взгляд к рабби Шимону.

– Это строка из моего нового гимна, я сочинил его для Рош а-Шона, – объяснил рабби Шимон. – Ребенок случайно оказался в комнате, когда я писал, и очень обрадовался, увидев в стихотворении свое имя.

Рабби Натан задумался на мгновение, затем укоризненно покачал головой:

– Я неоднократно указывал почтенному рабби, что он чрезмерно спешит с обучением ребенка, сверх всякой меры перегружая его неокрепший разум. В столь нежном возрасте мальчику нужны лишь детские игры, детские развлечения. Когда он достаточно повзрослеет – тогда дело другое....

Врач приблизился к постели Элхонана и внимательно его осмотрел. Лицо его выражало явное беспокойство. Он вздохнул, но заговорил по обыкновению спокойно и сдержанно.

– Болезнь ребенка весьма тяжела и потому изнурительна. Он требует постоянного и очень внимательного ухода. Такое положение дел продлится девять дней, после чего наступит кризис. Нет, однако, никакого смысла в том, чтобы вы все трое неотлучно находились при мальчике. Нужно сменять друг друга, чтобы каждый мог отдохнуть и вернуться к постели больного со свежими силами. В противном случае, вам не выдержать этой нагрузки.

– Мне кажется, мужу не следует ухаживать за сыном, – подала голос жена рабби Шимона. – И без того он сидит ночи напролет, трудясь над священными книгами и сочиняя. Он совсем не дает себе отдыха. Мы с Маргаритой управимся и вдвоем.

Лекарь ушел. Рабби Шимона вскоре позвали в учебную залу: пришли два еврея, желая разобрать свою тяжбу по законам Торы. День постепенно близился к вечеру. Маргарита уговорила ребенка отдохнуть несколько часов, обещая разбудить ее в полночь. И хотя матери всегда невероятно трудно уйти от постели больного ребенка, ребенок понимала, что отдых ей необходим. Посему она отправилась к себе и прилегла.

Маргарита осталась наедине с ребенком. Она глядела на него глазами, полными боли и слез, и бормотала себе под нос:

– Бедное, бедное дитя! Неужели он умрет почти во младенчестве, такой красивый и смысленный мальчик! Как мне жаль тебя, милое дитя! Как больно, что никогда не попадешь ты в рай: ведь ты еврейский ребенок! А я так тебя полюбила! Чего б только я не сделала, чтобы спасти тебя от геенны огненной!

И нянька разрыдалась – да так горько и безудержно, что Элхонан проснулся и вновь что-то забормотал в бреду. Маргарита стала гладить его и успокаивать, пыталась

вливать ему в рот успокоительную микстуру, но мальчик упорно отталкивал ее руками. Она называла его всякими ласковыми именами, целовала и обнимала, но ребенок не успокаивался. Неожиданно открылась дверь, и вошел рабби Шимон. В то же мгновение ребенок смолк, сел в кровати и провозгласил:

Э-лхонан – Г-сподь свою милость

Простер над уделом своим...

Рабби Шимон склонился над сыном, поцеловал пылающий лобик. По щекам его струились слезы. Мальчик понемногу стих и погрузился в сон, который с каждой минутой становился все глубже и спокойнее. Когда в полночь мать пришла сменить Маргариту, ей показалось, что сыну полегчало. Врач, явившийся на следующее утро, объявил, что тоже наблюдает некоторую перемену к лучшему, и есть надежда, что на девятый день, – при благополучном, разумеется, завершении кризиса, – ребенок пойдет на поправку.

Āēāā ō dāōū

Āāīē mī

Стояло погожее воскресное утро. Из широких дверей христианского храма валом валил народ. В сумрачной глубине церкви осталось лишь несколько человек, продолжавшие усердно возносить молитвы небу.

Среди них была и Маргарита, служанка рабби Шимона. Она изливала душу священнику Томасу, рассказывая про тяжелую болезнь еврейского мальчика, няней которого служила, и о своем неутешном горе из-за того, что бедному невинному малютке не избежать геенны огненной. Он же не христианин!

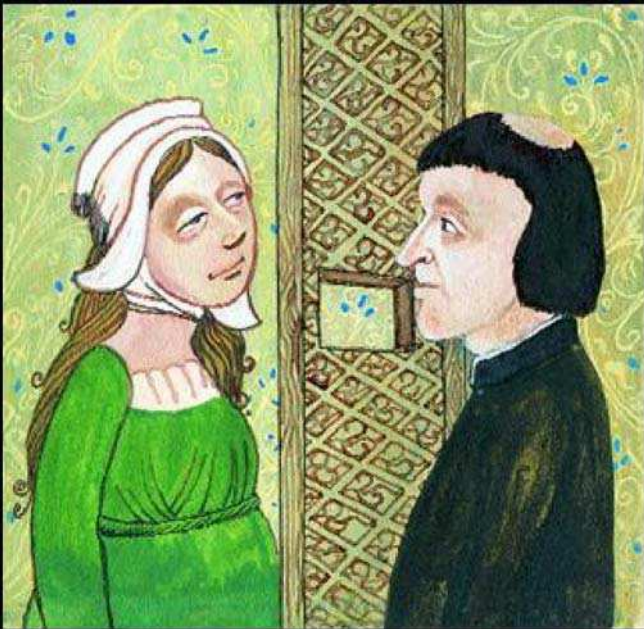
Когда она покинула собор, лицо ее сияло радостью, глаза светились. Теперь она знала, что надлежит делать...

Элхонан тем временем все еще витал между жизнью и смертью. Шел девятый день болезни. В доме ждали кризиса. Мать сидела у постели ребенка, а рабби Шимон закрылся в учебной зале, тщетно пытаясь склонить свой ум к размышлениям на ученые темы. Многодневная усталость в конце концов взяла над ним верх, и он задремал над раскрытой гемарой. Ему, видно, приснился чудесный сон, ибо, пока он спал, по лицу его блуждала счастливая улыбка. Через некоторое время рабби Шимон пробудился, встал, закрыл книгу и поспешил к жене. Голос его звенел, когда он проговорил ей торжествующе:

– Бела! Наш сын не умрет! Он будет жить!

Ребецн вздрогнула и обратила на него недоуменный измученный взор.

– Послушай, Бела! Я нечаянно задремал, и мне приснился вещий сон, приоткрывающий завесу над будущим! Точно знаю, что вещий! От усталости я обессилел и заснул над страницей гемары, сам не заметив как. Слова и строчки сплелись в причудливый узор, буквы плясали перед глазами, принимая разные причудливые формы, раскрывая свои потаенные значения и смыслы. Алеф выглядел владетельным, роскошно одетым князем, державшим в руке мощный жезл и командовавшим великим воинством.

Бейс предстал мне великолепным дворцом; такой огромный дворец я видел только в Италии. Гимл тянул шею и вертел головой, точно верблюд. Красивые резные ворота, ведущие во дворец, были далетом. Передо мной простерлась огромная рука, сжатая в кулак. Это оказался йуд. Я увидел красивое женское лицо и услышал счастливый смех. Это была буква пей. Зайн напоминал воина с копьем. Буквы летели мимо в безумном танце. Потом закружили меня, подняли, как на крыльях, и перенесли в дивный солнечный край. Там буква бейс опять стала дворцом, и все мы вошли внутрь в высокие дубовые двери. В просторном пышном зале, в самом центре на золотом троне сидел

могущественный властитель. Лица его я поначалу не разглядел. На голове у него сияла золотом корона с тремя большими зубцами. Наверно, он был царем. Вокруг толпились вельможи; склонив головы, они всем своим видом выражали смирение и готовность служить своему господину. Поочередно каждый из них подходил и целовал ему ноги. Только буквы не склонились перед царем и не раболепствовали. Я внимательно взгляделся в этого грозного правителя... Ты не поверишь – я с изумлением узнал в нем нашего Элхонана. Но изумление мое стало гораздо сильнее, когда я заметил на груди сына огромный золотой крест! В отчаянии я закричал: «Элхонан, Элхонан!» И тут же этот грозный правитель, наш Элхонан, встал с трона, отбросил крест далеко в сторону, бросился в мои объятия и расцеловал меня. Буквы окружили нас обоих, подняли вверх, и мы вихрем перенеслись сюда, в Майнц. И уже здесь, в Майнце, на центральной площади неведомо как и откуда вдруг появился сказочной красоты трон, к которому вели семьдесят две ступени. В точности такой, каким описывают наши мудрецы трон царя Шломо. На каждой ступеньке лежали два золотых льва и грозно рычали, а золотые орлы простирали над ними свои крылья. Элхонан сорвал с головы корону и забросил ее куда-то прочь. Он швырнул ее, наверное, прямо в Рейн; там она и потонула: я слышал громкий всплеск. Потом наш мальчик стал подниматься по ступеням трона, гордый и величественный. Львы склоняли пред ним головы, орлы же опускали клювы и крылья к земле. А когда он достиг вершины трона, с небес спустился сонм ангелов. Они несли ему другую корону. Ее нестерпимое сияние слепило глаза. Они опустили ее на голову нашего сына, а он стоял выпрямившись, в лучах нездешнего света. И ангелы дружно воскликнули: «Вот чего удостоен человек, которого захотел возвысить Царь Царей!» Тут я проснулся и тотчас поспешил к тебе, чтобы обо всем рассказать. Поверь же мне – наш сын с Бжьей помощью обязательно поправится. Он предназначен Г-сподом для славы и величия!

– Да будет воля Его! – ответила праведная женщина и снова склонилась над ребенком. Мальчик спал глубоким сном.

Когда на следующее утро он проснулся, у его кровати сидел рабби Натан. Долго держал лекарь в своей ладони его маленькую детскую ручонку; наконец, поднялся и радостно объявил:

– Благословен Врачующий больных! Кризис миновал. Ребенок избежал смерти!

Àëäää ÷ àò ääðò äÿ

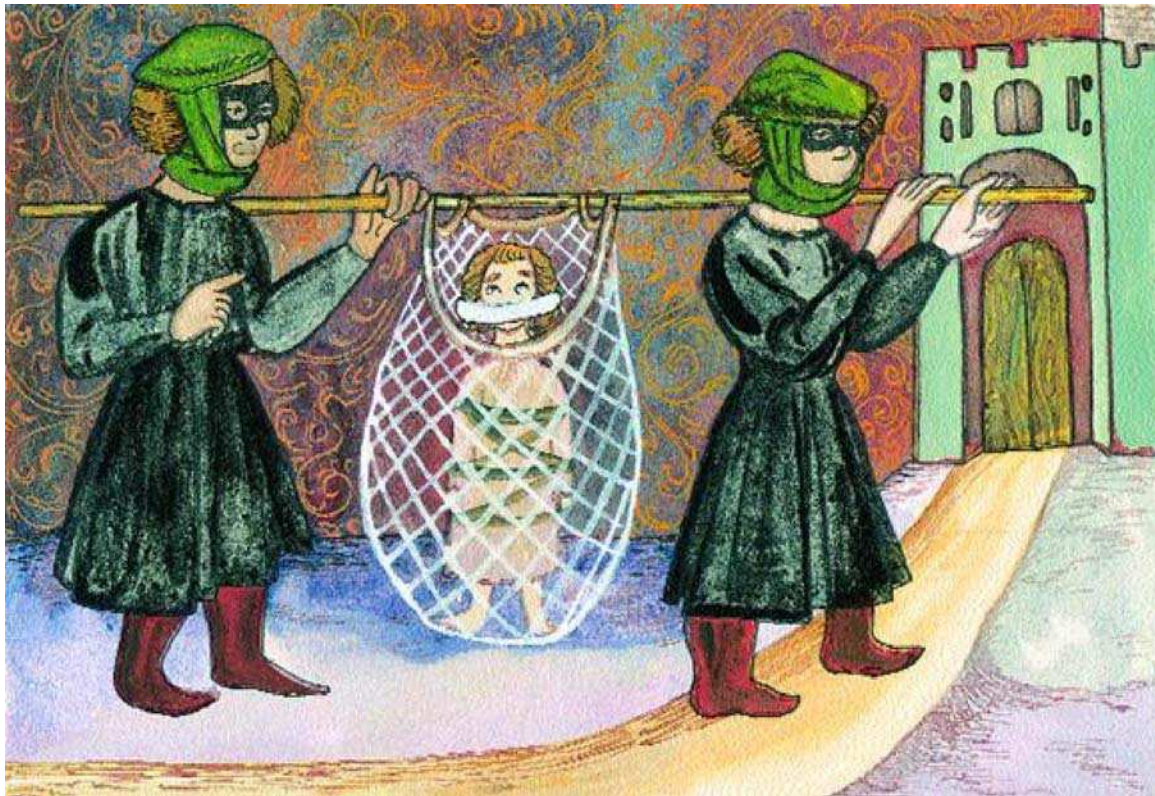
Äää äääáí îé?

Кризис действительно миновал, но Элхонану предстояло еще долго оставаться в постели. Маргарита ухаживала за ним с необычной даже для нее любовью и преданностью. Всякому, кто захотел бы в эти дни попристальнее к ней приглядеться, сразу стало бы ясно, что в ее отношении к мальчику произошли важные изменения. Она, конечно, любила его и прежде, но теперь относилась к нему не просто с любовью, а с каким-то чуть ли не религиозным благоговением. Когда кто-нибудь помимо нее, будь то даже отец или мать, подходил к ребенку, она испытывала к этому человеку острую неприязнь. Она болезненно ревновала мальчика ко всем, кто приближался к его постели, кто пытался заговорить с ним. Ребецн заметила странное поведение служанки, но приписала его нервному расстройству; оно было результатом страшного переутомления во время болезни ребенка.

На самом же деле поведение девушки объяснялось иными причинами. В тот самый день, когда Маргарита излила душу перед отцом Томасом и призналась, что боится за Элхонана, ибо, если малютка умрет, то неизбежно попадет в ад и пребудет там вместе с грешниками, она получила от священника дельный совет. Он сказал, что она обязана сделать все возможное, дабы ребенка коснулась христианская благодать. Только тогда душа его спасется от адского огня. И Маргарита поклялась обратить мальчика в христианство. Она была убеждена, что он избежал смерти только благодаря этому ее решению. С того дня она стала воспринимать Элхонана как свое родное дитя, как плоть от плоти своей, и все ее помыслы были об одном: как оторвать ребенка от родителей, как увезти его и воспитать в католической вере.

Тем временем наступил священный день ежегодного Небесного суда. Пришел Новый год. Все домочадцы рабби Шимона отправились в синагогу, чтобы услышать звуки шофара. Один Элхонан должен был остаться в своей комнате под присмотром Маргариты. Однако позади дома, спрятавшись за деревьями, уже дожидались своего часа доверенные люди священника Томаса, с которыми Маргарита заранее условилась о похищении ребенка. Убедившись, что она одна, служанка торопливо отперла заднюю дверь, и в дом тут же проникли два человека в масках, закутанные в черные плащи. Прежде чем перепуганный Элхонан успел издать хотя бы звук, рот ему закрыли платком. Сильные руки подхватили детское тельце и вынесли из родного дома.

После того как все свершилось и Маргарита заперла за похитителями дверь, в сердце ее вдруг появились страх и сомнения. Содеянное неожиданно предстало перед ней в новом свете. Ее охватило глубокое раскаяние, она даже похолодела от ужаса. В отчаянии девушка бросилась на пол и горько зарыдала. Рвала на себе волосы и одежду и осыпала себя проклятиями. Хотя, конечно, в глубине души ее жила тайная радость от мысли, что теперь-то мальчику не страшен больше адский пламень. Теперь он станет добрым христианином.

Рабби Шимон и его жена возвратились домой в праздничном настроении. Но едва переступив порог, оба застыли на месте при виде распростершейся ниц Маргариты, ее всклокоченных волос, ее исцарапанного, искаженного болью лица. Глянув на это пугающее зрелище, Бела вскричала, дрожа от ужасного предчувствия:

– О, мой Б-г! Что здесь случилось, Маргарита? Встань же! Говори! Где наш сын? Где Элхонан?

Маргарита ничего не отвечала и даже не пыталась встать. Родители мальчика немедленно послали за рабби Натаном, а сами бросились искать Элхонана. Они звали его, молили откликнуться, но ответа не было.

Тем временем прибыл рабби Натан. Он осмотрел Маргариту и сказал, что та абсолютно невменяема и сейчас от нее ничего узнать не удастся. Потерявшую сознание женщину положили на кровать.

Ужасная весть мгновенно распространилась по городу. Все бросились на поиски пропавшего Элхонана. Того, понятно, нигде не было. О случившемся безотлагательно известили епископа и городскую стражу. За любые сведения о мальчике было назначено крупное вознаграждение. Отправили гонцов в окрестные деревни и ближайшие города. Все оказалось напрасным. Ребенок исчез. Та единственная на земле, что могла пролить свет на судьбу мальчика, по-прежнему была не в себе. На бесчисленные и неутраченные вопросы она отвечала слабой, бессмысленной улыбкой человека, помрачившегося рассудком.

На второй день Нового года кантор в синагоге запел новый гимн рабби Шимона:

Э-лхонан – Г-сподь свою милость

Простер над уделом своим...

Несчастный автор, не в силах сдержаться, зарыдал в полный голос. Вслед за ним рыданиями разразилась вся община. Наверху, где были места для женщин, вопль горя, казалось, поднимался до самых небес. Ребецн Бела лишилась чувств, и женщинам далеко не сразу удалось привести ее в сознание.

По окончании молитвы рабби Шимон с величайшим трудом заставил себя собраться с силами, чтобы успокоить свою безутешную жену. Ему помогала вера в мудрость и справедливость Всевышнего. Беда сразила его, страшная, неожиданная, но он всей душой уповал на Его милосердие, и даже Бела в конце концов, под его влиянием, немного успокоилась.

Дни шли за днями, но след Элхонана так и не отыскался.

Āēāāā i jōāj

Ēāō īēē:āīēāj ēādīāā

Люди в масках сумели переправить Элхонана в якобинский монастырь совершенно незаметно, не вызвав ни у кого ни вопросов, ни подозрений. Бедный ребенок был до смерти перепуган и плакал не переставая. Прелат Томас, инициатор похищения, решил довести это злодеяние до логического конца и держал ребенка у себя в комнате. В результате сильнейшего нервного срыва еще не окрепший после болезни мальчик захворал снова. Это лишь помогло Томасу осуществить его поистине дьявольский замысел. Священник не жалел денег на врачей и лекарства, и Элхонан спустя некоторое время стал понемногу поправляться. Однако долгая болезнь и пережитое душевное потрясение начисто лишили мальчика памяти о прошлой жизни. Теперь он был уверен, что родился и вырос в монастыре.

Прелат относился к ребенку с лаской, опекал его, сам заботился о нем и в конце концов завоевал его сердце. Он звал его Феликсом, и ребенку даже не приходило в голову, что когда-то имя его звучало по-иному. Как только мальчик окончательно поправился, Томас переправил его в якобинский монастырь города Бамберга. Он был уверен: тем, кто понапрасну ищет следы пропавшего сына рабби Шимона, и в голову не придет забираться в такую даль. В учении ребенок проявил выдающиеся способности и недюжинное прилежание, что не уставало поражать его наставников. Они обучали его всему, что знали сами, без малейших скидок на возраст и неразвитый детский ум, и он без труда впитывал все, как губка, так что оставалось лишь удивляться пытливости его разума и феноменальной памяти. Уже в семь лет он свободно владел латынью, непринужденно пользуясь сложными фразеологическими оборотами и не делая даже малейших ошибок в грамматике. После того как ребенок усвоил всю премудрость, которую могли предложить ему отцы-якобинцы из Бамберга, настоятель монастыря, гордый своим замечательным воспитанником, отправил его в Рим. И здесь Феликс не переставал поражать окружающих своими талантами. Он был представлен самому папе и отдан для продолжения образования одному из ученейших и авторитетных приверженцев католицизма.

В те времена власть папы не знала почти никаких ограничений. Жизнь народов и государств была у него в руках, целиком от него зависела. Перед римским Святым Отцом склоняли гордые головы короли и князья почти всей Европы.

Некий бенедиктинский монах Гильдбранд, влиятельная в религиозных кругах личность, друг и секретарь Амальфийского архиепископа, особы еще более важной в католической иерархии, выказал горячую заинтересованность в судьбе вундеркинда Феликса. Он взял на себя все заботы об образовании мальчика в надежде воспитать его в соответствующем духе, дабы тот мог со временем стать его правой рукой.

Так и рос сын рабби Шимона, погруженный в круговорот церковных забот и в интриги папского двора, пока не сделался одним из крупнейших богословов на свете, искушенным во всех областях

религии и теологии.

В год, когда он достиг своего восемнадцатилетия, папа умер и на освободившийся трон был возведен Гильдбранд. Новый понтифик звался теперь папой Григорием VII.

Наступила бурная пора нововведений и перестановок – словом, решительных перемен. Папа Григорий намеревался безотлагательно воплотить в жизнь все свои, отнюдь не заурядные планы, кои лелеял и вынашивал еще в бытность бенедиктинцем Гильдбрандом. Главный его замысел состоял в установлении повсеместной и абсолютной церковной власти. В качестве наместника Христа на земле папа должен был стать верховным правителем и высшим судьей не только в вопросах религии, но и во всех областях политической, государственной и общественной жизни. Для выполнения этого замысла он нуждался в многочисленной, обученной и хорошо вооруженной армии, мощному влиянию которой предстояло распространиться на весь христианский мир. Основным «строительным материалом» будущей армии Григорий считал католических священников, которых можно было найти в любом, даже самом маленьком селении; их авторитет в ту пору был весьма велик. Он, однако, понимал, что жены и дети станут досадной помехой своим мужьям и отцам в той деятельности, которую он предназначил последним. Вот если бы все священники дали обет безбрачия, отреклись от всяческих семейных уз, как это сделали некогда древние монахи! Тогда ничто не препятствовало бы им посвятить себя целиком служению католической церкви... И церковь смогла бы превратиться в могучую, неодолимую силу, в подлинную владычицу христианского мира во главе с понтификом.

Таков был великий план нового папы. Едва утвердившись в Ватикане и не откладывая дела в долгий ящик, Григорий VII издал «Наказ пастырям», согласно которому католическим священникам запрещалось жениться, а тем из них, кто уже был женат, предписывалось немедленно развестись и покинуть свои семьи.

Яростный протест стал ответом на этот «наказ». Кое-где дело дошло до открытого и умело организованного восстания священников против папского своеволия. Особенно упорно сопротивлялось католическое духовенство Германии.

Но не такой человек был Гильдбранд-Григорий, чтобы отказаться от того, что считал необходимым и правильным. Тотчас разослал он своих эмиссаров туда, где вспыхивали бунты, проявлялось неповиновение. Эмиссарам предписывалось проследить за исполнением папской воли и восстановить порядок любыми способами, в том числе и силой.

Наиболее важную и трудную миссию – умиротворить и склонить на свою сторону германских священнослужителей – он поручил самому добродетельному, самому одаренному своему сподвижнику – юному легату Феликсу.

Àéàà àáòàÿ

Ñí àñáí èá àí: àðè Èçðàèèÿ

Успехи Феликса, отправившегося выполнять папское поручение, превзошли все ожидания. Всюду, где бы он ни появлялся, ему удавалось утишить волнения, убедить в своей правоте недовольных пастырей стада Христова. Высшие католические иерархи на местах – епископы и архиепископы – все глаза проглядели в ожидании этого выдающегося папского посланца. В каждом городе Феликс собирал священников и произносил перед ними пламенные речи о добрых намерениях и великих планах папы. Он ярко живописал славное будущее католической церкви и находил аргументы, доказывая, что для успеха задуманного нужно полностью освободиться от пагубного влияния мирского и материального. Что дух и разум служителей церкви должны быть абсолютно свободны. Его слова оказывали на слушателей необыкновенно сильное воздействие.

Германские католические иерархи слали в Рим отчеты, где возносили папского эмиссара до небес. Сам папа тоже весьма высоко оценил заслуги своего любимца. Миссия растянулась на многие месяцы, молодой легат разъезжал по Европе, а Ватикан, в свою очередь, продвигал его вверх по церковной иерархической лестнице – от чина к чину, со ступени на ступень.

Разногласия между королевской властью и Ватиканом тем временем обострились. Было жизненно важно поэтому привлечь на сторону папы всевозможных германских князей и князьков. Заставить их прекратить любые отношения с императором. На этом поприще Феликс тоже добился блестящих побед, принесших юноше еще большие почести и награды. Находясь в Лендсгуте он получил известие о присвоении ему сана епископа Роверде, а вместе с ним – указание неукоснительно, с прежней энергией продолжать свою деятельность. Примерно два года спустя в городе Триаре он узнал, что избран архиепископом Ровены. На следующий год, уже в Бройншваге, он получил от папы кардинальскую мантию.

Двадцатипятилетний Феликс достиг таких высот, которые доступны лишь очень немногим, да и то не раньше старости. После возведения в кардинальский сан папа повелел ему перебраться в северные области Германии.

Регенсбургский епископ ждал прибытия папского эмиссара, его преосвященства кардинала Феликса, с великим нетерпением. Кайзер Генрих IV со товарищи немилосердно притеснял своего главного конкурента Рудольфа Швабского. Вследствие чего звезда папы Григория VII опасно потускнела и грозила закатиться. Верные сторонники главы римской церкви предпринимали героические усилия, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. С этой целью в городе Регенсбурге созвали великий собор. Туда-то и поспешал его преосвященство кардинал Феликс.

При въезде в город его карета неожиданно встала посреди улицы, едва не перевернувшись. Какой-то еврей остановил ее, бросившись наперерез лошадям. Нарушитель спокойствия немедленно предстал перед светлыми очами его преосвященства. Несчастный был в отчаянии: его бледное лицо искажала гримаса боли, он съежился, согнулся, хриплый голос дрожал:

– Спасите! Милостивый господин, спасите мою дочь!

– Скажи мне, кто ты, добрый человек, и что с тобой приключилось, – попросил кардинал.

– Меня зовут Мешулам. Я еврей, житель этого города. По дороге в Бамберг на меня напали люди одного рыцаря, члена ордена Красной Скалы, и обокрали до нитки. Они забрали все имущество и мою дочь. Мою Рахель! О добрый господин!

Смилуйся надо мной, несчастным! Вот уже скоро полгода, как я взываю о помощи всюду, где только возможно, но никто не хочет слушать мои жалобы! Дошло до меня, добрый господин, что ты милосерден и благосклонен ко всякому несчастному и нуждающемуся, и я решил припасть к твоим стопам. Ты – моя последняя надежда! Яви же милосердие! Я знал, что не смогу попасть во дворец и оттого вынужден был остановить твою карету на улице. Пожалей несчастного отца!

Кардинал велел еврею сесть в карету и там расспросил его во всех подробностях, как было дело. Этот рыцарь из ордена Красной Скалы числился среди противников кайзера и состоял в открытой конфронтации к регенсбургскому епископу, под покровительством которого находились евреи города. Епископ, тем не менее, никакого внимания ничтожнейшему из своих подопечных не уделил. И уделять не собирался. В данный момент у него имелись более важные и неотложные заботы.

На соборе присутствовали многие германские князья, бароны, просто влиятельные люди и, конечно же, католическое духовенство. Всех обворожил блестящий кардинал, столь юный и столь мудрый, всех потрясла его пылкая речь в поддержку политики папы. И едва кайзер двинул свои войска в Италию, как в Германии начался бунт. Сторонники кайзера потерпели сокрушительное поражение. Укрепленный замок рыцаря из ордена Красной Скалы был осажден и захвачен. Феликс собственноручно вернул двенадцатилетнюю Рахель в дом счастливых родителей.

Из Регенсбурга кардинал отправился в Бамберг. Когда его преосвященство в сопровождении епископа явился в якобинский монастырь и, представ перед его престарелым настоятелем, объявил себя здешним воспитанником, восторгу и ликованию присутствующих не было предела. К вящему удовольствию монахов и священников Феликс объявил, что на время своего пребывания в городе он намерен поселиться в стенах монастыря; здесь же будет его официальная резиденция. Как-то, оставшись с настоятелем наедине, он решил, что настал подходящий случай, и стал подробно расспрашивать его касательно своего происхождения. Последние годы он нет-нет да и принимался думать на эту тему.

– Святой отец! – промолвил он. – Я помню, как вы послали меня в Рим семилетним мальчиком. А до этого я жил здесь довольно долго. Вам несомненно известно, как я попал в ваш монастырь. Правда ведь? Не согласитесь ли вы поведать мне об этом?

– Ваше преосвященство! – отвечал настоятель. – Знаю только, что вас привез сюда монах-якобинец Томас, священник из Майнца. На этом событии явно лежал покров тайны, и Томас не нашел нужным что-либо нам сообщить. Мы, со своей стороны, не особенно интересовались подробностями. К нам часто привозят младенцев, чье происхождение неизвестно или сомнительно. Не вдаваясь в интриги и бедствия мира сего, мы растим и воспитываем детей для будущего монашества или священства. Дети же, как правило, никогда не интересуются своим прошлым. Мне почему-то всегда казалось, что за вашей историей стоит некто весьма родовитый и высокопоставленный, и этот господин заинтересован в том, чтобы скрыть от всех вашу родословную.

Кардинал нахмурился и помрачнел. Мысль о том, что ему неизвестно, откуда он, чей сын, уже не давала молодому человеку покоя. Он и сам не мог понять, отчего это теперь так его тревожит. Проведя некоторое время в размышлениях, Феликс решил в ближайшие же дни отправиться в Майнц, найти монаха по имени Томас и произвести дознание на месте.

В тот же вечер он получил от папы срочное указание немедленно вернуться в Рим. Поездка в Майнц, таким образом, была отложена до лучших времен.

Í õĩãĩããĩ èã ñããããã

III Ýã õĩãĩã - Á-ãĩã èãĩĩãããããã. - Í ðãĩ. ïãããã

Áâðàè àâé í àçàä

Àèàèñàí àðà Áíðàíí

ÐÍÑÑÈВ õðíí èèà 1903 ãää

«Í íáñíðè è àèðèàáäý ãàçàò à», 1903, 1 àáñíðò à

Í àò è í á áúèí ðèò óàèúú ùõ óàèéñò á

Èðàèíáñèäý í ðèñýáà ðàáèè í á

На открывшийся в Кракове международный съезд раввинов, о котором мы упоминали вчера, съехались представители еврейского духовенства из России, Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Чехии, Палестины, Египта и других стран. Особое внимание собравшихся привлекли Хананей-баша-Хан-Салл, раввин из Александрии и Мендель-Кон, раввин из Каира. Последний – один из крупнейших гебраистов нашего времени. Многие раввины с востока и запада написали в президиум съезда, что лишены возможности принять участие в его работе, но горячо желают ему успеха.

Ñò àðäý ñèí àãã à Èðàèíáá

Заседание съезда открылось в древней исторической «божнице» на Краковском Казимире. Самым важным событием первого дня стало принесение присяги. Раввины считают, что настал час положить конец нелепым и недостойным слухам о ритуальном употреблении евреями христианской крови. Текст присяги в переводе с древнееврейского опубликован краковскими газетами; звучит он следующим образом:

«Мы неповинны в преступлении, которое нам приписывают. Однако в некоторых странах, благодаря распространителям подлого слуха, поругано человеческое достоинство многих людей. Мы заявляем от имени собравшихся здесь раввинов и учителей еврейской веры громкий протест против этой гнусной клеветы. Мы клянемся именем Всемогущего, который смотрит в наши сердца и освещает путь нашей жизни, мы клянемся именем Отца Небесного и Высшего законодателя, что обычай убивать христианских детей ради достижения каких-то ритуальных целей в еврейском обществе никогда и нигде не возникал. Клянемся, что о нем не упоминается ни в Священном

писании, ни в сочинениях наших ученых, ни в преданиях. Клянемся также, что этот обычай никогда не исполнялся ни какими-либо еврейскими сектами, ни отдельными лицами, исповедующими иудаизм. Словом, такой обычай совершенно чужд и неизвестен еврейской вере».

Текст этой присяги был торжественно прочитан краковским раввином Х.Л. Горовицем перед открытыми дверьми хранилища со свитками Священного писания. Все раввины, облаченные в канонические белые молитвенные одеяния, повторяли за Горовицем каждое слово. Им, в свою очередь, вторили голоса мирян: громадные толпы народа, собрались и в самой «божнице», и на площади, и даже на прилегающих улицах. Отовсюду слышался громкий плач. Вообще, церемония, по описанию местных газет, носила впечатляющий характер.

Текст присяги за подписью присутствовавших раввинов будет разослан правительствам всех стран.

«I iaiiioe e ae daaay aiaio a», 1903, 2 aaiio a

I ao e ia aiuei deo daeiuu uo daeeio a

E daeiatie i denya daaei ia

По словам краковских газет, в тексте присяги духовных раввинов по поводу ритуальных убийств христианских детей, совершенных евреями, сказано, что ни в Библии, ни у пророков, ни в Талмуде Вавилонском, ни в Талмуде Иерусалимском, ни в книгах Сара, ни в Сифру, ни в Мехильте, ни в Тосефте, ни в Мидраше, ни в Зогаре, ни в каком-либо кабалистическом труде, ни в кодексе Шулхан-Орух, ни вообще в книгах, написанных как древнейшими, так и более поздними и даже современными раввинами, никто не нашел и не мог найти хотя бы одного упоминания о том, что христианская кровь употреблялась для ритуальных целей.

Все сообщения о ритуальных убийствах признаются присягой «подлою и лживую басню, распространяемую людьми злой воли».

Под присягой, отпечатанной на пергаменте в нескольких тысячах экземпляров, стоит еврейская календарная дата: «15 сентября месяца ав (5)5663 г. от сотворения мира».

«Новости и биржевая газета», 1903, 10 августа

Страшная легенда

В 1901 г. в Австро-Венгрии рассматривалось дело об убийстве евреем христианина с ритуальными целями. Предварительное следствие ясно доказало, что судебные власти допустили серьезное нарушение принятых норм судопроизводства. Суд беспристрастен и не должен учитывать предвзятые мнения. Однако в данном случае прокурор настаивал на ритуальном убийстве не в силу веских улик, а в силу своего убеждения, что евреи действительно употребляют христианскую кровь.

Хотя судебный процесс и не подтвердил страшное лживое обвинение, но при всем том ситуация создавалась довольно странная. Если прокурор, представитель власти и закона, если другие выступающие говорят в зале судебного заседания о ритуальном убийстве как о чем-то в принципе реальном, значит любой слушатель может вынести

убеждение, что хотя в данном случае такое убийство не состоялось, но вообще оно вполне возможно для миллионов приверженцев иудаизма.

В 1901 г. автор писал: «Венская газета “Der Interviewer” недавно напечатала ответы различных ученых на вопросы, связанные со слухами об употреблении евреями христианской крови и с происхождением этой легенды, до сих пор имеющей своих сторонников.

Не претендуя на звание специалиста, я считаю нелишним высказать и свой взгляд, возникший у меня в результате изучения средневековой демонологии; прошу в этой связи предоставить мне место на страницах нашей уважаемой газеты.

В средние века все проявления человеческого духа были очерчены чрезвычайно резко. Это напоминало картину, нарисованную только яркими красками, без полутонов.

Аскетизм и поклонение дьяволу составляли как бы два противоположных полюса, но последователи того и другого отдавались, одни своей вере, другие своему заблуждению, с одинаковой страстностью. Какую же связь имеет поклонение дьяволу с евреями? Я предполагаю, что дело обстоит следующим образом. Гонимые в средние века евреи вынуждены были совершать свои обряды втайне. О сущности этих обрядов было известно очень мало, а, слушая инквизиторов, можно было предположить всевозможные кощунства, мерзости, а также жертвоприношения Вельзевулу».

«I i ai no e e ae da ai ay ai ca o a», 1903, 2 ai ai no a

E da e i ai e e i ai ca da ai e i i a

В«Slovo Polske» от 11 августа (по новому стилю) пишут из Кракова:

«В старой синагоге второй день заседают еврейские раввины. С первого же дня обнаружился сильный антагонизм между раввинами-реформаторами, среди которых один сионист, и хасидами. Прогрессистов слушают неохотно и не дают им говорить.

Оживленные прения вызвала речь полтавского раввина Рабиновича. Говорил он на древнееврейском языке, на этом же языке шли прения. Слушая прения, оратор убедился, что далеко не все раввины поняли его еврейскую речь, и вынужден был повторить всё на жаргоне, включая в свой текст еврейские и русские фразы. При этом прибавлял: «Как говорят по-нашему...»

O e e o a no ai i a E da e i ai

Речь Рабиновича касалась темы «Несть бо власти аще не от Б-га» и была направлена против распространяющихся в среде еврейских рабочих социализма, нигилизма, неуважения к порядку и власти. Он посоветовал всем раввинам обратить

внимание на этот факт и устами странствующих меламедов внушать рабочим, что подобные теории противны иудейской религии. Тех же, кто станет упорствовать, следует, по его мнению, исключать из еврейской общины.

Выступление Рабиновича вызвало бурные прения. В конечном счете была принята резолюция – выбрать комитет из семи членов для рассмотрения предложений раввина из Полтавы.

Прения вообще начались и шли довольно беспорядочно. Говорили и по-еврейски, и на жаргоне. Перебивали друг друга. Иногда одно слово вызывало целую бурю. Попытки Гирша Ландау заставить себя слушать успехом не увенчались: крики противников, неумение председателя Горовица (краковского раввина), толково и хладнокровно вести заседание сделали свое дело.

Во вторник явилось несколько новых участников заседания – раввинов из Галиции, вызвавших новую бурю требованием, чтобы им предъявили все постановления, принятые в их отсутствие.

«I tãñò è è àèðe àãÿ ãñçò à», 1903, 4 àãññò à

13 августа (31 июля) съезд раввинов в Кракове завершил работу. Прения под конец велись более спокойно: ораторов слушали внимательно и с явным интересом.

Руководитель съезда раввин Горовиц прочел составленную выборным комитетом декларацию, разъясняющую взгляд участников съезда на революционное движение. Декларация написана на иврите и в дословном переводе гласит следующее.

«Мы, раввины различных стран, съехавшиеся на конгресс в Краков, публично заявляем, что с того времени, как мы покинули нашу древнюю отчизну и разбрелись по разным странам мира, мы считаем своим священным долгом, повинаясь заветам Торы, чтить законы тех стран, под покровительством которых живем. Еврею строго воспрещено принимать участие в революционных движениях, вообще в деяниях, противных существующим порядкам. В соответствии с нашим великим и мудрым царем Соломоном, сказавшим: “Бойся в жизни Б-га и царя”, и основываясь на строгом предписании Торы, конгресс протестует против любых противоправительственных бунтов в настоящем и в будущем.

Участники съезда единодушно одобрили вышеприведенный текст и постановили довести его до сведения всех своих единоверцев».

«I tãñò è è àèðe àãÿ ãñçò à», 1903, 5 àãññò à

I àí à ôðáí ôóññè ò àãññá

На состоявшемся в Кракове международном съезде раввинов недоставало парижского раввина Цадока Кана, которого евреи называют «папой французских евреев». Цадок Кан пользуется особым почетом и уважением среди современного еврейства, и все раввины признают его ученым габраистом, первым знатоком Библии и других священных книг. К его авторитету евреи то и дело прибегают в спорах религиозного характера. По своим убеждениям он принадлежит к либеральным, свободомыслящим евреям. Признавая себя, как и всех французских евреев, французом по национальности и евреем только по вере, Цадок Кан в своих проповедях и речах всегда выступал рьяным

французским патриотом, доказывая всем, что привязанность к вере отцов не мешает евреям любить страну, в которой они родились, воспитывались, в которой живут, трудятся, за которую готовы пролить свою кровь. Либерал Цадок Кан дошел до того, что предложил перенести празднование субботы на воскресенье и праздновать воскресные дни наряду с остальным населением.

«Новости и биржевая газета, 1903, 3 августа»

Сионисты в Венгрии

Венгерское министерство внутренних дел не утвердило устав венгерских сионистских кружков. Причину своего отказа министерство мотивировало тем, что подобные кружки, учитывая цель, которую они преследуют, должны быть связаны с сионистскими кружками в других странах и высылать часть собранных в Венгрии сумм за границу. В результате этого венгерское правительство будет лишено возможности контролировать деятельность кружков в собственной стране.

«*Atzma*» ¹ 32

По случаю приезда доктора Герцля петербургские сионисты устроили вечер. Собралось человек сорок, в том числе представители всех выходящих в Петербурге еврейских изданий. Атмосфера на вечере была сдержанной, что весьма необычно¹.

печальном положении дел, при очевидном отсутствии реальных результатов. Ведь условия агитации ухудшились, с султаном переговоры прерваны. От Вади – Эль-Ариша1 пришлось отказаться...

Казалось, у Герцля нет выхода, – все пути заказаны. Но д-р Герцль, подобно Гамбетте, вылетел из осажденной крепости на воздушном шаре и опустился в Восточной Африке2.

Кто бы мог этого ожидать за пять минут до открытия конгресса?! Никто не захватил с собою ни карты Африки, ни учебника географии. «Что такое «Восточная Африка?»» – спрашивали справа и слева. На память приходили Сомали, Занзибар, Уганда...

Ydaö Ênlayeu Î aeeîdaò eáí úá daáí òú.

Были и другие моменты в речи Герцля, которые заставляли слушателей волноваться. А уж наше замученное, исстрадавшееся племя всегда готово волноваться по множеству причин. Например, по вопросу о Кишиневе; то, как отнесется конгресс к этому ужаснейшему несчастью, тревожило многих еще задолго до открытия конгресса. Дело ведь шло о чести нашей организации. Большинство, пожалуй, даже подавляющее большинство делегатов в этом отношении речью Герцля остались недовольны. Некоторые даже сочли, что слова о «Кишиневах» в «других» странах излишни4.

Заявление Герцля, что в Петербурге он представлял интересы не только партии, но и всего еврейского народа, вызвало гром аплодисментов. Однако тому, кто знает положение дел в России, это заявление могло показаться наивным, если не хвастливым.

«Á êííöá 1902 áíáá Áaðbëü íííðííëë áðëòáííëíá íðááëòáëüíðáí íðááííðááëòú áëý çáííëáí èý ááðáýí è íáíòúííúá ááííáðííëëá òáððëòíðëë íá ííáááá Ñëíááëíëíá ííëóííððíáá Êííëðáòíí - á ðáëííá Yëü-Áðëòá, á íáíííðááííðááíííë aëëçííðë è Ydaö Ênlayeu Ááëíáð íáðííáëëííý ííá íðíðááëòíðááíí Ááëëëíáðëòáíëë, è á íòááíò áíáëë-áíá íðááííáëëë Áaðbëü íðíðááëòú êíí êííëü áëý íáííááííááíëý áíááðáíííë òáððëòíðëë; áííë ýòí íáííòí íëááëáòííý íðëáíáíúí, áðëòáííëíá íðááëòáëüííðááí íðááëíí áíááíò ááííóýíáí áíáááëòú çáí èë áëý ííçááíëý "íááííëóííá ááðáëíëíá íííáááðíðáá". Á íáðóá 1903 áíáá áðíííá ííááëáëëííóíá, á êííòíðáá áííáëë áðá- Áëëáüí Ñóðá íáííááííááëá ýòíò ðáëíí, íðëçíááëá áí -áííðë-íí ííáðííáýíëí áëý áëòúííý è ðáëíí áíááááëá íðíááííðë òúáá áíáó èç íëëá áëý íóëá áááííëò áëòááë. Íí ááííóýíá íòëëííëë íðááëò, íííëáýííú íá íááíçí íáëíííðú íááííá-ëòú áíáíë áíëüííá êííëë-áíðáí íííáëáí òáá». (Ó. Êáíááëü çáí èý ííá ííáí è. Êç êííòíðëë ííáíáíëý è çáííëáí èý Ydaö Ênlayeu» Î eáðáòá Óëííëò. Ááòáðëí, Êëáá - Êáðíííëëí. 2003, ñ185).

Yòà Ònàgèyù Áààéíèè à ìííèáí òù.

«Ááúíé 1903 áàà àdèòáííèá ìdààèòàéúñòáí ìdààéíàééí òàdèòíðèè àéy ààòííí ìíá ààdàéíèá ìííèáíéy ìíá ìòíòàéòíðàòí Òáííáú à Áííòí-ííé Áòdèéá Àéáéú íáààéáú ìá ìíéò-áíéá «-àdòáà» ìò ìéòáíá è -ááíáéúííá ìíòòyííéá ìò èéòéíáííèá ìíáííá ìíáàééé Áàdèy ìdààéíàéòù ìá ìáààéáíéá ìéáí, ì éíòíòí ìí ìdàéáà è áòí àòù ìá òíòáé. Íòáàòííá ìííèáíéá àdèòáííèá ì éíéíòáðíòáà éíííòdàííúò ààé ìííòòíééí 14 ááúíòá 1903 áàà, ìáéáíòíá Òáííòá éííáàííá». Á ìííèáíéé ááíðééííú -òí ì éíéíòáðíòáí éíííòdàííúò ààé áíòíáí ìáíáéòù ààòáéé ìéáíá, áéááíúí è ìòíéòáí è éíòíòíá yáéyòòy: ìdàáííòáàéáí éá àéy ààdàéíèá ìííèáíéy á Áííòí-ííé Áòdèéá ìííòáàòíòááííáé òàdèòíðèè ìíá ìíéòíàéòàéúñòáí Áàééíáðèòáíéé, ìáçíá-áíéá ààdàéíèá -éííáíééá áéááíé ì áíòííé ááí éíéíòáòéé è ìdàáííòáàéáíéá éíéííéé ìdàáà èçááàòù ì òíéòéíáéúíúá çáéííú àéy òááéòíááíéy òáééáíçíúò è áíòòdàííéò áàé. Yòà ì áíòíáy ààòííí éy ìáííéáàééááàòíy ìdàáíí ìdààèòàéúñòáà Ááá éíòíéáííèá áàé-áíòáá ìííáííòáéyòù ìáúéé éííòòíéú Ííéíàéòàéúíúé ìòááò àdèòáííèá ì éíéíòdà éíííòdàííúò ààé áúé ìíéò-áí Áàdèéáí, éíááà òíò ìáòíáééíy á Áééúíí. Íí ìé-áá ìá ìéáçé ìá yòíí áàéá ááyòáéyí ìéííéíòíèá áàéáíéy, òíòòíéáòéí á ááá -áíòù òáééí ìáàá ìòúáçáíí èç Òíííé» (Èòòáé Íáíð. Ñéííéíòíèá áàéáíéá á Òíííé. Áéáééíòáéá Áééé, 1977. Ñ. 166,167).

Òáááá.

«Áéááò éííáàííá Òáéí Ááéòí áí ìéíáé á ìáí òáòáò: «Ó ìáíí òéá ìéíáééíy ìáú-áé áíááééáòù ìá ìòáíá çá ìòáííáàò áéúííééí éðáííí éàòòó Íáéáíòéíú. Í á yòíò òáçííá áúéá çáí áíáí á éàòíé Òááíáú, è yòíò ìéíáíéé-áíééé áéò ìáíðéyòíí çáááé ìáíí ìáííéíéá ìdà-íúíé ìdàá-ááíò áéyí è» (Ó. Éáíáéú çáí éy ìíá ìíááí è. Ñ.189).

Óèèà Ò. Áàðèÿ á Òàèü-Áàèáá

«Áàðèü ñàçàè áí àíðóíèòàèüíí ñèíáá: “Í ííæá èç íáíííèáñèè, ÷òí òæá ñòàòü íá ì íæàð. Íáíáèí ííèíæáíèá òòáòèèííí àüá áíèüá. Í áí:àíðüá, ííáíáí íá íááíáíáèð, íáðòèèííí íá ááðèíòáí...Í ù íá áíèáíü çàáíáòü ÷òí “Èèèéíáá” èì áàðíÿ íá á ááèíòáííí ÷èíèá, íá òíèüèí á Ðííèè...Ñíáíáí òáá, èíá àüá ì íæíí ñíáíòè”» (óèàç ñí ÷. Ñ.185).

«Í íáíá áðáí ÿ», 19 áí ðàèÿ (2 í áÿ)

Еврейская печать полна сообщений о шестом базельском конгрессе сионистов. Судя по нелюбезным заявлениям корреспондентов «Восхода», шума там немало и распорядителям неустанно приходится кричать «Ruh!» возбужденной толпе интеллигентных семитов. Речь верховного вождя сионизма д-ра Герцля на этот раз оказалась поистине сенсационной. Он сообщил о результатах своих хлопот по вопросу об уступке евреями Палестины. Нас особенно интересует та часть речи Герцля, в которой он коснулся своей недавней поездки в Россию.

«Хорошо известные события – сказал Герцль, – привели к тому, что в интересах еврейского народа я должен был поехать в Россию. Благоприятные обстоятельства позволили мне вступить в сношения с тамошним правительством: я могу сказать, что нашел у его членов известное понимание сионистских устремлений; равно слышал я и доброжелательные заявления и слова о намерении сделать для нас что-нибудь значительное (etwas entacheidendes). Впрочем, надо признаться, – вы уж не взыщите с меня за это, – что я в данном случае действовал не только как представитель партии. И говорил не в защиту одних сионистов, – говорил обо всех евреях в России. Я старался добиться некоторого улучшения их печального положения и получил заверение, что об этом вскоре будет возбужден вопрос».

Весьма значительны были и те обещания, – подчеркнул далее автор, – что я получил относительно сионистского движения. Я вправе заявить, что русское правительство не думает ставить никаких препятствий сионизму. Поскольку он будет по-прежнему носить спокойный и законный характер. Русское правительство, кроме того, готово содействовать руководимой сионистами эмиграции, приняв на себя часть необходимых в этом случае денежных расходов.

Наконец, и на это я обращаю особое внимание, правительство России согласно поддерживать нас в наших стараниях получить Палестину у его величества султана».

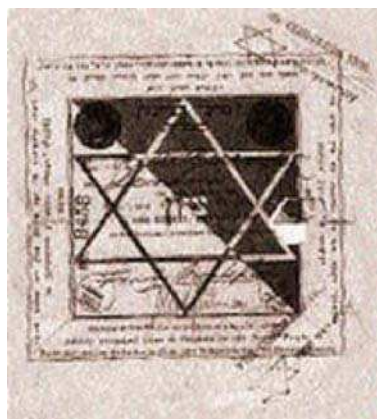
Примечание. «В конце беседы Плеве обещал Герцлю обратиться с посланием к сионистскому движению в России, если оно не будет заниматься внутренней политикой. Он также сказал, что русское правительство готово использовать свое влияние на турецкие власти, чтобы содействовать доступу евреев в Палестину».

«Готовность нашего правительства нести денежные жертвы при, – добавил он, – выселении евреев еще может быть объяснена. Но чтобы д-ру Герцлю была обещана поддержка в стремлении сионистов “получить Палестину у его величества султана”, – в этом мы положительно сомневаемся. Палестина имеет такое огромное религиозное значение в глазах христианского мира, что основание в ней “Сионистского царства” немислимо: это коренным образом расходится с догматом общехристианских преданий и верований».

«Ἀποβῆν ἰσὶ ὀπῆ Ἰεσαῖ ἰαεῖα-εὐὸν ἰτῆραῖ εἰ ἀααῖ ἰπῶρ ὑεὸν ἃ Διτῆε, ἰτ ἑδαεῖαε ἰ ἀα, δαπῶεδαε - ἀδὸ ἰπῶεἰπῶε εἰ ἀεῖρ-εἰ ἃ ἰαῖ Ἐὐδῆν ἰεῖρ εἰ Δεῖν (Ἰ δεῖαεὸεεἰπῶε εἰαε Διτῆεἰπῆε εἰ ἰαδῆε), ἃ ὀαεεἰ δαῖαεεἰ ἀαδῆν ἰτῆεἰεὸε εἰ εἰ ἀεῖ ἰεῖρῆεἰπῶεἰπῶεἰ ἰπῶ ἰαῖῆἰπῶε ἰπῶε ἰπῶε - ἀδὸ. Ἰεσαῖ ἰαῖῆἰε ἰὸ ἰπῶεἰπῶε ἰπῶε ἰπῶε ἰπῶε ἰπῶε. (ὁεῖαε ἰπῶε. Ν.159).

«Ἀἰπῶῖα» ¹ 34

Отчет Action committe, прочитанный г. Маринекком, составлен по обыкновению в духе весьма оптимистическом.

«Νεῖτῆεἰπῶεε ὀαεῖῖ».

За время, истекшее с последнего конгресса, возникли сионистские организации в Швеции и Норвегии, образовавшие одну общую скандинавскую федерацию в Кохинхине. И на о. Крите. Общее число шекеледателей возросло за то же время почти на 130%. В странах, где сионизм существовал и раньше, наблюдается заметный прилив новых членов. В Румынии, несмотря на пережитый кризис и крупное эмиграционное

движение, сионизм имеет столько последователей, что эта страна должна занять второе место в отчете. Здесь функционирует 113 правильно организованных кружков, из коих 13 – женских. В Германии число шекеледателей возросло вчетверо; сионистская агитация ведется очень усердно, в чем немалую услугу оказывают еврей-интеллигенты из России. Во Франции местное еврейское население продолжает относиться к сионизму недружелюбно; ранее существовавшие кружки, однако, сохранились. В Бельгии и Голландии агитация последнее время велась по-прежнему. В Швейцарии сионизм приобрел много сторонников: из 12 тысяч местного еврейского населения платят свой шекель 1200 человек. Большинство сионистов тут – пришлый бедный элемент. В Италии в ряды сионистов вошли представители состоятельного еврейского класса. Сравнительно малый успех имеет движение в Галиции и в Буковине. Равным образом, слабо подвигается дело в Венгрии, в Боснии и Герцеговине. В Болгарии сионизм привлекает сторонников из бедных классов; богачи держатся в стороне. В Англии имеется 80 сионистских кружков, из коих 33 – в Лондоне. Кружок, основанный в Шамане, присоединился к английской федерации. Новые кружки возникли в Египте. Заметных успехов добилось сионистское движение в южной Африке и Северо-Американских Соединенных Штатах; на земле последних за отчетное время образовалось 72 новых кружка. В состав кружков входят и еврей-аборигены. Количество кружков в Канаде возросло на 30%. В Канаде кружки вообще имеются во всех еврейских общинах. В Буэнос-Айресе сионисты занялись весьма похвальной деятельностью – борьбой с торговцами живым товаром. Среди аргентинских колонистов немало сторонников сионизма¹.

Ī ādēæ. Āāēēōēy. Ī āāīīā

Ī Ā 1881 ā īīyāēēēīī ī ādāīā īēīī ēñōīēēā ēdōæēē ā Ī āāīīā, Ōādīēīāā, Nāī ēō-Ī āō ādāōdāā Ā īā-āēā Ōō ā āīcīēēēē ī ādāīā ēdōæēē ā Ōēīēyīāēē.

Āī Ōdāī ōēē ēāāē ī āōēīīāēūī ī ā āīcīāēāīī ēy āāōāēīēīā ī ādīāā dāīī ōīñō dāī īē īāēdāō ādūī Ī āīīēāīā III Ÿ. Ēāādāī, īīī īāāōāēūī Ī āēāōī ādīāī ī āī Ēdāīī ī āī ēdāīō ā Ē.-Ā. Āīīāē, īīcēā - Ÿī ēēūī cīēy. Ā 1881 ā āīcīēē ī āēāñdēīīōēēūīēēē ēdōæīē «Āā-īūē æēā». Ā 1886 ā īīī īāāīā ādōīīā «Āīāē Ōēīī».

Á 1893 á ñéííéíñòñééá éðúæéé ñòáéé áíçíééàòúí á íáúíéíáò Áíáíí éé è Ì íðááé, áñíáúíéó á ññòáá Ááñòòí-Ááíáðé. Ýòí éðúæéé «Ááð-Ëíóáá» (1890) è «Óáíáíð Ááðòéü» (1909). Á Óááéóáðéé, á Ááçáéá 12 íéòýáðý 1901 á áúéá ó-ðáæááí á ñéííéíñòñéáý óáááðáòéý ñòðáíú. ×éáí ú áá ðáñí ðáááéééñíí íí íðááéüü úí éðúæéáí.

ÑÓÁ. 1890-á áá Í úð-Ëíðé, ×ééáá, Ááéòéí íð, Ì ééóíéé, Áíñòíí, Óééáááéüóéý, Ëééááí á-áíçíééííáúéá éðúæéíá ííá íáúíéí íáçááí éáí «Óíáááé Óéíí». Á 1891 á Á. Ðíçáí ááðá íñí íááé Óáááé Óéíí.

1897 á - ñçááí éá óáááðáòéé ñéííéíñòñéó íáúíáñòá Áíéüóíá Í úð-Ëíðéá. Á 1898 á ííá ñééáñí ñÉéáé ñéííéíñòñéó íáúíáñòá Áíéüóíá Í úð-Ëíðéá

Á Óááéé íáðáíé ñéííéíñòñéé éðúæéé áúé ñçááí á 1904 á (Ëðáòéáý ááðáéíáý ýíóéééííááéý. Ó. 7. Ñ. 870).

Ðá-úí á-ðá Í íðááó

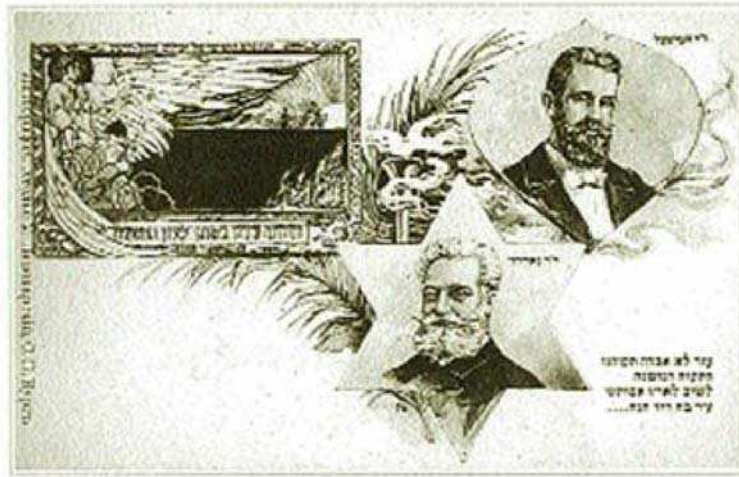
"Ì áéñ Í íðááó (íáñòíýúíáá èí ý - Ñéí óá-Ì áéð (çðáóáéüü) - áðá-ííéóéáòð çíáí áíéòúé óééíñó, áðáí áòóðá æóðíáééñò, ñçááòáéü Áíáí éðííé Ñéííéíñòñééé íðááíéçáòéé (ÁÑÍ). Ðíáééñý á Íáéóá á ñáí úá ðáááéíá, ííéó-éé ðáééáíçííá çáòáí ñááòñéíá íáðáçíááí éá, íéíí-éé ì ááéòéíñééé óáéóéüòáò óí éááðíéòáòá á Ááíá Ááòíð éíéá «Óíéíáíáý éíæü éóéüòóðííá ÷áéíáá-áñòáá», «Ñí úíéé éñòíðéé», «Áéíéíáý Ðíñéé» (Ëðáòéáý ááðáéíáý ýíóéééííááéý. Ñ. 764 - 766).

«Тот день, когда мы войдем в турецкую провинцию, станет великим и счастливым днем для Оттоманской империи. Все, чего мы хотим, – это чтобы другие державы помогли нам установить официальные отношения с султаном, чтобы мы, после продолжительной беседы с его величеством, на которую полагаемся, смогли его убедить в том, что ему весьма выгодно соглашение с нами, и чтобы при окончательном разговоре эти другие державы стали его участниками и свидетелями. Чтобы поручились за нас и правдивость наших слов. Если же окажется невозможным прийти к окончательному соглашению с султаном, если он будет непреклонен и закроет нам вход в Палестину, то, в таком случае, мы должны будем запастись терпением и ждать.

Но поймите меня верно – на самом деле мы не можем ждать. Если мы предаем себя, если отчаялись и опустили руки, если бросаем ружье в траву, – значит, мы со страшной быстротой идем навстречу собственной плачевной гибели».

«...Перед достижением неотменимой цели – еврейским заселением Палестины – допустима лишь одна временная работа – создание убежищ для сотен тысяч несчастных наших братьев – сионистов или нет, безразлично; достаточно того, что они – евреи, что они не такие, как мы, не оседлые, и не в состоянии ждать. Что они скитаются, что они – словно ткацкий челнок. Кочуют с материка на материк, с океана на океан. Они погибнут, если не будет предпринято что-либо ради их спасения. Для этих сотен тысяч бездомных людей мы должны создать убежище хотя бы на ночь. Прежде, чем построить им прочный дом для постоянного жительства».

Примечание. «Когда Нордау узнал от Герцля об угандийском плане, он на него не согласился. Он заранее предвидел, что план этот вызовет сильное сопротивление русских евреев, хранящих верность Эрец Исраэль – исторической родине еврейского народа. Но Герцль силился убедить Нордау, что Уганда не означает отхода от базельской программы и отказа от Эрец-Исраэля, что они остаются главной целью сионистского движения; что угандийский план не более чем средство оказать немедленную помощь преследуемым евреям, особенно из России и остальных стран Восточной Европы. В конце концов Нордау взялся защищать эту идею с трибуны Шестого конгресса». (Ицхак Маор. Сионистское движение в России. С. 167).

יְדֹאָב עִנְדָּאָעוּ אֵעָאֵ אֵלֵא אֵלֵא אֵלֵא אֵלֵא אֵלֵא אֵלֵא

«Чем вы рискуете?, – спрашивал он, назначив комиссию для рассмотрения предложенного исполнительному комитету плана и решая познакомиться с приложенными к этому плану объяснениями, а также обдумать вопрос основательно – вплоть до изучения его на месте. – Ведь принять окончательное решение эта комиссия не сможет. Если будет нужно, то для принятия этого решения созовут новый конгресс. Еврейский народ сам должен будет решить вопрос на своих избирательных собраниях»¹.

«На второй день конгресса Нордау выступил с программной речью, посвященной, главным образом, защите угандийского предложения. На сей раз, однако, ощущалось, что оратору не слишком по душе дело, которое он поддерживает, и что взялся он за него только из-за своей верности и преданности Герцлю» (указ. соч. С.173).

«Макс Нордау на каждом конгрессе произносил программные речи. Очевидец отметил: он не читает с тетради, как другие ораторы, а импровизирует. Что за ораторский талант! Он совершенно овладевает душой слушателя, который делит с ним гнев, негодование, радость и печаль... Макс Нордау предрекал, что евреи Европы обречены на гибель, и лишь создание собственного государства может предотвратить трагедию». (Ф. Кандель. Земля под ногами. С.193).

«Аїмїа»¹ 34

Ааґаеїї 11(24 аааїїòà)

Настроение на конгрессе самое мрачное. Большинство русских делегатов, ошеломленных накануне речью Герцля, за ночь успели прийти в себя. Сиона нет. Есть Восточная Африка. Да и есть ли она? Не новая ли это авантюра? С чем явиться им домой – им, которые всю жизнь проповедовали народу, что спасение только в Сионе, которые брали у народа деньги на Сион, которые уверяли народ, будто Герцль этот Сион добудет во что бы то ни стало?

«Цїà-èòàеїїї î àїеàà ñàđїàçї ùé ðàñїéїé ï ðїéçїøàé à ñèїїéñòñéїї ààèæáї èè ïї àїїðїò ï àїçїїæїїñòè è ïðèàї èàї ïñòè ñçããáїéý ààðàéñéїã àññããðñòàà àїá Ýðàò-Èñđàýé». (Èðàòèàý ààðàéñéãý ÿї òèèéїїáàéý. Ò. 7. Ñ. 883).

Ааґаеїї 12(21 аааїїòà)

Г. Темкин: «Я от души благодарен Англии за предложение. Но должен констатировать, что вожди наши больше склоняются к идеалу государства, чем Сиона, нам же более милы голые скалы Палестины, чем всякая другая страна, хотя бы она текла медом и млеком. Если мы примем Африку, то нам нельзя уже будет более рассчитывать на поддержку Европы; никто с нашими чувствами и идеалами никогда считаться не станет. Людей у нас и так мало, между тем, Африка несомненно произведет в нашей среде раскол между “чистыми” и “сомнительными” сионистами. Мало у нас и денег, а новые проекты охладят людей к сбору средств для Палестины».

Г. Членов1: «Я должен сказать, что ощущаю себя участником глубокой драмы. Действительно ли так велика опасность для того, что мы считаем святыней? Послушаем наших почитаемых вождей. Неужели они думают хотя бы на минуту забыть о Сионе или поставить что-нибудь на его место? Они уверены, что в Африке мы сконцентрируем силы наши и этим путем мы скорее добьемся Палестины».

Коган-Бернштейн2 зачитывает резолюцию, принятую на собрании русских делегатов большинством в 146 голосов против 84 и гласящую: «Конгресс признает великое политическое значение великодушного предложения английского правительства, заключающегося в разрешении устроить в восточной Африке автономную еврейскую колонию и просит А.-С. передать правительству Англии благодарность еврейского народа.

Оставаясь, однако, верными основному принципу сионизма и усматривая цель движения в создании правоохранительного движения в Палестине, мы сожалеем, что сионистская организация не может заняться этим проектом».

В том же духе, что Членов, Темкин и Коган-Бернштейн, высказываются также и Белковский, и г. Левин3 (прекрасная речь на жаргоне) и мн.др.

С другой стороны, с не меньшей страстностью часть присутствующих отстаивает африканский вариант. Характерно, что огромное большинство раввинов за Уганду.

13 (26) ààññòà

В 4 часа открывается заседание. Приступая к голосованию предложения об избрании комиссии для рассмотрения африканского варианта, Герцль просит собрание отнестись с должной серьезностью к подаче голосов, говоря о почти непреодолимых трудностях, которые выпадут на долю вождей в случае, если голосование даст отрицательный результат, и указывает на необходимость выразить благодарность Англии за ее предложение учредить комиссию. Затем он ставит вопрос, подлежащий решению. Для рассмотрения вопроса о заселении области, столь великодушно предложенной английским правительством, конгресс решает назначить комиссию. Эта комиссия состоит из девяти членов и входит в состав Малого исполнительного комитета, но лишь с правом совещательного голоса при посылке экспедиции в исследуемую область. Само собой разумеется, что на покрытие расходов по экспедиции не должны быть взяты деньги ни из Еврейского колониального банка, ни у Англо-Палестинской компании, ни из еврейского национального фонда. Относительно средств финансовый комитет выработает соглашение с Малым исполнительным комитетом. Для решения вопроса о Восточной Африке будет созван особый конгресс.

Ò. Àádöëù ñí ðááñò àáéò àéyí è ã òñéé ãáðáá íà Óáñò òí ñéíí è òñéíí éíí áðáñí

Эта программа работы, предложенная Большим исполнительным комитетом, переводится на разные языки. Делегаты голосуют особым способом, говоря «да» или «нет», когда называют их имена.

«Да» д-ра Нордау вызывает гром аплодисментов. То же самое происходит, когда д-р Носсиг¹ произносит «нет». Под бурю аплодисментов Герцль заявляет, что предложение принято 295 голосами против 177.

Члены Большого исполнительного комитета Членов, Темкин, Коган-Берштейн, Белковский, Якобсон, Брук и Гольдберг, голосовавшие против предложения Англии, покидают трибуну и зал заседания.

«**Ἐἰσὶ Ἀποστολὴ Βεῖτᾶ (1859, Ἐσσειᾶ - 1929, Οὐδαεῖα) - ἀποστολικὴ ἰαυανὸαυίυε ἀγγοαυὺ Διῖνε. Ἐξο:αε ἰαεοεῖο ἁ Ἰαοαδῶδᾶ ἐ Ἀδιὸα Ἰῖνεᾶ ἰῖανῖ ἰᾶ ἁ βαιῖε Διῖνε ἁ 1881 ἁ ἰῖνᾶγδὲ ἰᾶγ ἀποστολῆ ἰδιᾶεἰ ἁ ἰ ἰοᾶε ἀεᾶᾶοῖ ἰ 1-ᾶ ἰῖῖεῖοῖεῖᾶ εῖῖᾶᾶᾶ. Ἀυῆ ἀεοεᾶυῖ :-εᾶῖῖ ἐ εᾶῖεῖᾶῖ Ἀᾶ ἰεᾶοε:-αῖε ὀδαεοε (1901) ἐ ἰᾶῖε ἔϥ εᾶᾶᾶᾶ ἰῖῖϥεοε ἰεᾶῖ Ὀᾶῖᾶ. Ἰ 1907 ἁ αεῆ ἁ Ἰ ᾶεᾶῖεῖᾶ, ὀᾶῖᾶε ἁδᾶ:-ῖ ἁ Ἰ ᾶεῖᾶε Ἀεῆεᾶᾶ ἁ Ἰ ᾶοᾶ-ὀεῖᾶ Ἀυῆ ἰᾶῖε ἔϥ ἰῖῖᾶᾶοᾶε Ἰ ᾶῖᾶεῖ ἁ ἔϥ ἁδᾶ:-εᾶ ἁ Ἰ ᾶεᾶῖεῖᾶ ἁ 1910 ἁ ἁδιὸεῖῖ ἁ Ἐσσειᾶ, ἁ 1925 ἁ ἰῖᾶᾶ ὀᾶε ἁ Ἰ ᾶεᾶῖεῖᾶ, ϥᾶοᾶ ἰδῆῖϥ ἰδᾶεῖᾶεᾶ Ἀεῖεῖοᾶ ὀᾶῖᾶοᾶ ἰᾶ ὀεᾶεῖᾶ, ᾶᾶ ἁ ἰῖᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ ὀ ἁδᾶ.**»

3. **Ἐᾶεῖ Ὀῖ ἁδιῖοᾶ (1867, Ἰᾶεῖῖ:-ῖ Ἰ εῖῖεῖ ᾶᾶ - 1935, Ὀᾶεῖᾶ) - ἰῖῖεῖοῖεῖ ἀγγοαυὺ ἐ ἀποστολικὴ ἰεᾶᾶοᾶῖ Ἰῖεο:εῖ ὀεᾶεῖῖῖῖᾶ ἰᾶδᾶϥῖᾶῖεᾶ ἐ ϥᾶεῖ:-εῖ ὀᾶεῖῖῖᾶ ὀ:-εῖεῖῖᾶ ἁ Ἰ εῖῖᾶ Ἰ ᾶεῖεῖῖῖ ἰ Ἀᾶᾶ-Ἀᾶᾶ ἰῖ. Ἀᾶοῖεῖ ἁ Ὀῖᾶῖᾶ ὀεῖῖ.**

ἁ Ἀᾶεῖᾶ ἁ ὀ ᾶεῖ ϥᾶῖεᾶ ὀᾶᾶεῖᾶ ἁ Ἐ ἰεᾶᾶᾶᾶῖῖ ὀεᾶᾶᾶᾶᾶᾶ - ϥᾶῖεᾶ ἁ ἰεῖῖᾶ ὀεῖῖᾶ. Ἐᾶεῖ Ὀῖ ἁδιῖοᾶ ἁυῆ εᾶϥῖῖῖ ὀᾶᾶεῖῖ ἁ Ἀᾶῖᾶῖ (1896-1898), ἁ Ἀεᾶᾶᾶῖῖᾶᾶ (1898-1904), ἰᾶῖῖᾶᾶῖεῖῖ ἁ Ἀεῖῖῖ. ὀ:-ᾶᾶᾶᾶ ἁ 5-ῖ ἰῖῖεῖοῖεῖ εῖῖᾶᾶᾶ, ἰᾶ 6-ῖ εῖῖᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶῖ ἁ εᾶ ἰᾶᾶᾶᾶῖ ἰεᾶῖ Ὀᾶῖᾶ. Ἀυῆ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ-ε Ἀῖᾶᾶᾶᾶᾶῖ Ἀᾶῖ ῖ, ἰῖᾶᾶ ᾶ ὀᾶᾶᾶᾶ ἰῖᾶῖᾶ Ἀῖᾶᾶᾶῖᾶ ᾶϥᾶῖεᾶ Ἀυῆ ὀᾶεᾶ ἰᾶῖεῖ ἔϥ εῖεῖεᾶᾶᾶᾶ ἰᾶ ᾶᾶῖῖ ὀᾶεῖῖᾶ Ἀᾶῖῖᾶ ἁ 1911 ἁ ἰᾶ 10-ῖ ἰῖῖεῖοῖεῖ εῖῖᾶᾶᾶ Ἐᾶεῖ ἁυῆ εϥᾶᾶῖ :-εᾶῖῖ ἰδᾶεῖᾶῖῖ ἰῖῖεῖοῖεῖ ἰᾶᾶῖεϥᾶεῖ. Ἀᾶᾶᾶ ἁ ἁ «Ἀᾶῖᾶᾶ ἰῖῖῖ», «Ἀᾶᾶᾶ ἁ εϥᾶῖᾶεῖ», «ᾶῖᾶᾶᾶ ὀᾶῖᾶᾶᾶ», «Ἀᾶῖᾶ» (Ἐᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶῖᾶᾶᾶ ῖῖεῖῖῖᾶᾶῖ. ὀ. 4 Ἰ. 733, 734).

«**Ἀεῖᾶᾶ Ἰῖᾶᾶ (1864, Ἐῖᾶᾶ - 1943, Ἀᾶᾶᾶ) - ἀγγοαυὺ εῖῖῖᾶᾶ, ἰεᾶᾶοᾶῖ ἐ ἰᾶεῖεῖᾶ, ἰᾶεῖ ἔϥ ϥᾶ:-εῖᾶᾶᾶ ἰῖῖεῖοῖεῖ ᾶᾶεᾶῖῖ. ὀ:-εῖῖῖ ἁ ὀεᾶᾶᾶᾶᾶᾶ Ἐῖᾶᾶ, Ἀᾶῖ. ὀβᾶᾶ, ἰῖεο:εᾶ ἰᾶᾶᾶῖᾶᾶ ἰᾶᾶ ᾶδᾶ:-ᾶ ἐ ὀεῖῖᾶ Ἀᾶᾶᾶ ἰῖᾶᾶ «Ὀᾶᾶ Ἰῖᾶᾶ» (1882), «Ἀᾶᾶᾶᾶᾶ» (1907). Ἐᾶῖ ἁ ὀῖᾶ, ᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ:-ᾶῖᾶ ἰᾶᾶᾶ ἁ ἁ ἁᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ ἁᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ ἁᾶᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ ἁᾶᾶᾶᾶᾶ. Ἀυῆ ὀᾶεᾶ ἰεῖῖᾶᾶᾶᾶ, εϥᾶῖῖ ἰᾶᾶᾶ Ὀᾶῖ Ἰῖῖῖᾶ, Ἐᾶῖ Ἰ ᾶεᾶᾶῖ, Ἀᾶ:-ῖᾶ ᾶεᾶᾶ, Ἰ. Ἰᾶᾶᾶ**»

ὀ:-ᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁᾶᾶᾶ ἰῖῖεῖοῖεῖ εῖῖᾶᾶᾶ ἁ Ἰ ῖᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ ἁῖᾶᾶᾶᾶ ἰ ἁᾶᾶᾶᾶ ἁ ἁ 1903 ἁ ᾶῖᾶᾶ ἔϥ ἰᾶᾶῖεϥᾶεῖ.

Ἰᾶῖᾶᾶ ὀᾶῖᾶ «Ἀᾶᾶᾶᾶ ἁῖῖῖεϥᾶῖῖᾶῖ ἰᾶᾶᾶᾶᾶ» (1904), «ᾶᾶᾶᾶᾶ ἰῖῖῖ» (1905). ἁ 1908 ἁ ἰῖῖᾶᾶ Ἀῖᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ἁῖῖῖεϥᾶῖῖᾶῖ ἰᾶᾶῖεϥᾶῖᾶᾶᾶ.

«Ἰ ἁ 6-ῖ ἰῖῖεῖοῖεῖ εῖῖᾶᾶᾶ ἁῖῖῖεῖᾶᾶ ὀᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ (ἁ ὀῖ :-εῖῖᾶ 11 :-εᾶῖᾶ Ἐῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ἁῖῖ ἁᾶᾶ Ἀῖᾶ ἁῖῖῖ ἰῖῖεῖοῖεῖ ἰᾶᾶῖεϥᾶεῖ ἁ Διῖνε) ᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶ ἰεᾶῖ Ὀᾶῖᾶ. ἁ ὀῖ ᾶᾶ ᾶᾶῖ ὀδαεοῖ Ἰ εϥᾶᾶ (ἁ εῖᾶᾶᾶ ᾶῖᾶεῖ, ᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶ, ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰῖῖεῖοῖεῖ ἰᾶᾶῖεϥᾶεῖ Διῖνε) ἰῖᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ, :-ὀῖ ἁ ἰῖᾶᾶᾶᾶῖ ἁ ᾶᾶ ὀᾶᾶᾶ ἁῖῖᾶ ᾶῖῖᾶᾶῖῖ ἁ ἰῖῖᾶᾶ ἰεᾶῖ» (Ἐᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶῖᾶᾶᾶ ῖῖεῖῖῖᾶᾶῖ. Ἰ. 882).

«Ἀᾶῖᾶᾶᾶ Ἀᾶᾶᾶ Ἀᾶῖᾶᾶᾶᾶ:- ἰεᾶᾶοᾶῖ ἐ ἰᾶῖᾶᾶᾶῖῖ ᾶῖᾶᾶᾶ Διᾶεῖῖ ἁ Ἰᾶῖᾶ ἁ 1865 ᾶ, ὀ:-εῖῖῖ ἁ ὀᾶᾶᾶ, ϥᾶοᾶ ἁ Ἰᾶῖᾶῖῖ ὀεᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶ ἁᾶᾶ:-ᾶῖῖ ὀᾶεῖῖᾶᾶ Ἰ 1893 ἰῖ 1897 ᾶᾶ ὀεῖᾶῖᾶῖ ἁᾶᾶᾶᾶ ἁ ὀῖ ἰῖᾶᾶ ἁ ἁᾶᾶ ἁ ἰῖεᾶῖῖῖῖ ἁ Ἰᾶῖᾶῖῖ ὀεᾶᾶᾶᾶᾶ Ἰᾶῖῖᾶῖ ὀ:-ᾶᾶᾶ ἁ ᾶῖᾶᾶᾶᾶᾶ ἁ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἁᾶᾶᾶᾶ «Hes Zion» ἁ «Ezra». Ḳᾶῖᾶᾶᾶ ἰᾶῖῖ ἔϥ ᾶᾶᾶᾶᾶ»

«*Ótò ààà Áàðàéñéíà éíéííéàéúííà àáíéà è Íàòèííáéúííà òííàà Ñ 1899 íí 1909 àà - :éáí áíéúòíà ñéííéñòñéíà Èñííéíéòàéúííà éííéòàòà . Áàòíð ñòàòáé í íðííàáííà ñéííéçí à, í ííéíáéáíé è áàðàéñéò ðàí àñéáíééíà, à òàéáá éíéèé í áàðáýò Ñéàéòé» (Áàðàéñéáý ýí òéééííáééý. Ò. 5. Ñ. 164).*

«*Βέíáñíí Áééòíð (Áàéáíð, 1867, Ñéí òáðíííéú - 1935, Ááðí). Ááýòáéúí ñéííéñòñéíà àáéááíéý, áéíéíí àò. Á þííñòé íðéñíáééíééñý é Õíáááé Õéíí. Íí íéíí:áíé è áéí íáçé è òáðáé ò:éòúñý á Ááðééííéé òíéááðñéòàò, ááá éç:áé òééííòéþ. Íðéíéí áé ò:áñðéá á ñçááíé è áàðàéñéí-ðñííéíà íáò:ííà íáúáñòáí - íáííé éç íáðáíò ñéííéñòñééò íðáíéçáòéé. Õ:áñðíéé 2-á ñéííéñòñéíà éííáðáííà á Ááðíá (1898), í á 3-í éííáðáííà (1899, Ááçáéú) áúé éçáðáí :éáííí Èñííéíéòàéúííà éííéòàòà Áúé íðíòéáíééíí íéáíà Õáííáú Õáííáðà Ááðòéý, íðíòéá éíòíðíà áúñðóíáé íà Õáðúéíáñéíé éííòáðáííòé (1903). Íáéí éç ðñéíáñéòáéáé Õéííáé Õéííí.»*

«*Áðóé Áðéáðéé (Õáé Áéðò, 1869, ×áðíéáíá - 1922, Ááðééí) - ááýòáéúí ñéííéñòñéíà àáéááíéý á Ðíññé. Á 1893 á çáéíí:éé í ááéòéííééé òáéòéúòáò Èéááñéíà òíéááðñéòàò, íðáéòééíááé éáé áðá: á Áíí áéá Áúá á þííñòé íðéí éíóé é Õíáááé Õéíí. Í á 3-í ñéííéñòñéíí éííáðáííà (1899) áúé éçáðáí á Ááíáðáéúí úé ñáíò Áííí éðííé ñéííéñòñéíé íðáíéçáòéé. Á 1905 á ñòáé ááíòáòíí 1-é Áóí ú íò éáááðñéíé íáððéé, ííñéá ðñííóñéá 1-é Áóí ú áúé áðáñðíááí. Áúñðóíéá íðíòéá ííéíáéáíéý Ááéúñéíáòíðñéíé íðíáðáí í ú íá ò:áñðéé áàðáá á ííééòé:áñéíé áéçíé ñòðáí íðíáééáúéý, íáðáñòáé íðéíéíáòú ò:áñðéá á ðñéíáñòáí ááýòáéúííñòúþ ñéííéñòíá Á 1917 á áúñðóíéé íðíòéá ò:áñðéý ñéííéñòíá éáé áéòéáííé ííééòé:áñéíé ñéú á ðáíéþòéíííúò ñáúòéýò Ðíññé , á 1920 á áúáñáé íá ííñòíýííá áéòáéúííòáí á Íáéáñðéíá Õí áð á Ááðééíá áí áðáí ý éá:áíéý.*

«*Áíéúñááðá Áíðéñ (Áíá, 1866, Õáéýé Ñóááééñéíé áíá, íúíá Èéòáí, - 1952, Õáéú-Ááéá). Ýéííí éñò. Íáéí éç ééááðíá ñéííéñòñéíà àáéááíéý á Ðíññé. Õ:ééñý á Ááðééíá è á Ááíííááðá, ííéò:éé áéíéíí éíáéáíáðá-òéí ééá. Ííñéééñý á Áéúñ á ááá íñííáéé òááðééá Á þííñòé ò:áñðáíáé á ááéááíé è Õíáááé Õéíí; ñ áíçíééííááíéáí ñéííéñòñéíé íðáíéçáòéé ñòáé íáíéí éç áí ðñéíáñéòáéáé, çá :òí áúé çáééþ:áí á òþðú ó Á 1905 á áúé á :éñéá íñíáòáéáé Õáíòðáéúííà éííéòàòà Ðíññéñééò ñéííéñòíá Í á ñúáçáá á Ááéúñéíáòíðíá (1906) áúñðóíéé ñ áíééááíí í íðáéòé:áñéíé ðááíòá á Íáéáñðéíá è ááýòáéúííñòé á Ðíññé á ííéúþ Ýðáò Èñðáýéú è áúé éçáðáí á ññòáá òáíòðáéúííà éííéòàòà íðáíéçáòéé. Õ:áñðáíáé á 4-í (Áááá, 1907), è 5-í (Ááí áóðá 1909) ñúáçáá. Áúé éçáðáí á íéáíóí Èñííéíéòàéúííà éííéòàòà ñéííéñòñéíé íðáíéçáòéé, :éáííí éíòíðíà ññòíýé íííà éáò. Ñíòðáíé:áé á ñéííéñòñéíé íáðéíáé:áñéíé íá:áòé, íóáéééý ñòáòúé, ñýçáííúá ñ íðíáéáí áí é ðñííéíà áàðáéñòáá, à òáéáá ðááíòú íí ñòáòéñòééá». (Áàðàéñéáý ýí òéééííáééý. Ò. 4. Ñ. 290 - 294).*

«*Õíðí áéúíí Ááðòéú ííéò:éé áíéúòéííòáí áéííá íí ííñéá íáúýáéáíéý ðáçéúòáòíá áéííááíéý íðíéçíóéí íáíáéááííá: áñòáé ñ ñáíáí íáñòá á íðáçéáéòí á ááéááò éç Ííñéáí Èáðéáéú ×éáííá è ííóáé é áúóíáá "Èóáá è çá:áí? - áñíí éíáé íí áííñéáñòáéé. - Β íáçíáé á ýòó í éíóóá Íáíí ý :óáñòáíáé, :òí çáíñí, á ýòíí çáéá á ýòó í éíóóó íñòááòúñý íááíçí íáéíí. Õéçé:áñéé íááíçí íáéíí..." (Õ. Èáí ááéú Çáí éý ííá ííáí è. Ñ. 187).*

«*Á íòááò çíá:éòáéúíáý :áñðú ðñííéñééò ááéááòíá (íí:òé òðáòú ò:áñðíééíá éííáðáííà), áááíí áý È. ×éáííáíí, ííééíóéá çáé çáíááíéý. Õáí ñáí úí áúéí ííéíáéáí íá:áéí òíðí éðíááíéþ áéíéá íðíòéáíééíá íéáíà Õáííáú - Õéííáé Õéíí. Èò áóðíáíúí áíáéáí ñòáé Í. Õñíóééí (íá íðéíéí ááóéé ò:áñðéá á ðááíòá 6*

*ā ēīāāāāā). Īīīāā īāāōīūā īōāāēū pēīēēōēēō īōāīēāōēēē dāēīēīēēēīī
Īā:āēāīī āōōīāy īīēāī ēēā ā īā:āōē...» (Ēdāōēāy āāāēēāy yīōēēēīīāēy. Ō. 7. N.
882-883).*

«Īīīāā āāāī y», 1903, 22 āāāīōā

Āāāē ā Īīīāī ē

Для большинства читателей «Нового времени» будет полной неожиданностью узнать, что существует славянская провинция, которую евреи постепенно, но неукоснительно покидают. Это великое княжество Познанское. Пятьдесят лет назад, большинство городов здесь (как теперь в Царстве Польском, в Западных губерниях и Галиции) было переполнено евреями.

Īīīāī ū

В Познани их было 22 %, теперь 8%. В Курнике – 43%, теперь – 9%. Во Вржесни 45%, теперь 11%. В Сваржендзи 55%, а сейчас 12%, в Сквержине 31%, теперь 3%. В Среме 27%, теперь 10%.

Одновременно в тех же краях сильно увеличился процент католиков: в Познани с 49 до 60, в Милославе с 54 до 76, в Келенне с 25 до 52, в Курнике с 50 до 80 и т.д.

Таким образом, факт налицо. Евреи расплозились по германским землям, последовательно из года в год вытесняемые вновь образовавшимся польским мещанским сословием. Это сословие с успехом конкурирует на экономическом поприще и с евреями, и с немцами. Цифры почерпнуты из книги Лео Вегенера «Экономическая борьба немцев с поляками», опубликованной на немецком языке.

«Āīīāā»¹ 38

Сионистское движение очень пришлось по душе немецким консерваторам. Как и подобает хорошим врагам, они стараются прикинуться друзьями евреев. Лейб-орган аграриев, то есть «Союза сельских хозяев» («Deuts Tageszeitung»), в статье о сионизме, исключительно из пылкой привязанности к евреям, рекомендует разрешить немецким евреям устройство низших и средних школ. Соглашается даже на то, чтобы эти школы поддерживались казной. Вспоминая о письме русского государственного деятеля д-ру Герцлю, газета замечает, что это письмо так же корректно, как и умно. «Мы ничего не имеем против того, – добавляет лейб-орган pro domo squa, – чтобы и в Германии пожелали

принять подобного же рода меры против сионизма. «Мысль о выселении заслуживает всяческой поддержки как в интересах государства, так и в целях сохранения национальности. Сионизм доказал, рассуждает газета, что евреям невозможно ужиться в христианской среде. А посему им остается одно: исход в Сион. От пребывания евреев в Германии страдают интересы обеих национальностей – еврейской и немецкой, а посему – divorconenouns. И “Deuts Tageszeitung” предлагает сейчас же изгнать евреев из школы, а также из суда, ибо немецкому учителю или судье нужно иметь в груди немецкое сердце.

Вот на какие мысли наводят аграриев успехи сионизма. Но правильно ли предполагать, что та же самая “Deutsene Tageszeitung” не пускалась бы в вышеприведенные разглагольствования, если бы сионистского движения не существовало? В данном случае, сионизм есть, разумеется, лишь повод для того, чтобы высказать то, что давно уже просилось на бумагу».

«Аїтїа» 1 38

В политической жизни Германии произошло событие, представляющее крупный общественный интерес: национально-социальная партия, предводительствуемая известным пастором Кацманом, примкнула к Союзу свободомыслящих, во главе которого стоит д-р Барт. Как могло случиться, что политическая группа, вышедшая почти целиком из бывшей антисемитской «христианско-социальной партии» Штеккера, присоединяется к партии, вождь которой, д-р Барт, состоит председателем «Союза борьбы с антисемитизмом»? Быть может, д-р Барт и его единомышленники изменили своим принципам и ввели в программу такие изменения, что позволяет им идти рука об руку с антисемитами? Ничуть не бывало: Союз свободомыслящих ни на йоту не отступил от своих принципов в угоду новым союзникам. Напротив, пастор Кацман и его товарищи, вступая в союз, отказываются от прежней политической программы, прекращают свое существование в качестве самостоятельной политической партии и, присоединяясь к союзу свободомыслящих, всецело принимают его установления. Перед нами весьма любопытный факт эволюции в политической жизни Германии. Семь лет тому назад возникла национально-социальная партия; образовал ее пастор Кацман. В ней были люди различных взглядов, но преобладали представители распавшейся незадолго до того христианско-социальной группы Штеккера. К Кацману примкнули все видные сотрудники бывшего придворного проповедника, – такие, скажем, как фон Герлях, редактор Штеккерской газеты «Wolk». Сам пастор Кацман до образования своей группы не был антисемитом, но потом стал им. Это была группа тайно-антисемитская; ее деятели обожглись уже однажды, развернув шумную кампанию против евреев. Не помог им тогда и пастор Штеккер со своим патентованным красноречием. Теперь они семь лет вели замаскированную кампанию против тех же евреев. Но и тут их постигла неудача. Приходится отказываться от своей программы и вступать в партию, отвергающую национальную травлю. Следует отметить, что национал-социалы не сразу пришли к такому решению; оно возникло постепенно под давлением требований жизни. С каждым годом ослабевал антисемитский момент в планах их действий. «Мы убедились в своей ошибке и теперь знаем, что религия и политика – два понятия, кои не следует смешивать», – пишет сегодня фон Герлях о себе и своих товарищах.

А раз из программы национал-социалов был устранен юдофобский мотив, им оставалось только примкнуть к союзу свободомыслящих. Другого пути не было, потому что все различие между этими двумя группами заключалось в антисемитской окраске первой.

История национально-социальной партии наглядно свидетельствует, что на антисемитских выступлениях теперь трудно сделать политическую карьеру в Германии».

«Аїиїа» 1 38

Ѕаїїаї є-їаў оїїї єєа

Едва ли найдется где-нибудь в мире еще одно учреждение, в такой же мере антисемитское, как нижнеавстрийский ландтаг, во главе которого стоит Люгер, а другими руководящими деятелями являются Шнейдер, Белоглавок, Грегори и другие родственные им по духу проходимцы. Конкурировать с ландтагом в антисемитизме могла бы только венская дума; но о конкуренции в данном случае не может быть и речи, так как состав обоих учреждений почти тождественный.

Ландтаг, как и дума, давно уже добираются до евреев-врачей, которых, как известно, в Вене довольно много. Люгер со свойственной ему ловкостью выдвинул вопрос о вивисекции, давший ему возможность произнести несколько прочувствованных речей о сострадании к животным и где только можно проливать крокодиловы слезы о жестокости врачей. Люгеровы молодцы подхватили лозунг, брошенный атаманом, и пошла писать губерния. От врачей вообще перешли к врачам-евреям, на которых и обрушили все нападки. До какой гнусности может дойти клевета в австрийском ландтаге свидетельствует сообщение Штейнера, докладчика по вопросу о вивисекции. В этом сообщении один из наиболее уважаемых в Вене врачей и всемирно известный специалист по ушным болезням профессор Поллицер обвиняется в подкупе больничных сторожей, которые вырезали для него у трупов слуховые органы и в том, что сам Поллицер продавал эти органы другим врачам. Когда Штейнер произнес имя Поллицера, в ландтаге поднялся вой: «Жида! Жида! Изгнать!» Обвинение это оказалось лишенным всяких оснований. На другой день в «New Fr. Pr.» напечатано было письмо профессора Поллицера, где он требует от Штейнера указать хотя бы один случай продажи слуховых органов кому бы то ни было. Никакой нужды в подкупе сторожей у Поллицера не было, так как еще в 1862 г. он получил от венского магистрата разрешение при соблюдении известных условий пользоваться для университетской коллекции отделенными от трупов частями слуховых органов. Коллекция эта дала ему возможность открыть целый ряд болезней уха и найти средства бороться с ними. «За 50 лет врачебной деятельности, – с горечью замечает Поллицер, – мне приходилось лечить сотни тысяч бедных больных, не получая за них от города никакого вознаграждения. И вот, наконец, явилась благодарность!»

На ландтаг письмо Поллицера никакого впечатления не произвело. Была принята резолюция, в которой ученой коллегии врачей рекомендовалось избегать по возможности вивисекции и озаботиться тем, чтобы из их среды «вытравлены были неблагонадежные и безнравственные элементы». Эта наглость показалась чрезмерной даже господам ученым, именитым и уважаемым, обыкновенно неохотно вмешивающимся в жизнь заурядных медиков. В газетах появилось «разъяснение» за подписью всех профессоров венского медицинского факультета:

«Медицинская профессорская коллегия решительным образом протестует против суждения и резолюций несведущих лиц и в неподлежащей корпорации (ландтаг) по поводу вопроса об опытах на животных (вивисекция); протестует также против обсуждения в легкомысленном и враждебном тоне условий преподавания – назначения ассистентов, деятельности профессоров в клиниках и медицинских учреждениях и, наконец, официальных мнений профессорской коллегии. Последняя видит в этом

серьезный вред для важных, назначенных для общего блага и непрерывно работающих для этого блага учреждений».

Разъяснение ландтагу весьма не понравилось, и Люгер пригрозил врачам лишить больницы субсидий.

Поведение ландтага вызвало негодование не только в интеллигентной части австрийского общества, но и во всей Германии. «Voss Zeit» отмечает по этому поводу тот факт, что ни один порядочный немецкий ученый не решается уже более занять кафедру в венском университете из боязни, что его доброе имя будет втоптанно в грязь.

«N 1898ā aiōēnāi eōū iīā ei āiāi ōdeñōēaiñēō ñēīēñōīā iīēō:ēēē aiēūōēīñōāi ā iēāīāāñōdeēñēī ēaiōāāi ē ā āaiñēī āōīāñēī iāāñōdāōā ñōīēēōā Aāñōdeē aiēā iōāāīā ā dōēē ēēāāā “ōdeñōēaiñēō ñēīēñōīā” Eōāāda, āōñāīēñōdā Aāīū, ē āā iōēāīdeāīōāā Nāēī āēēīēāī aiōēnāi eōū āāāi iīēūōñōñē āēē jēīīī ē:āñēē aiōñāi ñ āāāyī ē. Iīñāōīī iōñāīyōñē çāēīū i iāēēī dāçīīñī ōīdā, i āñēdāñī iōāñōā ē.ō.i., iōīēī āpñēā ó āāāā ñāāñōāi ē ññāñōāīāñēp. Aāāē aiōāñyñōñē eç āōīāñēīā ñāi iōīdāāēāyē ē āōīāñēīā ōīçyēñōāā» (Aāñēñēy jī ōēēēīīāēy. 1991. ō. 1. N. 335).

«Восход» № 35

Ушел из жизни крупный человек. Еще недавно в его болезни произошел поворот к лучшему, и близкие надеялись, что он поправится. Но наступило внезапное ухудшение, и его не стало. 19 августа (1) сентября скончался Бернар Лазар¹. Умер 38 лет от роду, оставив семью без всяких средств к существованию.

Бернар Лазар (настоящее имя Лазар Бернар) родился в городе Нима, что на юге Франции. Благодаря своей матери, свято чтившей еврейские обычаи, он с детства стал сознавать себя евреем. Еврейскими проблемами Бернар Лазар заинтересовался весьма рано. В 1894 г. он выпустил в свет большое историческое сочинение «Антисемитизм, его история и причины». Летом 1890 г. начал публиковать «Lettres pro letariantes», но успел издать лишь первый выпуск, названный им «Антисемитизм и революция». Следующий год его жизни ознаменовался дуэлью с Дрюмоном².

Причиной дуэли послужила журнальная полемика по еврейскому вопросу. С 1896 г. начинается работа по делу Дрейфуса. Лазар первым выступил с защитой Дрейфуса. Одна за другой выходят три его брошюры: «Правда о деле Дрейфуса» – рассказ о том, как судят невиновного; в 1897 г. издается «Судебная ошибка: дело Дрейфуса». Все годы кампании Лазар энергично работает в газете «Aurore», основанной группой передовых интеллигентов. Кроме газетной работы, поглощавшей время и силы, Бернар Лазар успевал еще заниматься историей мирового еврейства. Заинтересовавшись положением евреев на востоке Европы, он занялся изучением жизни евреев в Румынии, Галиции и России. Незадолго до болезни он успел выпустить в свет книгу «О румынских евреях». Остальным произведениям Лазара не суждено было увидеть свет при его жизни.

Он первый имел мужество выступить против всей страны и громко заявил согражданам: вы заблуждаетесь.

Он требовал справедливости для всех евреев мира. Исход единоверцев из Румынии волновал его так же горячо, как дело Дрейфуса. Он поехал в Румынию, писал страстные статьи. Нищета евреев тоже была предметом его внимания.

Он издавна питал симпатии к русскому еврейству. Проблема черты оседлости была близка его сердцу. Он написал о ней работу, которую думал напечатать по выздоровлении. Уже на смертном ложе дошла до него весть о кишиневских событиях; он тотчас воспрял духом. Не имея сил писать, он пробовал диктовать яростные строки. Но болезнь взяла верх, ему не удалось окончить задуманное. Он умер, как солдат, на поле битвы.

Áádí ad Éaçad (1865-1903) - áúááþúééñý íáíééöéñò è íáúáñòááííúé áúýòáéú Çáéíí-éé ééöáé á Í èí á á Í adéæá í ññóóí'èé á Ecole de Chartes. Ááò íð ñáíðí ééíá «Le miroir des legendes», «La Porte d warites porteurs de tarches». Íáíéñáé éíéáñ «Áíðéñáí éðéçí, ááñ éñòíðéý è íðé-éíú», á ðáéæá éñòíðé-áñéíá ñ-éíáíéá í ááðýð Ðúí úíéé. Ó-áñóíéé áíðáú çá ññáíáæááíéá Áðæóðá, íáðáíé í óáéé-íúé áá çáúéðíéé. Áúé éçáðáí á Ááíñéé éñííéíéðáéñú úé éíí éðáð ñéííéñòñéíé íáðóéé, íí íá ðáçááéýé ñððáòáæþ Ááðóéý è ííýòíí ó áíéæ éç éíí éðáðá (Éðáðéáý ááðáéñéáý ýíóéééíí ááéý. Ò 4. N. 663-664)

Ýáúáðá-Ááíéúò Áðþí íí - éçááñóíúé óðáíóóçñéé áíðéñáí éð, ááòíð éíéáñ «La France Juive». Íñí ááðáéú áíðéñáí éðñéíé áñóííú á Í áéáðá ááíóóáðíá (1898), íðáíéçáðíð ááñíðýáéíá á Áéæéðá á 1902 á Í íáááðáý áíééíóó ñ ñòíðííú ðáñíóáéééáí óáá (Ááðáéñéáý ýíóéééíí ááéý. Ò 7. N. 351-352).

...1924 год. В Рим на лечение приезжают инкогнито председатель Совета Министров СССР А.И.Рыков с женой.

Советское посольство просит Иофана познакомить «этих иностранцев» с Римом. Общение с главой советского правительства окончательно убеждает Иофана вернуться в Россию.

...В Москве, на ул. Серафимовича, в 1931 году закончилось строительство жилого Дома правительства (ЦИК и СНК СССР) по проекту архитектора Б.М. Иофана (совместно с Д.М. Иофаном).

Очень мало найдется сегодня москвичей, которым это название что-то скажет. Но стоит произнести утвердившееся за ним после выхода романа Ю.В.Трифонов «Дом на набережной» это его неофициальное название, и сразу становится ясно, о чем идет речь.

«Дом на набережной» – это уникальный по своей грандиозности и масштабам жилой комплекс: несколько 10–11-этажных зданий с пятьюстами квартир для видных государственных, политических и общественных деятелей, военачальников, работников культуры.

Чего только не было в этих зданиях: детсад, ясли, спортивные залы, библиотека, столовая, прачечная, амбулатория, универмаг, отделение связи, сберкасса, клуб, ставший потом Театром эстрады, наконец, кинотеатр «Ударник», который еще совсем недавно числился самым крупным в Москве – 1500 мест.

Б.М. Иофан с женой и двумя ее детьми – удочеренной им Ольгой и усыновленным Борисом заняли в этом доме одну из квартир, переоборудованную для его работы под мастерскую.

Сталинские репрессии как мясорубка перемалывали жильцов этого дома. И сегодня только в одной квартире из 500 живут потомки тех, кто занимал ее изначально: в квартире Иофана живет семья его внука!

На конкурсе (1931–1933) проектов Дворца Советов, который должен появиться на месте взорванного храма Христа Спасителя, высшую премию получает Б.М.Иофан. Его проект принят к исполнению. Строительство Дворца Советов – грандиозного здания-пьедестала высотой 415 м под статую 80 метрового Ленина – прервала начавшаяся война.

Многие значительные конкурсы на общественные сооружения заканчиваются победой Иофана. В 30-е годы он в фаворе у Сталина. 14 раз (!) встречался архитектор с вождем.

Иофан – автор павильона СССР на Всемирной выставке в Париже (1937), который венчала исполинская скульптура «Рабочий и колхозница», выполненная В.Мухиной по рисунку... самого Иофана.

Иофан – автор павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке (1939).

Лебединой песней прославленного архитектора должно было стать здание Московского университета на Воробьевых горах. Но не стало...

Энциклопедии, путеводители дружно сообщают, что Московский университет построен по проекту архитектора Л.В. Руднева.

А вот что поведала своим читателям газета «Известия» (04.01.20001).

«...В 1949 году в Москве было заложено высотное здание МГУ. Автором первого проекта был архитектор Иофан Борис, однако он отважился поспорить с самим Сталиным по поводу местоположения новой высотки. В результате право возводить МГУ передали одному из учеников Бориса Иофана – Льву Рудневу, который практически весь проект своего учителя оставил без существенных изменений. Так что фактический автор проекта здания МГУ отнюдь не Руднев, как сообщают справочники, а Иофан».

Если из этой заметки убрать вымысел (его там предостаточно) и оставить правдивую и уточненную информацию, то получится: автором утвержденного эскизного проекта был Иофан. Он отважился поспорить с самим Г.М.Поповым, секретарем МК и МГК ВКП(б), секретарем ЦК ВКП(б), а не со Сталиным!

Иофан действительно настаивал на том, чтобы здание МГУ поставить на 300 метров ближе к бровке реки по сравнению с местом, где оно расположено сейчас.

Бескомпромиссность архитектора обошлась ему неожиданно дорого: Сталин подписал распоряжение передать руководство всеми дальнейшими работами архитектору Л.В. Рудневу. (Руднев не был учеником Иофана, это газетная выдумка.)

Руднев с коллективом архитекторов, взяв за основу всесторонне разработанный Иофаном технический проект, довели работу до полного завершения, за что и получили Сталинскую премию.

А Иофан? Ничего!

Когда речь идет о сооружении высотного здания МГУ, его имя даже не упоминается, хотя правда такова: здание МГУ на Воробьевых горах построено по проекту Б.М. Иофана и Л.В. Руднева.

И после этой трагической для Иофана истории по его проектам было построено не одно здание. Но знаменитым сделали его не они.

Знаменитым, и даже очень, он уже был. И неудивительно, что когда в 1970 году учредили почетное звание «Народный архитектор СССР», в числе первых, получивших его, значился Б.М. Иофан.

...4 марта 1976 года врач санатория «Барвиха», построенного тоже по проекту Иофана, обходя палаты, увидел его, лежащего без сознания в кресле у чертежной доски. Через 6 дней, не приходя в сознание, Иофан скончался. (№134-135)

ІАІ ВОІ УА ААОУ ААЁААДВ

1 ДЕКАБРЯ

110 лет со дня рождения поэта, писателя и государственного деятеля, президента Баварской советской республики, автора драм «Люди-роботы», «Хоппля, мы живем», «Долой перемирие!», «Пастор Халль», автобиографических записок «Юность в Германии» и др. **Эрнста Толлера** (Toller; 1893, Замочин, Германия – 1939, Нью-Йорк).

6 ААЁААДВ

115 лет со дня рождения фольклориста, литературоведа, этнографа, профессора Иркутского и Ленинградского университетов, автора трудов о сказках, причитаниях, о писателях-декабристах, о связи литературы и фольклора, капитального труда «История русской фольклористики» **Марка Константиновича Азадовского** (1888, Иркутск – 1954, Ленинград).

7 ДЕКАБРЯ

100 ёаò ìñ äíÿ ðĭæääĭèÿ физика, академика АН УССР, Героя Социалистического Труда, директора Института физики АН

УССР, одного из создателей, профессора и заведующего кафедрой МИФИ, автора трудов по физике элементарных частиц и ядерной физике, под руководством которого были разработаны ядерные реакторы-размножители на быстрых нейтронах, лауреата Государственной премии СССР **Александра Ильича Лейпунского** (1903, Драгли Гродненской губ. – 1972, Обнинск).

430 עֵאֹז מִן אֵיזְרָאֵל (12 кислева) талмудиста, раввина Волыни и Люблина, автора «Ям шел Шлоймо» – труда по кодификации Талмуда и Алохи и др. **рабби Шлоймо Лурия** (Мааршал; 1510, Брест-Литовск – 1573, Люблин).

9 אֵאֵפֶאֶז

50 עֵאֹז מִן אֵיזְרָאֵל дирижера, пианиста, композитора, главного дирижера Берлинского филармонического оркестра, музыкального руководителя венской Народной оперы и Софийского оперного театра, будапештской Оперы, филармонического оркестра в Осло, музыкального руководителя симфонического оркестра Сан-Франциско, главного дирижера гетеборгского симфонического оркестра, дирижера и музыкального руководителя стокгольмской Оперы **Исаия Александровича Добровейна** (наст. фамилия Барабейчик; 1894, Нижний Новгород – 1953, Осло).

160 עֵאֹז מִן אֵיזְרָאֵל דַּוִּיד פּוֹפּפֶר виолончелиста и композитора, профессора Будапештской консерватории **Давида Поппера** (Popper; 1843, Прага – 1913, Баден, Австрия).

20. А. А. Э. А. Д. Б.

60 *éàò ì ì áíÿ æááæè* Героя Советского Союза младшего лейтенанта **Владимира Зельмановича Вайсера** (1921, Проскуров – 1943, Чоповичи Житомирской обл.).

24. А. А. Э. А. Д. Б.

75 *éàò ì ì áíÿ ðæááíéÿ* пианиста, народного артиста СССР, профессора Московской консерватории **Льва Николаевича Власенко** (1928, Тифлис – 1996, Брисбейн, Австралия).

205 *éàò ì ì áíÿ ðæááíéÿ* поэта, деятеля национально-освободительного движения, редактора демократической газеты «Трибюн де пепль», основоположника польского романтизма, автора поэм «Гражина», «Дзяды», «Конрад Валленрод», «Пан Тадеуш» и др. **Адама Мицкевича** (Mickiewicz; 1798, Заосье Минской губ. – 1855, Стамбул).

100 ёаò ì ã äü ðæääéÿ дирижера, педагога, народного артиста России, профессора Ленинградской консерватории, одного из основателей ленинградской дирижерской школы **Ильи Александровича Мусина** (1903, Кострома – 1999, Петербург).

26 ÄÄÊÀÁÐ

65 ёаò ì ã äü ðæääéÿ спортсмена и тренера женских баскетбольных сборных СССР, России и СНГ, (олимпийского чемпиона 1992 года), заслуженного тренера СССР **Евгения Яковлевича Гомельского** (р. 1938, Ленинград).

27 ÄÄÊÀÁÐ

135 ёаò ì ã äü ðæääéÿневропатолога, создателя научной школы, установившего эксцентричное расположение длинных волокон в спинном мозге, описавшего носоподбородочный рефлекс, ряд симптомов менингита, форму энцефаломиелиита, автора «Атласа человеческого мозга» **Эдварда Флатау** (Flatau; 1868, Плоцк – 1932, Варшава).

28 ÄÄËÀÁÐ

135 äàò ì äíý ðæääéÿ патофизиолога, биохимика и радиобиолога, почетного члена Академии наук и искусств в Нью-Йорке, профессора ЛГУ, предложившего метод автордиографии, разработавшего методику наложения фистул на сосуды, автора первой монографии по радиобиологии «Радий в биологии и медицине», исследований бактерицидных свойств крови, физиологии и биохимии пищеварения и всасываний **Ефима Семеновича Лондона** (1868, Кальвария Сувалкской губ. – 1938, Ленинград).

31 ÄÄËÀÁÐ

70 äàò ì äíý ðæääéÿ артиста театра, киноактера, снявшегося в фильмах «Гараж», «Тот самый Мюнхгаузен», «Дом, который построил Свифт» «Формула любви», «Миллион в брачной корзине», «Убить дракона» и др., **Семена Львовича Фарады** (наст. фамилия Фердман; р. 1933, Москва).

– начнется и кампания: «Бей жидов – спасай Россию». Листки распространяются от имени некоего Артемова – депутата областного Законодательного собрания; их тиражирует также газета «Рубеж» (150 тыс. экземпляров).

А так живем мы хорошо. Отмечаем праздники, смотрим телевизор, переживаем за своих, живущих в Израиле. Но там война, интифада... А у нас за 2 месяца – 4 убийства... И тишина – в ответ ни звука! В общине одни старики, и некому защитить наши жизни.

У вас у самих проблемы, да и масштабы побольше. Мы это понимаем. Но ведь что-то вы можете сделать!

Спасибо вам заранее. Лехаим!

Àáààì Õààèí, Áèààèí èð